

Сергей Юльевич Витте

Воспоминания. Том 2

Сергей Витте
Воспоминания. Том 2

«Public Domain»

1911

Витте С. Ю.

Воспоминания. Том 2 / С. Ю. Витте — «Public Domain», 1911

«Граф Сергей Юльевич Витте, в ряду немногих наших выдающихся государственных деятелей, занимает бесспорно наиболее видное место. С его именем неразрывно связана крупнейшая реформа нашего денежного обращения и коренное преобразование государственного бюджета, быстро создавшее России возможность стать равноправным членом международного хозяйственного оборота. Решающая роль, принадлежащая гр. Витте в этих сложных вопросах государственной экономической жизни, тем сильнее привлекает к себе внимание, что, казалось, он отнюдь не был подготовлен к ней...»

Содержание

Вступительные замечания	5
Предисловие	15
Глава первая	17
Глава вторая	39
Глава третья	52
Глава четвертая	61
Глава пятая	64
Глава шестая	71
Глава седьмая	78
Глава восьмая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Юльевич Витте

Воспоминания. Том 2

Вступительные замечания

Граф Сергей Юльевич Витте, в ряду немногих наших выдающихся государственных деятелей, занимает бесспорно наиболее видное место. С его именем неразрывно связана крупнейшая реформа нашего денежного обращения и коренное преобразование государственного бюджета, быстро создавшее России возможность стать равноправным членом международного хозяйственного оборота. Решающая роль, принадлежащая гр. Витте в этих сложных вопросах государственной экономической жизни, тем сильнее привлекает к себе внимание, что, казалось, он отнюдь не был подготовлен к ней. Математик по образованию, он, по его собственным признаниям, самоучкой познакомился с политической экономией и финансовой наукой и не имел определенной, продуманной программы. В начале девятидесятых годов он являлся решительным сторонником крестьянской общины, а впоследствии стал столь же непримиримым противником и на этом вопросе несколько раз терпел фиаско в своей карьере в борьбе с И. Л. Горемыкиным. Известный профессор Постников, как уверяет гр. Витте, преподавал ему, что вопрос о цене и ценности пустяки и что теория спроса и предложения есть просто выдумка людская. Этим людским выдумкам он противопоставляет реальность: «то, что прежде всего требуется для „государственного банкира“, это – способность схватывать финансовые настроения.»

Неудивительно поэтому, что тотчас после смерти гр. Витте вокруг его имени возгорелся страстный спор, был ли он действительно великим человеком (его сравнивали с Петром Великим) или же, как утверждали другие, ему просто посчастливилось вложиться своей личностью в великие исторические события.

Само собой разумеется, что если бы я соблазнился, на основании многолетнего личного знакомства, с своей стороны предложить характеристику личности гр. Витте, то она дала бы лишь новый мотив для этого спора, ибо точно также не могла бы претендовать на объективность. Многие возводят ведь переживаемые Россией трагические события к его деятельности, а он, в свою очередь, неоднократно говорит в мемуарах, что Россия идет навстречу катастрофе, потому что его программа не была осуществлена.

Но вполне объективно можно установить тот факт, что с самого начала своей государственной карьеры гр. Витте обращал на себя внимание своими исключительными природными дарованиями. Далеко не всегда можно сказать, что не место красит человека, а человек место. Но в применении к гр. Витте это было именно так. Какое бы место он ни занимал, он делал его заметным и всюду оставлял яркий след своей деятельности и неутомимой инициативы. В его карьере поэтому не было ничего случайного, он неуклонно возвышался, должен был раньше или позже дойти до поста министра. Если взять для сравнения другую крупную фигуру – П. А. Столыпин, которому в мемуарах гр. Витте отводится больше всего неприязненного внимания, то столь же объективно можно отметить противоположное. До назначения министром Столыпин имел репутацию крайне ограниченного, заурядного чиновника, двигавшегося по служебной лестнице с помощью протекции, и назначение его министром произошло вполне случайно. Он вырос неожиданно в совершенно исключительной обстановке.

Как ни велики однако были личные качества гр. Витте, обстановка, которую он застал, тоже оказалась весьма благоприятной для применения его данных.

Как известно, эпохой реформ, даже великих реформ, установлено считать царствование Александра II. Действительно, преобразовательная деятельность достигла тогда высокого напряжения. Крепостное право держало Россию в состоянии натурального хозяйства и отделяло ее непроницаемой стеной от запада. Освобождение крестьян, переход к наемному труду, разрушавший эту стену, в свою очередь властно требовал изменения всего уклада государственной жизни – правильного суда, земского и городского самоуправления. Но все эти реформы не отличались творческим созидательным началом, они лишь устраняли препятствия, мешавшие России вступить в европейскую семью, они лишь закладывали фундамент, на котором предстояло возвести то или другое здание. Соответственно этому эпоха Александра II выдвинула не мало видных государственных деятелей, но характерно, что в биографиях их на первый план неизменно выдвигаются, соответственно стоявшей перед ними задаче, их высокие душевные качества, рыцарское благородство при проведении начал гражданского равноправия и отказа от дворянских привилегий в пользу «меньшого брата».

После того, как фундамент был заложен, началась эпоха реакции не только правительственной, но и общественной. Однако, вопрос о том, какое здание и как его строить, повелительно стоял на очереди и вызывал горячие споры, сводившиеся к тому, должна ли Россия пройти через те же стадии хозяйственного развития, которые проделала далеко шагнувшая вперед Западная Европа, или же, в виду позднего выступления России на мировой рынок, она найдет свои самостоятельные пути. Книга В. В. (Василия Воронцова) «Судьбы капитализма в России», стоявшего на второй точке зрения, сделавшая в восьмидесятых годах евангелием нашей учащейся молодежи, но засим интеллигентное общественное мнение под давлением марксизма, сделавшего к этому времени большие успехи в России, стало переходить на противоположную позицию, т. е. склонялось к тому, что экономическое развитие России должно пойти по пути эволюции капитализма, пышно расцветавшего в западноевропейских странах. На долю графа Витте и выпало разрешить этот спор практически и он, может быть, с гораздо большей стремительностью нежели последовательностью, гордиев узел разрубил.

Трудно было представить себе человека более подходящего для разрешения столь сложной задачи в тех переходных условиях, в которых Россия тогда находилась. Конечно, для такой цели сам по себе больше подходил бы какой-нибудь представитель нарождающейся промышленности, человек торгового звания. Но такая мысль тогда казалась бы просто кощунственной. Наша бюрократия всеми корнями своими срослась и переплелась с дворянством, интересам коего, как мы это еще дальше увидим, переход к капиталистическому строю вообще весьма мало улыбался. Допустить какого-нибудь разночинца в святая святых управления страной, об этом не только говорить – и помыслить нельзя было. А граф Витте не только был дворянского рода, но весьма гордился своим дворянским происхождением. Но с другой стороны его изумительно ясный практический ум, его кипящая энергия отчуждали его от пассивного вырождающегося, «профершпилившегося», как говорится в мемуарах, дворянства.

И напротив, его служба на железной дороге, его провинциализм и отчужденность от бюрократического Петербурга, его многочисленные и разнообразные знакомства, круг коих он неустанно расширял – все это делало для него понятной психологию «разночинца», обусловливало возможность взаимного понимания.

Таким образом гр. Витте оказывался, с одной стороны, вполне приемлемым, своим человеком для бюрократического Олимпа, который мог говорить с ним на общем языке, а с другой, он обладал всеми качествами для того, чтобы повести Россию по новому пути, на который ее властно толкали общие условия момента. Кстати, любопытно отметить, что гр. Витте был назначен министром финансов в 1892 году, после года тяжелого неурожая,

который так трагически засвидетельствовал неотложную необходимость перехода России к более развитым экономическим формам.

В своих воспоминаниях гр. Витте рассказывает о тех препятствиях, которые он встретил на пути проведения денежной реформы, несомненно противоречившей интересам местного дворянства. Низкий курс рубля и его колебание на иностранных биржах казались выгодными тем, кто продавал хлеб за границу, ибо это увеличивало шансы конкуренции. Гр. Витте отделялся от них частными подачками в виде «ссуд» и деятельностью Дворянского земельного банка и тем не менее должен был прибегать к компромиссам, о которых он задним числом высказывает в мемуарах сожаление. Но главное – переход к капиталистическому строю требовал развития начатых в предыдущее царствование политических преобразований, укрепления правового порядка, равно как и широких социальных реформ и насаждения образования, а это вызывало недовольство. Противодействие вызывало, напр., учреждение и деятельность фабричной инспекции, которая считалась очагом подрывания основ. «Фабричная инспекция», рассказывает гр. Витте, «всегда находилась в подозрении, как такое учреждение, которое будто бы склонно поддерживать интересы рабочих против интересов капиталистов».

«Мне с большим трудом удалось провести в государственном совете закон о вознаграждении рабочих в случае увечий и несчастных случаев. Но закон этот был урезан сравнительно с подобными же законами за границей», и т. д. Но гр. Витте вынужден был идти по этому пути, вследствие чего и приобрел вполне заслуженно репутацию опасного либерала, и чем дальше, тем все больше возбуждал против себя подозрение в правящих кругах. В интересных воспоминаниях Д. Н. Шипова («Воспоминания и думы о пережитом» Изд. М. и С. Сабашниковых, Москва, 1918 г.) рассказывается, что когда кн. Святополк-Мирский предложил Государю созвать совещание для обсуждения вопроса о положении России, то Государь отказался пригласить в него гр. Витте, так как он – де франк-масон. В 1906 году ему было предложено гр. Фредериксом от имени Государя не возвращаться в Россию, так как его пребывание могло бы усилить смуту.

В этом гр. Витте и усматривал трагедию своей государственной карьеры. Едва ли не главная задача настоящих воспоминаний доказать свою преданность самодержавному принципу, неустанную заботливость об ограждении прерогатив монарха и несомненно, что всей своей деятельностью гр. Витте подтвердил, что по своей натуре, по своим склонностям и привычкам он был ярко выраженным автократом. Достаточно напомнить, что главная историческая реформа – восстановление золотого обращения была проведена вопреки Государственному Совету, с нарушением установленного порядка, что – и это чрезвычайно характерно – не мешает ему упрекать П. А. Столыпина в пренебрежении к требованиям основных законов. Но будучи в душе автократом, он в то же время, как уже сказано, вынужден был быть либералом, либералом *malgré lui* в силу той роли, которая выпала на его долю в деле государственного строительства России. Однако, он был бесконечно далек от мысли, что самодержавный режим не может обеспечить прочность этого строительства, что она требует совершенно определенных политических гарантий. Он, напротив, был непререкаемо убежден, что поскольку руководящая роль ему будет поручена, постолько вопрос о каких бы то ни было гарантиях отпадает.

Когда я с гр. Витте познакомился в 1903 году, я мог – и это было ярким знаменем времени – заговорить с представителем правительства о конституции. Но мои соображения ничего кроме недоумения не вызвали, и оно отчетливо отразилось в пренебрежительном замечании моего собеседника, что «никакой пользы из разговоров с ним (т. е. со мной) я не извлек». В соответствии с этим, когда в декабрь 1904 г. по настоянию министра вн. дел кн. Святополк-Мирского был составлен проект указа, в котором впервые возвещалось о созыве выборных представителей, то, как это видно из настоящих воспоминаний и в особен-

ности из упомянутой книги Д. Н. Шипова, гр. Витте добился в последнюю минуту исключения означенного пункта, но зато осуществление намеченных в указе реформ было поручено ему, (кн. Святополк-Мирский ответил на исключение означенного пункта прошением об отставке) и он был глубоко убежден, что ему удастся намеченную программу реформ осуществить («я так вгонию их глубоко, говорил гр. Витте, что назад уже не отнимешь»).

Однако, в настоящих воспоминаниях гр. Витте пришлось констатировать, что уверенность его снова была решительно обманута и указ 12 декабря сведен был просто на нет. Но тем не менее, когда засим начались так называемые булыгинские совещания о призыве выборных, гр. Витте, по его словам, в этих заседаниях молчал и даже около года спустя в отношении манифеста 17 октября, который должен был торжественно возвестить о переходе к конституционному строю, гр. Витте занял ту же двойственную позицию и в своих воспоминаниях он и личными заявлениями, и чужими свидетельствами силится доказать, что он во всяком случае не был за издание манифеста. Еще более характерно, что попытка приглашения общественных деятелей к участию в кабинете сокрушилась на вопросе о назначении министром вне. д. П. Н. Дурново, одного из наиболее ярких представителей старого режима, относительно которого Александр III положил за несколько времени до того знаменитую резолюцию – «убрать этого мерзавца в 24 часа». – А гр. Витте признавал участие именно Дурново более важным, нежели сотрудничество общественных деятелей, и через несколько месяцев, непосредственно перед созывом Думы, он свое вынужденное прошение об отставке мотивировал тем, что не может принять на себя перед Думой ответственности за действия Дурново. Словно какой то неизбежный рок пригвоздил его к этой меченой фигуре, за которую потом историческая Немезида так жестоко ему отомстила.

Но еще и в этот момент, при обсуждении проекта основных законов, главной задачей гр. Витте по его словам было ограждение прерогатив монарха и ограничение прав народного представительства.

Если же при этом иметь еще в виду, что в своих воспоминаниях гр. Витте сам вполне отчетливо указывает, что революция была давно подготовлена «полицейско-дворянским режимом» и что тем не менее в решительную минуту он своими руками этот режим оградил, то нельзя не склониться перед вечной исторической загадкой или, иначе сказать, перед гримасами истории. Правящие сферы не на шутку боялись вручить премьерство «франк масону», от которого недавно с чувством облегчения удалось избавиться, и, конечно, были убеждены, что решившись на столь смелый шаг, он делают величайшую уступку общественным силам, а эти силы, отказавшись поддержать гр. Витте, вместе с тем были недостаточно внушительны, чтобы заставить его открыто стать на конституционный путь и разорвать с прошлым.

Гр. Витте, впрочем, и сам в своих воспоминаниях признает, что в его груди две души живут и что между ними двоится его политическое верование. «По моим семейным традициям, так и по складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие, но ум мой после всего пережитого, после всего, что я видел, и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движения самодержавия, нет». Но если вся беда неограниченного самодержавия только в том, что на престоле может оказаться неудачная личность, если бы, напр., воскресить Александра III, уверял гр. Витте, Россия была бы спасена, то отсюда сама собой подсказывается мысль, что если и при неудачной личности есть надлежащий советник, то неограниченное самодержавие не замедлит проявить все свои благодетельные стороны. Естественно поэтому, что когда гр. Витте становился у власти, или для того, чтобы ему стать у власти, его традиции и укоренившееся настроение просыпались во всей своей силе. Едва ли, однако, было бы справедливо ставить гр. Витте в вину этот разительный недостаток исторической перспективы, – он разделяет в этом отношении весьма

широко распространенное заблуждение, которое у крупных людей естественно усиливается верой в значение роли личности.

Этим объясняется также счастливое для гр. Витте обстоятельство, что он до конца дней сохранил глубокое убеждение в безусловной правоте своей.

Доказательство этого, как уже замечено было, и составляет главную задачу воспоминаний и соответственно этому он меньше всего останавливается на тех финансовых и экономических реформах, которые завоевали ему историческое имя и полностью удались. Говоря о восстановлении денежного обращения, он останавливается преимущественно на внешней стороне реформы и здесь не нашло себе ни малейшего отражения серьезное возмущение, которое эта реформа вызвала тогда в обществе, горячие дебаты, происходившие в вольно-экономическом обществе, заседания которого привлекали массу народа и сосредоточивали на себе общее внимание.

О реформе государственного бюджета, о которой в журналах так много и обстоятельно писали, воспоминания упоминают только вскользь, весьма скупо освещена сущность русско-германского торгового договора. Здесь, так сказать, говорить не о чем, все ясно и само по себе, да кроме того, здесь ему было тесно, здесь он не мог расправить своих крыльев.

Он непрестанно выходил за пределы своей компетенции, вторгался в международные отношения России и уже гораздо больше пафоса и интереса проявляет, рассказывая о своих переговорах с Ли-Хун-Чаном, приведшим к заключению выгодного договора с Китаем, о переговорах с маркизом Ито, о роли своей в борьбе с дальневосточной авантюрой, закончившейся его увольнением с поста министра финансов, и в особенности о Портсмутском мире, которым мы всецело обязаны его блестящим личным дарованиям. Но всю силу своей страсти, негодования и своеобразной громоздкой диалектики он влагает в изложение своей неудачи 17 октября 1905 года. Двоясь между тяготением к дворянско-полицейскому режиму и пониманием необходимости правового строя, гр. Витте всю вину за неудачу распределяет равномерно между этим режимом, с одной стороны, и партией народной свободы, с другой.

Зато, быть может, они еще больше выигрывают от этого в своей и без того огромной исторической ценности, так как окрашивающий их *субъективизм* автора устанавливает уровень понимания и способность оценки в правящих сферах. Воспоминания гр. Витте доведены почти непосредственно до всемирной войны, завершившейся для нас революцией, которая своего последнего слова еще далеко не сказала. Ясно, поэтому, что настоящие мемуары содержат богатейший материал для уяснения причин катастрофического хода событий, для ответа на многие тревожные и мучительные вопросы современности.

* * *

Граф С. Ю. Витте начал писать свои мемуары летом 1907 года – за границей. Заканчивая первую часть своих воспоминаний, обнимающую время от поездки в Париж, после оставления им поста министра финансов осенью 1903 года, до возвращения в Петербург после заключения Портсмутского мира, граф Витте снабдил ее следующим предисловием:

«В течение моей жизни я не имел ни времени ни охоты писать мои записки. Теперь, удалившись от активной политической жизни, я решил написать мои воспоминания. Думаю, что они могут послужить к освещению многих событий. Я вообще не люблю писать, а потому пишу себя принуждая, не имея под руками документов, за границей. Если буду продолжать писать дома, то часть документов буду иметь под руками, теперь же пишу все по памяти, а потому, вероятно, делаю некоторые ошибки в датах и названиях. У меня память ослабела на даты и в особенности имена, но что касается фактов

и сути дела – то все изложено с полной правдивостью и точностью. Пишу эти воспоминания крайне отрывочно и неусидчиво, по пяти, десяти минут в присест, а потому изложение не только не литературно, но часто совсем нескладно.

Прошу моих наследников их напечатать, причем при печатании можно там, где окажется нужным, исправить слог, не касаясь сути изложения.

Эту часть моих записок, я оставляю у моего зятя в Брюсселе; продолжение буду писать в России, если окажется возможным.

Во всяком случае все мои воспоминания буду нумеровать последующими номерами.

Брюссель.

5 ноября 1907 г.

Граф Витте.»

Следующую – вторую часть своих воспоминаний, посвященную истории манифеста 17 октября, граф Витте писал в Петербурге в январе 1908 года.

Затем наступил перерыв. В августе 1908 года в Виши граф Витте объясняет, чем перерыв был вызван:

«Вследствие болезни жены и апатии я долго не касался этой рукописи, теперь ее продолжаю в обстановке и в состоянии духа, не дающей возможности к какой бы то ни было систематической работе. Дальнейшее, как и предыдущее изложение – это спешные черновые наброски».

Однако, и на этот раз графу Витте не удастся значительно подвинуть свои мемуары. Уже 16 ноября 1908 года он делает в них следующую личную заметку:

«Моей жене делали операцию в Берне. Писать ничего не мог. Выезжаю в Петербург. Не знаю, удастся ли там продолжать».

Следующая личная заметка в воспоминаниях датирована: 19 июля 1909 года, Виши:

Вот уже около года, как я прекратил писать мои мемуарные заметки. Сначала вследствие болезни жены, а затем, вернувшись в ноябре в Петербург, с одной стороны были различные мелкие дела, а с другой постоянно пускались слухи, что будто бы у меня хотят тем или иным путем вынудить неприятные бумаги. В заграничных газетах говорили, что хотят сделать обыск. Как это ни невероятно, но при нынешнем «коварном режиме» все возможно, благо почти вся Россия находится или формально, или в действительности в «чрезвычайном положении».

Там же в Виши через год, 11 июля 1910 года, приступая к продолжению своих воспоминаний, граф Витте писал:

«Собирался продолжать настоящие наброски в С. Петербурге, но это оказалось неудобным, все по той же причине невозможности быть уверенным, что теме или другим способом заметки эти не попадут в руки либерального столыпинского правительства. При теперешнем quasi конституционном режиме нет ничего невозможного».

Зимой 1910–1911 года графу Витте также не удастся продолжать свои заметки в Петербурге. Следующая дата на его рукописи, это – июнь 1911 года, Зальц-Шлирф бл. Франкфурта на Майне.

Смерть Столыпина возбуждает в графе Витте надежду на возможность продолжать писание своих мемуаров в Петербурге. Уезжая из Биаррица, он пишет:

«Сегодня 18-ое ноября 1911 года и послезавтра 20 ноября я покидаю Биарриц, еду в Петербург; удастся ли там продолжать эти заметки или нет, увидим?..»

Надежды эти оказались неосновательны, и в следующую свою поездку за границу летом 1912 года граф Витте приступает к продолжению своих воспоминаний со следующими словами:

«Долгое время я не писал своих заметок, так как в Петербурге по различным условиям писать нельзя и главнейшее потому, что даже в моем положении нельзя быть уверенным, что в один прекрасный день под тем или другим предлогом не придут и не заберут все. Тогда наживешь большие неприятности и совершенно бесцельно, так как в таком случае, конечно, никто и никогда не прочтет то, что я писал. Я не имею теперь под руками то, что я ранее писал. Кажется, я кончил на изменениях в личном составе высших лиц во время моего премьерства. Теперь буду писать о главнейших событиях во время моего министерства по существу».

Заканчивая свои воспоминания, граф Витте в том же году писал:

«Я оканчиваю мои заметки и если дальше буду писать, то в порядке страниц начиная с 364-ой (продолжение настоящей), касаясь более современных обстоятельств, которых я не касался в моих стенографических диктовках потому, что считал это невозможным.

Биарриц, 5-го октября 1912 года».

Упомянутые здесь «стенографические диктовки» представляют собой особую часть мемуаров графа Витте.

Начал он над ними работать зимой 1910–1911 года, когда лишенный возможности продолжать в Петербурге свои заграничные заметки, он занялся составлением политически более безобидных мемуаров, в несколько иных хронологических рамках. В них он начинает с подробного описания своего детства и юношества и своих первых шагов на государственной службе.

Но мало помалу он увлекается этой работой, которую продолжает и зимой 1911-12 года. И таким образом, его стенографические рассказы обращаются в параллельную работу, обнимающую хронологически эпоху от детства графа Витте до конца 1911 года. В этих своих воспоминаниях граф Витте делает только один значительный пропуск: с 15 сентября 1905 года по конец апреля 1906 года, мотивируя его следующими словами:

«Ход дальнейших событий до 17-го октября и затем мое министерство до конца апреля – составляет предмет моих личных, в смысле стилистическом, совсем необработанных записей, но записей, довольно последовательно излагающих события не только за это время, но и за время предшествующее. Записи эти хранятся в должном месте.

Так как я не полагал, что впоследствии буду делать настоящие рассказы, стенографически записываемые, то в тех моих рукописях потомство найдет и изложение некоторых из тех событий, которые я в настоящее время рассказываю для стенографической записи.

Вероятно, в моих рукописных записях рассказы эти были и более точны и, несомненно, более откровенны, а поэтому туда могли войти и такие события, которые в стенографические записи не вошли.

Таким образом, я прерываю свои рассказы за время с конца сентября 1905 года до конца апреля 1906 года».

Так сложились две основные части воспоминаний графа Витте – более «откровенные», написанные им преимущественно за границей и более сдержанные, которые им диктовались в Петербурге.

* * *

Несколько труднее выяснить вопрос, каковы были те предварительные работы, которые легли в основу воспоминаний гр. Витте. Но кое что в этом отношении можно отметить.

Выше, мы привели предисловие к его первой части рукописных записок, в котором он пишет, что у него не было «ни времени, ни охоты» писать свои воспоминания. Но желание, чтобы потомство правильно оценило его роль и значение, владело им задолго до того, как он приступил к писанию мемуаров. Руководясь этим желанием, он, по-видимому, с самого начала своей политической деятельности составлял свой архив, в котором систематически собирал все более или менее важные документы. Особенно тщательно начал он относиться к своему архиву, когда авторитет его поколебался. Тогда его стал волновать вопрос, чтобы справедливость, которой ему, по его мнению, не воздали при жизни, была воздана ему после его смерти.

В этом настроении гр. Витте писал: «Конечно, я уверен в том, что когда я буду в земле, все выяснится, и мне будет отдано должное. Моих врагов забудут, а меня Россия не забудет». Основной целью собирания архива и было облегчение потомству этой задачи систематическим подбором всех материалов, выясняющих личную роль автора.

Наряду с простым собиранием документов, под руководством гр. Витте составлялись и систематические обзоры тех или иных выдающихся событий. К таковым обзорам относится и брошюра «О политике на Дальнем Востоке до 1901 года», которая по желанию Николая II усиленно разыскивалась осенью 1904 года департаментом полиции (см. гл. XXII).

Составление таких систематических обзоров продолжалось и после выхода графа Витте в отставку. Мы знаем даже и имя одного из помощников его в этом деле. Это – Гурьев, который работал в доме графа Витте как раз в тот день, когда были обнаружены адские машины (см. гл. XLIX).

* * *

В нашем распоряжении находились как стенографические записки (17 томов *in folio*), так и заграничные заметки (9 тетрадей *in quarto*). Первые, напечатанные на пишущей машине, вторые, переписанные от руки; и те, и другие с собственноручными исправлениями графа Витте.

Выходящее два тома воспоминаний хронологически ограничены царствованием Николая II. В них вошли полностью собственноручные заметки и около $\frac{2}{3}$ стенографических записей.

Сам гр. Витте называл свои мемуары «лишь черновыми набросками», «спешными мемуарными заметками». Он отмечал: «Я не помню, писал ли я это раньше, у меня нет под рукой моих предыдущих заметок», «мои рассказы не могут претендовать на какую либо систематичность».

Таким образом, задача редакции состояла в необходимом упорядочении оставленного графом Витте материала. Упорядочение это заключалось в перестановке, в разделении на главы и в устранении повторений. Были исправлены лишь незначительные грамматические погрешности, ибо редакция руководилась желанием по возможности сохранить своеобразный, несколько небрежный и не всегда подчиняющийся грамматическим правилам стиль

графа Витте. Перестановка вызывалась тем характерным для графа Витте обстоятельством, что как в стенограмме, так и в записях он часто делает значительные отступления.

Он сам пишет: «Я не имею никакой возможности писать хронологически». Случайное лицо, или событие, о котором ему приходится упомянуть, часто заставляет его надолго забыть об основной теме рассказа. Этим вызываются и чрезвычайно многочисленные, почти дословные повторения.

Однако, как при перестановке, так и при разделении на главы, были приложены старания, чтобы не нарушить естественной связи рассказа. Таким образом некоторая беспорядочность свойственная подлиннику сохранена. Она особенно ярко проявляется в начальных главах второго тома, посвященных описанию первых месяцев премьерства графа. Сохранены и некоторые повторения, так же чрезвычайно характерные для гр. Витте.

В случаях параллельности изложения обычно устанавливалась сводная редакция, при чем за основу брался более «откровенный» рассказ рукописных заметок.

Наиболее существенные отклонения повторяющихся рассказов приведены в подстрочных примечаниях в виде вариантов.

Для критического подхода к воспоминаниям графа Витте чрезвычайно существенны отличия стенографических записей от собственноручных заметок. Поэтому последние выделены в тексте звездочками (*).

Из приводимых вариантов читатель может убедиться, сколь значительно изменялись оценки лиц и событий в более «откровенных» записях.

* * *

В заключение я позволю себе остановиться на одной из допущенных в мемуарах неточностей, которая не лишена общественного интереса. Как уже замечено выше, гр. Витте весьма подчеркивает свою роль охранителя прерогатив короны при обсуждении в 1906 г. проекта основных законов.

По поводу этого он во втором том воспоминаний передает такой эпизод:

«Чтобы понять происшедшее замедление в опубликовании основных законов и характер сказанных изменений, следует иметь следующее в виду, сделавшееся мне известным лишь в 1907 году от Владимира Ивановича Ковалевского, бывшего моим товарищем по посту министра финансов и вышедшего, когда я еще был министром финансов, в отставку. Я не хотел верить Ковалевскому, но он мне представил к своему рассказу доказательства, хранящаяся в моем архиве.

Как только совет министров представил проект основных законов Его Величеству, он, конечно, сделался известным генералу Трепову, который познакомил с ним В. И. Ковалевского, прося Ковалевского обсудить этот проект и представить свои соображения; Ковалевский пригласил к обсуждению Муромцева (кадет, председатель первой Думы), Милюкова, И. В. Гессена (оба кадета) и М. М. Ковалевского (культурный, образованный, либеральный ученый и теперешний член Государственного Совета). Они составили записку, которая В. И. Ковалевским была передана генералу Трепову 18-го апреля, значит, тогда же была представлена Его Величеству.

Записка эта начинается так: „Выработанный советом министров проект основных законов производит самое грустное впечатление. Под видом сохранения прерогатив Верховной власти составители проекта стремились сохранить существующую безответственность и произвол министров“ и т. д. в этом роде.

Затем в записке говорится: „Во избежание коренной переработки проекта он принят в основание и затем в него введены частью более или менее существенные, частью редакционные изменения“.

Далее следуют все предлагаемые изменения, сводящие власть Государя к власти господина Фальера и вводящие парламентаризм, не говоря о крайне либеральном и легковесном решении целого ряда капитальнейших вопросов русской исторической жизни. Эта записка по-видимому поколебала Его Величество и Он не утверждал основные законы».

Хотя гр. Витте и ссылается на документы, но в действительности, ничего подобного не было: ни я, ни кто либо другой из названных лиц не принимали участия ни в обсуждении проекта основных законов, ни проекта тронной речи. За несколько дней до опубликования основных законов текст их был доставлен мне известным общественным деятелем А. И. Браудо, который, однако, не сообщил мне, от кого он этот текст получил. Проект был опубликован в газете «Речь» и в ряде статей подвергнут жестокой критике, которая видимо произвела впечатление, и под этим влиянием внесены были значительные изменения, о которых в приведенной выдержке упоминается.

Я полагаю, что гр. Витте смешал здесь два различных факта: года за три до манифеста 17 октября ко мне действительно обратился В. И. Ковалевский и предложил составить проект «либерального манифеста», который он предполагал вручить барону Будбергу, бывшему тогда главноуправляющим комиссией прошений, на Высочайшее имя приносимых, с тем, чтобы последний представил этот проект Государю для подписи в день Светлого Воскресенья. Это поручение я выполнил совместно с П. Н. Милюковым, но проект остался в архивах и, как мне известно, был передан гр. Витте вместе с другими материалами перед 17 октября.

Предисловие

Не без колебания решила я написать несколько строк в виде предисловия к мемуарам моего покойного мужа. Быть беспристрастной в оценке этого труда, которому граф Витте придавал такое значение, я не могу, а пристрастная оценка жены едва ли может представить какой-нибудь интерес для читателя.

Мне хотелось бы объяснить читателю, какое значение придавал своему труду сам покойный автор, и сказать о тех причинах, которые побудили моего покойного мужа облечь свои мысли и воспоминания в форму книги, не предназначавшейся для издания при жизни автора и его современников. Граф Витте не был ни царедворцем, льстящим трону, ни демагогом, льстящим толпе. Принадлежа к дворянству, он не защищал, однако, дворянских привилегий; ставя себе главной государственной задачей справедливое устройство крестьянского быта, он, однако, оставался государственным деятелем, чуждым теоретического народничества, которым увлекалась значительная часть русской интеллигенции. Он не был либералом, ибо не сочувствовал нетерпеливому стремлению либералов переустроить сразу, одним мановением руки, весь государственный уклад; он не был и консерватором, ибо презирал грубые приемы и отсталость политической мысли, характеризовавшие правящую бюрократию России.

Мой муж неоднократно говорил своим близким: «я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я»...

Это создало С. Ю. Витте много врагов во всех лагерях. При Дворе, среди консерваторов, у либералов, в демократических кругах – всюду на графа Витте смотрели как на человека «чужого». Он искал блага своей родины, идя своими собственными путями, и поэтому имел мало постоянных попутчиков. Справедливость заставляет меня признать, что выдающиеся государственные таланты моего мужа не оспаривались и даже ценились во всех кругах Великой России. Тем не менее, по указанной выше причине, ни один государственный деятель России не был предметом столь разнообразных и противоречивых, но упорных и страстных нападков, как мой покойный муж. При Дворе его обвиняли в республиканизме, в радикальных кругах ему приписывали желание урезать права народа в пользу монарха. Землевладельцы его упрекали в стремлении разорить их в пользу крестьян, а радикальные партии – в стремлении обмануть крестьянство в пользу помещиков. Творец конституции 17 октября, которой начинается новая русская история, был слишком заманчивым объектом для интриг и клевет; с другой стороны, сложная и многосторонняя натура большого государственного деятеля не поддавалась никакой упрощенной формуле и потому плодила недоразумения, иногда совершенно даже добросовестные.

Полемизировать с противниками, опровергать клеветы, разъяснять недоразумения, обращаясь к печати, мой муж не желал. Он был выше того, чтобы вмешаться в злободневную суету пересудов. Кроме того, цензурные условия старого режима, которые для бывшего первого министра Царя были строже, чем для обыкновенного гражданина, и в такой же мере желание щадить чувства многих современников, совершенно исключали возможность полного и откровенного выражения мыслей графа Витте. Отсюда – решение доверить суд над своей деятельностью следующему поколению, отсюда – печатаемые ныне мемуары.

Мемуары свои мой муж хранил за границей. Он не питал уверенности в том, что его кабинет на Каменно-островском проспекте в Петрограде достаточно защищен и от ока, и от длани тайной полиции. Обыск в любой момент, мог легко лишить автора его рукописей. Он знал, что этой его работой интересуется слишком много могущественных людей. Руко-

писи хранились все время в одном заграничном банке на мое имя. Мой муж опасался, что в случае его смерти двор и правительство пожелают завладеть его архивом, и просил меня заблаговременно обеспечить сохранность мемуаров. Я это сделала, переведши рукописи из Парижа в Байон, где они хранились в банке на чужое имя.

Предостережения оказались не лишними. Как только в феврале 1915 года мой муж скончался, кабинет его в Петрограде был опечатан и все найденное рассмотрено и забрано властями. Через некоторое время ко мне от имени Государя явился генерал-адъютант, начальник главной квартиры, и сказал, что Государь, ознакомившись с оглавлением мемуаров мужа, очень ими интересуется и хотел бы их прочитать. Я ответила, что, к сожалению, лишена возможности предоставить их для чтения Государю, так как они хранятся за границей. Посланец Государя не настаивал, но через некоторое время чиновник русского посольства в Париже появился в нашей вилле в Биаррице и в отсутствии хозяев произвел очень тщательный обыск. Он искал мемуары, которые в то время, как я сказала выше, спокойно лежали в сейфе банка, в Байоне.

Гр. М. И. Витте

Для критического подхода к воспоминаниям графа Витте чрезвычайно существенны отличия стенографических записей от собственноручных заметок. Поэтому последние выделены в тексте звездочками (*).

*Любимейшему внуку Льву Нарышкину –
Мои Воспоминания*

Глава первая

Начало царствования

ИМПЕРАТОР Александр III умер так же, как жил – как истинный христианин, как верный сын православной церкви и как простой, твердый и честный человек. Умер он совершенно спокойно и, умирая, он гораздо более заботился о том, что это огорчит его окружающих и любимую им его семью, нежели думал о самом себе.

Затем последовала присяга новому Императору Николаю II и перевоз тела Императора Александра III из Ялты в Петербург.

Эта печальная церемония была произведена с соблюдением установленных на этот случай правил, но с простотою, которая была внедрена в царствование усопшего Императора.

Тело его в Москве было выставлено (кажется на 1 день) в Успенском соборе. Министры и высшие чины встречали траурный поезд на Николаевском вокзале.

Я помню, как теперь, как подошел поезд; на вокзале была масса лиц; весь Невский проспект и путь к Петропавловскому собору были переполнены народом. Я был на самом перроне, к которому подошел поезд; из поезда вышел молодой Император, а затем две особы женского пола, обе белокурые. Естественно, мне было интересно видеть нашу будущую Императрицу и, так как я раньше ее никогда не видел, то увидав одну очень красивую, с совершенно молодым телосложением даму, я был уверен, что это именно и есть принцесса Дармштадтская – будущая Императрица Александра Феодоровна, и был очень изумлен, когда мне сказали, что это не она, а что та, которую я принял за будущую императрицу – это королева Англии Александра (ныне уже вдова). Меня поразила тогда ее молодость, так что, когда я сейчас же после нее увидел нашу будущую Императрицу – она мне показалась менее красивой и менее симпатичной, нежели тетка Императора – королева Англии. Но тем не менее и новая Императрица была красива, – и до сих пор красива, хотя у нее всегда было и до настоящего времени есть нечто сердитое в складе губ.

Как только вынесли гроб Императора, погребальная процессия двинулась через Невский проспект, Литейный мост в Петропавловский собор.

Процессия шла, конечно, по заранее определенному церемониалу, причем министры шли парами впереди гроба, перед певчими и духовенством. Я не помню, с кем я шел. Всюду стояли шпалерами войска; была масса народа... Я был очень удручен и у меня в памяти остались только два маленькие эпизода, происшедшие во время этой процессии: На Невском проспекте, вдруг, я слышу голос: «Смирно». – Я невольно поднял глаза и увидел молодого офицера, который при приближении духовенства и гроба скомандовал своему эскадрону:

«Смирно». – Но вслед за этой командой – «смирно», он скомандовал еще следующее: «Голову направо, смотри веселей».

Последние слова мне показались такими странными, что я спросил у своего соседа:

– Кто этот дурак?

На что мой сосед мне ответил, что это ротмистр Трепов, тот самый Трепов, который впоследствии сыграл такую удивительную роль, сначала в качестве градоначальника Москвы, генерал-губернатора Петербурга, потом товарища министра внутренних дел, а в сущности диктатора – впрямь до 17-го октября; когда я сделался председателем совета министров, то, конечно, он не мог оставаться со мною и сделался дворцовым комендантом, но, в

сущности говоря, продолжал быть закулисным диктатором, что и послужило, главным образом, причиной того, что я решил оставить место председателя совета министров.

Затем, когда мы прошли через Литейный мост, то меня удивило еще следующее: министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново – уже вышел из процессии и в качестве не то полицмейстера, не то вообще начальника полиции делал распоряжения относительно того, каким образом должна себя держать публика и как должна действовать полиция.

Конечно, в то время, все эти распоряжения касались только внешнего порядка; все были глубоко потрясены смертью Императора и были уверены, что ни с чьей стороны, даже и со стороны крайних левых, не может последовать никакого действия, которое не было бы в гармонии с тем чувством, в котором пребывала в то время вся Россия по отношению к покойному Императору.

Говоря о министре внутренних дел Иван Николаевич Дурново и рассказывая о первых днях после смерти Императора Александра III, я всегда вспоминаю следующее:

Когда получилось известие о кончине Императора, я поехал к Ивану Николаевичу уговориться по некоторым вопросам. Он знал, как я был привязан к Императору, точно так же, как и я знал, что Иван Николаевич очень его любил. Мы были, конечно, в довольно тяжелом и грустном расположении духа.

Вот Иван Николаевич обратился ко мне и говорит:

– Что же вы, Сергей Юльевич, думаете относительно нашего нового Императора?

* Я ответил, что о делах говорил с ним мало, знаю, что Он совсем не опытный, но и не глупый и Он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека. Действительно, я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как Николай II, таким он и остался. Воспитание это скрывает все его недостатки. На это И. Н. Дурново мне заметил: «Ошибаетесь Вы, Сергей Юльевич, вспомните меня – это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности». Я затем часто вспоминал этот разговор. Конечно, Император Николай II не Павел Петрович, но в Его характере не мало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I. Александр I по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а Император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства. *

Почти одновременно со свиданием с Иваном Николаевичем я имел собеседование и с Константином Петровичем Победоносцевым.

Так вот, когда я приехал к Константину Петровичу Победоносцеву, он был тоже чрезвычайно огорчен смертью Императора. Что же касается Императора Николая II, у которого он был преподавателем, то, хотя он, как преподаватель будущего Императора, и относился к нему любовно, но, тем не менее, высказался о своем ученике как-то неопределенно. Больше всего он боялся, чтобы Император Николай по молодости своей и неопытности не попал под дурные влияния. Но я старался не продолжать этот разговор.

Тело почившего Императора Александра III было выставлено в Петропавловском соборе. Я несколько раз дежурил при теле; раз дежурил ночью. Все время приходила масса народа поклониться телу Императора.

Затем последовали похороны, которые продолжались очень долго.

Императрица Мария Феодоровна все время стояла весьма мужественно. Когда же митрополит говорил длинную речь, то к концу речи нервы Императрицы не выдержали и с нею сделалось что-то в роде истерического припадка, хотя и очень краткого. Она кричала: «довольно, довольно, довольно».

После похорон, через несколько дней я представлялся вдовствующей Императрице.

Во время царствования Императора Александра III она сначала относилась ко мне весьма милостиво, а после моей женитьбы – довольно сдержанно и сухо.

В этот раз, когда после смерти Императора я представлялся Императрице, она приняла меня очень ласково и, между прочим, сказала такую фразу:

– Я думаю, что вам очень тягостна смерть Императора, потому что, действительно, он вас очень любил.

Во время первых месяцев царствования Императора Николая II, в Петербург приезжал принц Уэльский. Как известно, будущий король Эдуард VII был дядей принцессы Алисы Дармштадтской, нашей нынешней Императрицы, а потому в обращении был с нею очень интимен. И вот, когда он был в Петербурге, то во время одного из первых завтраков с Императором и Императрицей, когда они были втроем, он вдруг, обращаясь к Императрице, довольно недипломатично сказал: «Как профиль твоего мужа похож на профиль Императора Павла», – что очень не понравилось как Императору, так и Императрице.

Я слышал об этом от приближенных принца Уэльского (будущего короля Эдуарда). Рассказывая об этом, он заметил, что сделал «гаф» (неловкость).

Тем не менее принц Уэльский в первые месяцы после смерти Императора Александра III оказал сердечную родственную дружбу вдовствующей Императрице и Императору, не только с формальной стороны, как это сделали все царствующие дома, но и со стороны интимной.

После похорон Императора Александра III, я через несколько дней был с всеподданнейшим докладом у молодого Императора Николая II. Новый Император несомненно очень любил своего отца и потому был огорчен его смертью; независимо от того, он был смущен своим новым положением, к которому совсем не был подготовлен; кроме того, он прибыл в Петербург с своей невестой, будущей Императрицей Александрой Феодоровной, в которую, как говорят, он был влюблен. Таким образом молодой Император находился под влиянием разнообразных чувств и сильных впечатлений.

Когда я пришел к Императору с первым моим всеподданнейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково: он знал, что отец его относился ко мне особенно благосклонно и кроме того, когда он еще был Наследником-Цесаревичем, то я ему весьма нравился и он, еще будучи совсем молодым человеком, всегда ко мне благоволил, что и выказывал в Комитете Сибирск. жел. дор., в коем он был председателем.

Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал Император Николай, был следующий: «А где находится ваш доклад о поездке на Мурман? Верните мне его».

Я доложил Государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда Государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный Император еще в Беловежском дворце, – (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом Императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлен и сказал, что непременно его разыщет.

В следующую пятницу (мои доклады всегда были по пятницам) Государь сказал мне, что он нашел доклад, и стал говорить со мною о том, что он считает необходимым привести в исполнение этот доклад и прежде всего главную мысль доклада о том, чтобы устроить наш морской опорный пункт на Мурмане, в Екатерининской гавани. Затем Государь говорил о том, что не следует осуществлять проекта грандиозных устройств в Либаве, так как Либавя представляет собою порт, не могущий принести России никакой пользы, вследствие того, что порт этот находится в таком положении, что в случае войны эскадра наша будет там блокирована. – Вообще Император высказался против этого порта.

В то время в этом отношении было два течения: одно течение, – которое я с своей стороны признаю совершенно правильным, – было против устройства этого порта, как такого, который не может принести нам пользы; а другое течение – за то, чтобы главный опорный пункт нашего флота сделать в Либаве, там устроить громадный военный порт.

Вот Император Николай II и хотел немедленно объявить указом о том, что основной военный порт должен быть устроен на Мурмане в Екатерининской гавани, причем Екатерининская гавань должна быть соединена железной дорогой с одной из ближайших станций прилежащих к Петербургу железных дорог.

Я с своей стороны этому делу сочувствовал, но советовал Его Величеству этим делом не спешить, не издавать этого указа немедленно, т. е. в ближайшие недели после смерти его покойного отца, ибо мера эта несомненно внесет некоторый семейный разлад. Генерал адмирал Алексей Александрович (ныне покойный) почтет это для себя обидой, так как он – партизан устройства порта в Либаве. К тому же Великий Князь Алексей Александрович очень близок к вдовствующей Императрице, которая теперь, после смерти Александра III, еще более будет к нему привязана. Великий Князь Алексей Александрович, будучи один среди Великих Князей, братьев ее покойного мужа, холостым, всегда был очень близок к Императрице Марии Феодоровне. Таким образом, я был уверен, что эта мера внесет разлад в царскую семью в первые же недели после смерти Императора Александра III, чего, конечно, желательно избегнуть.

Затем, несомненно будут говорить, что Император Николай II только что вступил на престол, а потому дело это изучить не мог, и следовательно, действует под чьим-нибудь влиянием.

На это Император мне ответил, что говорить так не могут, потому что у него есть на моем всеподданнейшем докладе о поездке в Мурмане резолюции Императора Александра III. – Но, во всяком случае, Император почел мои соображения довольно уважительными и сказал, что этим делом, вероятно, немножко повременить.

Прошло месяца 2–3 и вдруг я прочел в «Правительственном Вестнике» указ Императора Николая II о том, что он считает нужным сделать главным нашим морским опорным пунктом Либаву и осуществить все эти планы, которые на этот предмет существуют, и назвать этот порт – портом Императора Александра III, во внимание к тому, что будто бы это есть завет Императора Александра III.

Меня этот указ чрезвычайно удивил, так как мне было известно, да и сам Император мне говорил, что покойный Император Александр III не только держался совсем другого мнения, но за несколько месяцев до своей смерти на моем всеподданнейшем докладе (который, вероятно, находится в личном архив Императора Николая II), высказал совершенно противоположное мнение.

Через несколько дней после появления этого указа ко мне явился Кази, человек очень близкий к Великому Князю Константину Константиновичу, и говорил мне, что вот как Великие Князья, пользуясь молодостью Императора, пользуясь тем, что Император только что вступил на престол и, так сказать, еще не окреп, злоупотребляют своим влиянием. Кази рассказал мне, что после указа о Либавском порте Император Николай II приехал к Великому Князю Константину Константиновичу и со слезами на глазах сетовал Великому Князю о том, что вот генерал-адмирал Великий Князь Алексей заставил его подписать такой указ, указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца.

Отказать же ему в этом Император Николай II не мог, так как Великий Князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерала-адмирала.

Сам Великий Князь Алексей Александрович, будучи очень милым, честным и благородным, в то же время был человеком в деловом отношении не особенно серьезным и им руководил управлявший морским министерством Николай Матвеевич Чихачев. Таким образом идея устройства Балтийского порта была пропагандирована Н. М. Чихачевым, человеком тоже очень милым, умным, но умным преимущественно в делах коммерческих, а не военных. Секретарем Н. М. Чихачева был полковник по Адмиралтейству (ныне генерал по Адмиралтейству) Обручев, брат начальника Главного Штаба известного Обручева, который, действительно, имел авторитет, как военный. Он был действительно выдающимся военным теоретиком и убежденным сторонником устройства нашей военной морской опоры в Либаве. Чихачев же в данном случае проводил только мнение этого военного авторитета.

Мне ни разу не пришлось говорить с генерал-адъютантом Обручевым по этому предмету, но, зная его высокий ум и таланты, я убежден в том, что его мысль имела известное основание, но как часть его общей системы обороны государства, а не как отдельный фактор нашей военной силы.

Большинство же моряков, в том числе и Кази, были другого мнения. В это время Кази играл в Петербурге очень большую роль, он уже тогда был в отставке. Когда-то Кази был помощником Н. М. Чихачева, когда этот последний был директором Русского Общества пароходства и торговли. Затем он с ним разошелся. Несомненно Кази был человек большого таланта, нежели Чихачев. Относительно вопроса об устройстве порта Кази, как и многие другие моряки, держался того мнения, что устройство порта в Либаве было бы совершенно напрасной тратой денег, – как в конце концов это и оказалось в действительности. Мысль его была такова, что нам нужно искать опору для морских сил в одном из открытых морей, чтобы в случае войны мы не могли быть в этом порте заперты. Между прочим, это была его мысль устроить нашу опору на Мурмане в Екатерининской гавани.

Но, как я уже сказал, судьба устроила иначе: Император Николай II подписал указ вопреки своему убеждению, вопреки своему мнению, об устройстве порта в Либаве, и порту этому дал имя покойного Императора Александра III, между тем как Император Александр III, – что мне было отлично известно, – и как это видно из его резолюции на моем докладе по Мурману, не только этому делу не сочувствовал, а считал устройство порта в Либаве делом вредным.

Когда Кази рассказал мне, как все это случилось, как Император Николай II со слезами на глазах рассказывал Великому Князю Константину Константиновичу о том, что Его Великий Князь Алексей Александрович, так сказать, насильствовал в этом вопросе, то я, зная немного характер молодого Императора, подумал, что он этого эпизода не забудет, и, в конце концов, Н. М. Чихачеву не поздоровится. Действительно не прошло и года времени, как Император Николай II, в Москве, настоял на увольнении Н. М. Чихачева с поста управляющего морским министерством и на этот пост был назначен адмирал Тыртов.

Это был, так сказать, акт мести, но на существо дела увольнение Н. М. Чихачева не имело никакого влияния. В сущности говоря, и при Тыртове морское министерство шло тем же неправильным аллюром, каким оно шло и при адмирале Чихачеве. Через несколько лет умер Тыртов и управляющим министерством сделался адмирал Авелан и министерство продолжало идти тем же аллюром, хотя как Тыртов, так и Авелан были оба умные, прекрасные люди, но по талантам своим они были ниже посредственности.

Между тем, это злополучное решение оставить мысль об устройстве нашего опорного пункта в Мурмане и базироваться в Либаве имело весьма печальные последствия. В виду этих последствий, мне потом приходилось жалеть, зачем я тогда отговорил Императора Николая от издания указа об устройстве нашего опорного пункта в Мурмане, хотя, как я уже говорил, я советовал ему этого не делать только в ближайшие недели после смерти Алек-

сандра III, а советовал осуществить это хладнокровно, в более спокойной и хладнокровной форме. Но, оказывается, как потом я убедился из многих случаев, иногда, в особенности, когда имеешь дело с людьми колеблющимися, весьма важно ловить момент, а если упустишь момент, то и самое дело упустишь.

Я говорю, что решение это имело важные последствия, и вот почему: если бы Император Николай II издал тогда указ о том, что надобно устраивать наш морской базис на Мурмане, то несомненно, он сам увлекся бы этой мыслью, которая представляла собою завет покойного его отца. Тогда, вероятно, мы не искали бы выхода в открытое море на Дальнем Востоке, не было бы этого злополучного шага – захвата Порт-Артура и затем, так как мы все спускались вниз, шли со ступеньки на ступеньку, – не дошли бы мы и до Цусимы.

Вступив так неожиданно на престол, Император Николай II, весьма понятно, был совершенно к этому не подготовлен, а потому и находился под всевозможными влияниями, преимущественно, под влиянием Великих Князей.

В первые годы его царствования, доминирующее влияние на него имела Императрица-мать, но влияние это было непродолжительно; затем, на Императора Николая II постоянно влияли, – до известной степени, но в значительно меньшей мере, влияют и теперь, некоторые Великие Князья. Но в настоящее время Государь Император, и не без основания, имеет убеждение в том, что он гораздо опытнее и гораздо более знает, нежели все окружающее его многочисленные члены царской семьи, так как он процарствовал уже 15 лет, многое в своей жизни испытал, много видел и поэтому приобрел такую, по крайней мере механическую опытность в управлении, какой, конечно, ни один из членов его семьи не имеет.

В начале же царствования Императора Николая II было, конечно, иное положение, ибо в то время был жив и Великий Князь Владимир Александрович, Великие Князья Алексей Александрович и Сергей Александрович. Его дяди, лица, которые несомненно, в Его глазах, имели гораздо большую опытность и значение и занимали более или менее важные государственные посты тогда, когда Император был еще совсем младенцем. Естественно, что вследствие этого они на него имели большое влияние. Ныне эти Великие Князья все поумирали. Надо при этом заметить, что среди Великих Князей Владимир Александрович был человеком замечательного образования, замечательной культуры; вообще, все они были люди превосходные и как Великие Князья вполне достойные. Об одном только можно пожалеть, что вообще Великие Князья играют часто такую роль только потому, что они *великие* князья, между тем, как роль эта совсем не соответствует ни их знанию, ни их талантам, ни образованию.

Когда же они начинают влиять на Государя, то из этого большею частью всегда выходят одни только различные несчастья.

Нужно сказать, что при Императоре Александре III Великие Князья ходили по струнке. Покойный Император держал их в респекте и не давал им возможности вмешиваться в дела, их не касающиеся. – Император Александр III и в области их управления имел сдерживающее влияние на Великих Князей и пользовался среди них полным авторитетом. Все Великие Князья любили Императора Александра III, но в то же время и боялись его. С воцарением молодого Императора все это было перевернуто, что вполне естественно и объясняется разностью лет и разностью жизненного авторитета между молодым Императором и некоторыми Великими Князьями, родственным уважением молодого Императора к старшим, и, наконец, мягкостью характера и темпераментом нового Императора.

Это обстоятельство и было одною из причин многих неблагоприятных явлений, скажу даже больше – бедствий царствования Императора Николая II; в особенности это можно

сказать относительно первых лет царствования Императора Николая II, когда он сам еще, так сказать, как личность, не окреп и не обнаружился.

Мне известно со слов бывшего военного министра, а впоследствии министра народного просвещения, генерал-адъютанта Ванновского, что в первые же годы царствования Императора Николая II, когда Ванновский заметил усиливающееся влияние на Государя Великих Князей, во всех делах, до них не касающихся, в особенности в области военной, он как-то сказал Императору.

– Ваше Величество, не вводите удельную систему, которую уничтожил ваш покойный отец.

Император спросил: «О какой удельной системе вы говорите?» Ванновский ответил:

– Об удельной системе, подобной той, которая была в древней Руси, когда каждый Великий Князь царствовал, пока Россия не была собрана во единое Московское царство.

Удельная система, только в другой форме до некоторой степени явилась в царствование Александра II, когда Великие Князья снова начали вмешиваться в дела, до них не касающиеся, что и было уничтожено Императором Александром III.

Император Николай II улыбнулся и сказал:

– Ну я, Петр Семенович, им тоже пообрежу крылья. Но, к сожалению, это было сделано не особенно энергично и некоторые Великие Князья все время имели на Государя неблагоприятное влияние, причем, может быть, главным образом влиял на него неблагоприятно Великий Князь Александр Михайлович, женатый на сестре Императора. Я полагаю, что если бы не этот Великий Князь, то, может быть, мы не имели бы всех тех несчастий, которые мы претерпели на Дальнем Востоке.

Когда Император Николай II вступил на престол, то от него светлыми лучами исходил, если можно так выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренно желал России, в ее целом, всем национальностям, составляющим Россию, всем его подданным счастья и мирного жития, ибо у Императора, несомненно, сердце весьма хорошее, доброе, и если в последние годы проявлялись иные черты его характера, то это произошло оттого, что Императору пришлось многое испытать; может быть, в некоторых из сих испытаний он сам несколько виноват, потому что доверился несоответственным лицам, но тем не менее сделал он это, думая, что поступает хорошо.

Во всяком случае, отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующей Император Николай II.

В первые же месяцы своего царствования он женился; свадьба его по случаю траура была без всяких торжеств. После свадьбы, которая совершилась в Зимнем Дворце, он поехал справлять медовый месяц в Царское Село, которое и доныне составляет, можно сказать, его главное местопребывание.

До женитьбы он жил в Аничковом Дворце, а после женитьбы, вернувшись из Царского в Петербург, он переехал в Зимний Дворец, где и жил до последних лет злосчастной японской войны и затем смуты, т. е. до апреля 1904 года.

С 1905 года он в Зимнем Дворце больше не живет и весьма редко туда наезжает, а живет, преимущественно, как я уже сказал, в Царском Селе; летние же месяцы он проводит в Петергофе или Ливадии, за исключением тех недель, которые он, главным образом в первые годы своего царствования, провел вне России.

2-го ноября Государь Император принял в Аничковом Дворце (так как тогда он еще жил в Аничковом Дворце) всех членов Государственного Совета, председателя его, а так как

министры по своему званию состоят членами Государственного Совета, то на этом приеме были и все министры.

Император был очень взволнован; он сказал несколько весьма сердечных слов в память своего отца и вообще отнесся ко всем присутствующим весьма сердечно.

Я обратил внимание на то, что на этом представлении в числе членов Государственного Совета присутствовал и Александр Аггеевич Абаза.

Хотя Александр Аггеевич и был членом Государственного Совета, но после той истории, которая произошла в царствование Императора Александра III (Речь идет о разоблачении биржевых спекуляций Абазы.), жил или у себя в деревне (в Шполе, Киевской губ.), или в Монте-Карло, так как он по натуре был большой игрок.

Само по себе присутствие Александра Аггеевича Абазы меня не удивило, так как с его стороны было весьма естественно приехать в Петербург по случаю кончины Императора Александра III и вступления на престол нового Императора, но меня удивило, что Император Николай отнесся к нему особенно любезно и милостиво.

Александр Аггеевич Абаза был в хороших отношениях с Великим Князем Михаилом Николаевичем, Председателем Государственного Совета, человеком очень хорошим, благородным, но весьма ограниченным; в то время Государственным Секретарем был Александр Александрович Половцев – большой друг А. А. Абазы, и я сразу догадался, что А. А. Половцев желает реабилитировать Александра Аггеевича в глазах молодого Императора.

Я лично против А. А. Абазы ровно ничего не имел. А. А. Абаза был человек выдающегося здравого рассудка, во всяком случае, это был крупный государственный человек. – Но я опасался, что реабилитация Абазы может последовать только посредством утверждения, что все то, что послужило к опале Абазы – неверно; чтобы не случилось опять того же, что предполагали сделать в царствование Императора Александра III, когда все в Государственном Совете стали утверждать, что я наклеветал на А. А. Абазу, вследствие чего, я просил назначить комиссию под председательством Николая Христиановича Бунге. Совещание это удостоверило, что все то, что я докладывал Императору и чего не мог не докладывать относительно некорректной игры А. А. Абазы на бирже – совершенно правильно.

Поэтому, в одном из последующих докладов, после представления членов Государственного Совета в Аничковом дворце Императору Николаю II, я рассказал вкратце Государю все дело, рассказал, почему в царствование его отца А. А. Абаза потерял доверие покойного Императора и переехал за границу. И так как в то время был жив еще Н. Х. Бунге, то я и просил Императора, если у него явится какое-нибудь сомнение, чтобы он спросил Н. Х. Бунге, и чтобы тот рассказал ему всю историю.

По этому предмету в кредитной канцелярии министерства финансов имеются все документы, в том числе и записка, составленная обо всей этой истории вице-директором кредитной канцелярии – Петровым.

После приема Государственного Совета Государь Император в последующие дни принимал всех генерал-адъютантов, флигель-адъютантов, затем принимал различные депутации иностранных держав, который приезжали в Петербург на похороны Императора Александра III или по случаю кончины Императора. В числе лиц, приезжавших на похороны Императора Александра III, был, между прочим, генерал Буадефр и адмирал Жерве. Генерал Буадефр это тот самый, который первый заключил с генералом Обручевым военную конвенцию, установившую наш союз с Францией.

13 декабря довольно неожиданно последовало назначение графа Шувалова Варшавским генерал-губернатором на место ген. Гурко.

Весьма характеристичен был уход генерала Гурко. В то время в его канцелярии служил старший его сын – будущий товарищ министра внутренних дел. И вот генерал-адъютант

Гурко пожелал, чтобы его сына сделали управляющим его канцелярией. Но так как этот сын Гурко уже и в то время пользовался в денежном отношении дурной репутацией, то бывший тогда министром внутренних дел Иван Николаевич Дурново не соглашался на это. Гурко приехал в Петербург, явился к молодому Императору и поставил ему род ультиматума, – сделав это в твердой и довольно резкой форме, – заключающегося в том, чтобы его сын был назначен управляющим канцелярией, или же он уходит. Государь согласился на последнее, таким образом этот несомненно выдающийся военный и государственный человек ушел со сцены и поселился у себя в Тверской губ. Впоследствии, кажется, он был сделан фельдмаршалом, но никакой уже роли не играл.

Это произошло 13 декабря 1894 года, т. е. через два месяца после вступления на престол Императора Николая II.

Согласие Государя на увольнение Гурко произошло с одной стороны от того, что Гурко поставил очень резко вопрос, а с другой стороны, потому что Его Величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолюбливал и даже не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, т. е. лиц, твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях. Увольнение Гурко – это был первый случай проявления этой стороны характера Его Величества.

Хотя я несколько не оправдываю Гурко и считаю, что, конечно, все лица, которые так резко ставили вопрос, или так твердо проводили свои мнения, как это сделал Гурко, несколько и виновны в том, что не приняли во внимание натуру Государя и не имели в виду того, что они все-таки имеют дело с Его Величеством, – в этом отношении я виню во многом и самого себя – но оправданием, как Гурко, так и другим лицам (в том числе и мне), которые так себя держали по отношению к Государю, может служить то обстоятельство, что ранее, чем служить Императору Николаю, мы служили Императору Александру III. Покойный Император на способ выражения мыслей, на резкие слова никогда не обращал внимания, наоборот, он даже очень ценил в человеке твердые убеждения; словом, характер Императора Александра III был совершенно иной, нежели характер Императора Николая II, и это всякий Его подданный, в том числе и мы, должны были иметь в виду и принимать во внимание.

Приблизительно в это же время, а именно 17 декабря, последовало увольнение министра путей сообщения Кривошеина и назначение вместо него князя Хилкова. Назначению Кривошеина, главным образом, содействовал министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново. Кривошеин был умный, деловой человек, но железнодорожного дела не знал. Сделался он министром путей сообщения отчасти также благодаря мне, потому что, если бы я, когда Император обратился ко мне с вопросом (при назначении меня на пост министра финансов) о том, кого назначить вместо меня министром путей сообщения, – высказался бы относительно Кривошеина в более отрицательном смысле, то конечно он места министра путей сообщения не получил бы. Но, как это обыкновенно бывает и что я сам столько раз испытал в своей жизни, в своей деятельности, – конечно, за некоторыми исключениями, – те лица, которые достигли своего положения, часто весьма высокого, благодаря моей школе, моему их воспитанию, моему выбору, достигнув этого положения, стараются не давать повода кому бы то ни было узнать, что они достигли своего положения благодаря мне, а потому постепенно прерывают со мной отношения, а затем, когда наступает момент, что это им является выгодным, они даже делаются моими неприятелями и врагами, желая своими неблагоприятными выходками против меня показать свою независимость. То же самое произошло и с Кривошеиным. Когда он сделался министром путей сообщения, то он старался, по возможности, от меня отгородиться. Но так как сам по себе Кривошеин железнодорожного дела не знал и с государственной точки зрения не представлял из себя никакого

авторитета, то все-таки он, или, вернее, его министерство в значительной степени находилось под моим влиянием, или под влиянием моего министерства, т. е. министерства финансов.

Кривошеин, собственно говоря, министерством не занимался, а занимались министерством путей сообщения больше его сотрудники, знавшие железнодорожное дело и вообще дело путей сообщения. Он имел ту же слабость, как и многие другие министры, которых мне пришлось видеть на своем веку, а именно, как только Кривошеин сделался министром, сейчас же начал разводить различные грандеры, т. е. расходовать казенные деньги на устройство роскоши в своем помещении. Напр., помещение министра путей сообщения и без того почти царское, но тем не менее Кривошеин не удовольствовался им и из соседней квартиры (В этой квартире был очень большой кабинет его товарища; помещение это также пошло под церковь.), которая принадлежала его товарищу, устроил себе домашнюю церковь, держал там священников, вообще всю службу, – все это, конечно, за счет казны.

Я должен сказать, что, – как мне это говорил бывший тогда государственным контролером Тертий Иванович Филиппов, – он не вполне был корректен в государственной деятельности. Признаюсь, я этого не проверял, а поэтому утверждать этого не могу. Но государственный контролер Тертий Иванович Филиппов уверял, что будто бы из имений Кривошеина ставились на железные дороги шпалы, по особо благоприятным ценам; что будто бы Кривошеин провел сооружение одной маленькой железной дороги через комитет министров на юге России, а затем направил ее так, что она прорезала все имение его. Кажется этот последний факт – верен.

Вообще Кривошеин не имел никакого состояния, но еще ранее, нежели он сделался министром, он нажил большое состояние, так как он был делец большой руки, постоянно продавал имения, покупал имения, продавал всякие продукты, и проч. – словом, это был именно тип дельца.

Вот этот характер своей деятельности он обнаружил, будучи министром путей сообщения.

Тертий Иванович Филиппов, между прочим, вероятно не был в хороших отношениях с Кривошеиным, представил по этому предмету обо всем доклад Императору Николаю II. Конечно, доклад этот рисовал министра путей сообщения Кривошеина в очень скверном виде. Но я полагаю, что, если в представленном докладе Т. И. Филиппов увеличил в десять раз факты, по сравнению с действительностью, следовательно, если бы эти факты уменьшить в 10 раз, то и тогда я не могу не сказать, что и этого было бы все-таки достаточно, чтобы признать Кривошеина таким человеком, который не может занимать пост министра, потому что он действовал некорректно в смысле корыстном.

Это был первый случай, когда молодому Императору, через два месяца после вступления на престол, пришлось встретиться с фактами, так сказать, злоупотребления министров; поэтому совершенно естественно, что это возмутило молодого Государя, который сам, по своей натуре, человек весьма честный. В то время он был еще совсем молодым, не имел случая еще видеть и свыкнуться с людской грязью, а поэтому факт этот особенно на него подействовал и он уволил Кривошеина совсем от службы.

Это был первый случай, в начале царствования Императора Николая II, который, вероятно, заставил многих лиц, такого же пошиба, как и Кривошеин, призадуматься.

По увольнении Кривошеина явился вопрос: кого же вместо него назначить министром путей сообщения?

Вся эта история с увольнением Кривошеина для меня была совершенно неожиданна, я не принимал в ней решительно никакого участия и узнал об этом из «Правительственного Вестника». Но, когда Кривошеин был уволен, то при первом же моем докладе в пятницу

Императору Николаю (доклад этот был в Гатчинском дворце), когда я пришел к нему в кабинет, Государь сказал: «Я прошу вас выслушать этот указ», и прочел мне указ о назначении министром путей сообщения отставного лейтенанта Кази. Я этому весьма удивился, ибо Кази также никогда на железных дорогах не служил.

Кази всю свою жизнь занимался или морскими вопросами, или вопросами, близкими к морским; по уму и по характеру, он был человек выдающийся, человек больших способностей, но греческого происхождения и был в значительной доле наполнен стремлением к интригам, – это была его слабая сторона. Кази был врагом режима, который существовал в морском министерстве, в этом отношении он был совершенно прав и я ему вполне сочувствовал. Поэтому я и взял Кази, когда уезжал в мое путешествие на Мурман, и в моем докладе, который я сделал о Мурмане, – в известной мере участвовал и Кази.

Очень протезировал Кази Великий Князь Александр Михайлович. Протезировал он Кази во-первых, потому, что Кази был действительно очень выдающийся человек, а во-вторых, потому что Александр Михайлович, со времени вступления на престол Императора Николая II, конечно, мечтал сделаться впоследствии генерал-адмиралом, т. е. занять место Алексея Александровича. Алексей Александрович относился к Александру Михайловичу довольно презрительно.

Так как Александр Михайлович представляет из себя человека, главной чертой характера которого является интрига, можно сказать, что он полон интриг, то он и поддерживал Кази, как орудие против режима морского министерства, т. е. против Великого Князя Алексея Александровича, вообще, против всего морского ведомства.

Но, как я уже говорил ранее, у Императора Николая II не хватило характера перевернуть направление дел в морском министерстве, – хотя бы пожертвовать для этого Великим Князем Алексеем Александровичем; впрочем, может быть все это вышло к лучшему, потому что, если бы Император назначил Великого Князя Александра Михайловича вместо Вел. Князя Алексея Александровича – то это было бы несомненно гораздо хуже, потому что Алексей Александрович был во всяком случае – честный, благородный и прямой человек, чего я не могу сказать о Великом Князе Александре Михайловиче. Несомненно Вел. Кн. Александр Михайлович обратил бы все морское министерство в рассадник всевозможных интриг. Но тем не менее Государь, по-видимому, хотел отличить такого человека, как Кази, поэтому он, вероятно, не без влияния Великого Князя Александра Михайловича, пожелал его назначить министром путей сообщения.

Я сказал Государю, что Его Величество знает, какого я высокого мнения о Кази, что я отношусь к Кази весьма сочувственно и нахожусь с ним в высшей степени дружеских отношениях, но все-таки считаю совершенно невозможным назначить Кази министром путей сообщения, потому что он этого дела совершенно не знает, и что только что был пример, в лице Кривошеина, который совершенно расстроил после меня министерство. Я сказал Государю, что Кази надо беречь для какого-нибудь другого дела, касающегося его специальности; что я убежден – он этим делом заниматься не будет и не может им заниматься, что он, в качестве министра путей сообщения, будет заниматься делами, до него не касающимися, и преимущественно морским делом; если назначить Кази министром, то уже прямо назначить его морским министром, тогда, по крайней мере, он будет заниматься тем делом, которое он знает, что же касается железнодорожного дела, то его он совсем не знает – и поэтому я очень советовал Государю не делать этого назначения.

Хотя, по-видимому, сопротивление мое не понравилось Императору, по он все-таки спросил меня: «кого же назначить вместо Кази?» – Я посоветовал назначить моего товарища Анатолия Павловича Иващенко.

А. П. Иващенко, когда я приезжал в Петербург и сделался директором департамента, служил в государственном контроле и был там правою рукою государственного контролера Сольского. Затем, когда я был назначен министром путей сообщения, то я взял Иващенко к себе, руководствуясь той репутацией, которую он имел; он был известен, как человек порядочный. Зная, что в министерстве путей сообщения делается очень много злоупотреблений в области водяных сообщений и шоссе, я сделал А. П. Иващенко своим товарищем.

Когда я был назначен на пост министра финансов, то я взял Иващенко к себе и как товарища министра финансов.

Это был в высокой степени почтенный человек, но не особенно большого таланта и ума. Это был скромный чиновник, но он обладал громадною уравновешенностью, громадною способностью работать, весьма толковый, словом это был тип выдающегося, хорошего бюрократа.

Государь сказал мне, что он об Иващентове подумает. В следующий мой доклад Его Величество сказал мне, что он думал относительно Иващенко, но что он считает невозможным его назначить. Государь прямо сказал мне, что главная причина этого заключается в том, что он мой товарищ и что, когда он сделается министром путей сообщения, то все будут говорить, что все, что делает Иващенко, он делает под моим влиянием. Государь сказал, что вообще ему Иващенко не нравится, что вообще ему его не хочется назначать – и поэтому склонялся опять назначить министром путей сообщения Кази.

Я очень отговаривал Его Величество от этого. Когда же он поставил мне вопрос: «Кого же полагаете в таком случае назначить?» – у меня вдруг блеснула мысль о князе Хилкове и я сказал: «Князя Хилкова».

Государь говорит: «Я его совсем не знаю».

Тогда я сказал Его Величеству:

– Ваше Величество, спросите Вашу матушку, и я убежден в том, что если вы скажете вашей матушке, что вот я рекомендую Хилкова, то ваша матушка в особенности меня поддержит.

А между прочим, мне Государь говорил, что именно его матушка почему-то не сочувствовала моему предложению назначить Иващенко; значит Государь уже советовался с Императрицей-матерью, а поэтому, мне тогда же пришлось в голову указать такое лицо, к которому наверно Императрица отнесется крайне благосклонно.

Государь говорит: «Я спрошу мою матушку».

Я ушел к себе домой в министерство. Это было около половины первого, а уже в три часа ко мне приехал князь Хилков, который сказал мне, что его видел Государь и неожиданно предложил ему сейчас же занять пост министра путей сообщения, что для него, Хилкова, это совершенно неожиданно и что он говорил Государю, что он боится занять этот пост, не зная, как я буду к этому относиться, потому что я, как министр финансов, могу иметь большое влияние на министерство путей сообщения и кроме того, так как я ранее был министром путей сообщения, то пользовался большим авторитетом и по всем вопросам, касающимся железных дорог.

На это Государь сказал Хилкову:

– Да мне Сергей Юльевич вас первый рекомендовал; поезжайте к нему и с ним уговоритесь.

Поэтому Хилков и приехал ко мне. Он был очень смущен, так как это являлось для него совершенной неожиданностью. Он спросил меня: «может ли он рассчитывать, что я буду ему оказывать всякое содействие». Я успокоил его в этом отношении.

Хилков, конечно, принял пост министра путей сообщения. На этом посту он оставался до 17-го октября 1905 г. Когда же я сделался Председателем Совета Министров, то я просил его оставить это место, о чем я буду говорить впоследствии.

Теперь я хочу рассказать, почему я рекомендовал Хилкова. В царствование Императора Николая I мать Хилкова была очень близка к Императрице Александре Феодоровне.

Сам Хилков был гвардейским офицером Семеновского полка, у него было имение в Тверской губ. В 60-х годах, когда явилось большое либеральное течение по освобождению крестьян, он роздал большую часть своих земель крестьянам и, будучи крайне либеральных воззрений, уехал в Америку, почти без всяких средств.

В Америке он начал служить. Тогда только что стало сильно развиваться везде железнодорожное дело. Сначала Хилков поступил на железную дорогу простым рабочим, затем сделался помощником машиниста, потом занял место машиниста на американской дороге.

Когда у нас началось усиленное строительство железных дорог – Хилков переехал в Россию.

В то время я окончил курс в университете, и, когда сам поступил на железную дорогу, то встретился в первый раз с Хилковым. Тогда я занимал место помощника начальника движения Одесской железной дороги, а он был начальником паровозного депо (Хилков был старшим машинистом, т. е. начальником машинистов данного района. Депо – это известное отделение, в районе которого двигаются данные паровозы.) в Конотопе на Курско-Киевской жел. дор.

Затем я часто встречал Хилкова, и когда Чихачев сделался директором Русского Общества пароходства и торговли и Одесской железной дороги, а я был его помощником, то я рекомендовал Хилкова Чихачеву. Но Хилков тогда не перешел на Одесскую железную дорогу; сначала он хотел перейти, но потом отказался и переехал в Москву. В Москве он был начальником тракции на Московско-Рязанской жел. дор. Когда же у нас началась Восточная война, то Хилков переехал в Болгарию. Во время войны он там служил на военной железной дороге и даже, кажется, временно был в Болгарии министром путей сообщения. После, когда начался Хивинский поход в Среднюю Азию и Анненков начал строить Средне-Азиатскую железную дорогу, то Хилков пошел в помощники к генералу Анненкову. Все это время я встречался с Хилковым.

Когда же я сделался министром путей сообщения, то я предложил Хилкову место управляющего Орлово-Грязинской жел. дор., каковой пост он и занял.

Когда же я сделался министром финансов, а на мое место был назначен Кривошеин, то он сделал Хилкова старшим инспектором жел. дор.

С этого поста Хилков был прямо назначен министром путей сообщения.

Когда Хилков был начальником тракции Московско-Рязанской жел. дор., то председателем правления этой дороги был Дервиз.

Жена его м-м Дервиз, вторым браком – г-жа Дукмасова. Это та самая г-жа Дукмасова, которая в прошлом году обвинялась в том, что она будто бы отравила своего мужа.

Дервиз, будучи председателем правления, получал большое содержание; во время войны им был устроен на свой счет санитарный поезд. Поезд этот приняла под свое покровительство Цесаревна Мария Феодоровна, будущая Императрица Мария Феодоровна. Хилков был главным уполномоченным на этом поезде.

Поэтому Цесаревна Мария Феодоровна часто встречалась с Хилковым, всегда ездила с этим поездом или, по крайней мере, наблюдала за этим поездом, когда, во время войны, поезд этот перевозил раненых с Балканского полуострова в Петербург.

Хилков чрезвычайно понравился Цесаревне и когда уже кончилась война, Хилков, бывая в Петербурге, с разрешения будущей Императрицы Марии Феодоровны, являлся

к ней. Потом, когда Мария Феодоровна сделалась вдовствующей Императрицей, Хилков также продолжал иногда приходить к ней. Вообще Мария Феодоровна относилась к Хилкову с крайней симпатий.

И, действительно, как личность, Хилков был совершенно исключительным человеком: с одной стороны, он был человек высшего общества, а с другой стороны – он прошел такую удивительную карьеру. Поэтому совершенно естественно, что когда Государь сказал Императрице, что теперь Витте рекомендует Хилкова, то насколько Мария Феодоровна отрицательно отнеслась к моей первой рекомендации, настолько же она обеими руками ухватилась за мою вторую рекомендацию. Она так настаивала на моем выборе, что я сказал Государю о Хилкове в 12½ часов, а в 3 часа Хилков, почти что назначенный министром путей сообщения, уже был у меня.

Относительно Хилкова я должен сказать, что он прекрасно знал железнодорожное дело, знал все, что касается паровозов и тракции, он был опытный железнодорожник, вообще был человек чрезвычайно воспитанный, человек высшего общества и по существу, был хороший человек, но он имел маленький недостаток – это слабость к женщинам. Вследствие этой слабости в его карьере были черные точки.

Конечно, Хилков не был государственным человеком и всю свою жизнь он оставался скорее обер-машинистом, нежели министром путей сообщения.

Я, конечно, этого не знал, так как это совершенно ясно обнаружилось только тогда, когда он сделался министром путей сообщения, но все же я имел такое предчувствие, мне казалось, что Хилков не государственный человек, поэтому я и рекомендовал его уже, так сказать, в крайности, понимая, что, как государственный человек, он будет очень слаб, что и оказалось в действительности.

Через несколько месяцев после вступления Императора Николая II на престол, умер министр иностранных дел Гирс и явился вопрос о назначении нового министра.

Временно управление министерством было поручено товарищу Гирса – Шишкину, очень почтенному и прекрасному человеку, но человеку более нежели недалекому и по наружности весьма не представительному. Он из себя представлял такую личность, что ни у кого не могло явиться сомнения в том, что он будет управлять министерством самое короткое время. И, действительно, в самом непродолжительном времени, через несколько недель, министром иностранных дел был назначен князь Лобанов-Ростовский, наш посол в Вене. Это было одно из таких назначений, которое очень многих удивило; оно показало, что Император Николай был совсем не в курсе дела, совсем не знал личного состава государственных деятелей, находящихся на различных высших местах гражданского и военного управления, в противном случае Император конечно бы не назначил князя Лобанова-Ростовского, не потому чтобы Лобанов-Ростовский был хорошим или дурным министром, а только в виду той оценки, которую ему дал Император Александр III (У Императора Александра III было такое свойство: он часто не стеснялся в своих выражениях и резолюциях. Так, на донесении князя Лобанова-Ростовского Император написал в высшей степени резкую резолюцию о личности князя Лобанова-Ростовского; сущность резолюции заключалась в том, что он, мол, Лобанов-Ростовский – человек совершенно легкомысленный; это, в сущности, была правда, но Император написал резолюцию в очень резкой форме. – Когда впоследствии (о чем я буду говорить сейчас) князь Лобанов-Ростовский сделался при Императоре Николае II министром иностранных дел – министерство иностранных дел совершенно не знало как поступить с этой резолюцией Императора Александра III. Я помню, что мне говорил гриф Ламсдорф. – который был скромным сотрудником министерства иностранных дел, но вследствие своих личных качеств был всегда очень близок к министру иностранных дел Гирсу, – что тогда явилось решение: или же уничтожить эту бумагу, чтобы она как-нибудь случайно

не попала на глаза князю Лобанову-Ростовскому, или же ее как-нибудь так спрятать в архив, чтобы она на могла ни к кому попасть в ближайшее время. Как они решили – я этого не знаю.).

В то время Император Николай преклонялся перед памятью своего отца и старался буквально исполнять все его заветы, руководствоваться всеми его мнениями. И так как Император Николай II не был посвящен во все дела, а потому в большинстве случаев не мог знать ни мнений своего покойного отца, ни его оценки различных лиц и различных обстоятельств, то единственным источником в этом отношении ему служила его матушка.

Князь Лобанов-Ростовский был человек видный, во всяком случае это была личность, хотя выбор его в министры иностранных дел, по моему мнению, был неудачен, так как едва ли он мог быть серьезным министром иностранных дел.

Еще в моей юности я слышал о Лобанове-Ростовском; когда я был еще совсем мальчиком – он был уже молодым человеком, послом в Константинополе. Я помню, что кто-то из моего семейства ездил в Константинополь и потом, возвратясь оттуда, рассказывал, что в Константинополе он был в церкви посольства и, присутствуя на церковном служении, был очень удивлен тем, что в церковь пришел наш посол, одетый чуть ли не в халат. Я помню, что я слышал об этом несколько раз и каждый раз он рассказывал об этом с большим возмущением. Затем говорили, что вообще Лобанов-Ростовский в Константинополь крайне афишируется с различными дамами не совсем серьезного поведения.

Когда князь Лобанов-Ростовский сделался министром иностранных дел, мне пришлось с ним очень близко встречаться на деловой почве. Я буду иметь случай рассказывать впоследствии многие из эпизодов этих различных встреч, теперь же скажу только, что общее мое заключение о нем таково: Лобанов-Ростовский был человек весьма образованный, очень светский; он отлично владел языками, очень хорошо владел пером, знал превосходно внешнюю сторону дипломатической жизни; был очень склонен к некоторым серьезным занятиям, – так, напр., к различным историческим исследованиям, которые, в сущности, касались различных родословных; на этом поприще он даже приобрел себе некоторый авторитет и составил несколько книг; он был очень остроумный собеседник.

Мне не случалось бывать с князем Лобановым-Ростовским в женском обществе, но я полагаю, что он имел большой успех у женщин, так как он был человек весьма остроумный и тонко воспитанный.

Но, с другой стороны, надо сказать, что Лобанов-Ростовский в течение всей своей жизни не занимался серьезным делом; он не имел привычки посвящать делу много времени. Вообще ум его был более блестящий – нежели серьезный.

Несмотря на его уже большие лета, – когда он сделался министром, ему было значительно за 60 лет, – он остался тем же, сохранив в себе основу своей природы, т. е. крайнее легкомыслие. Подобное свойство природы могло являться симпатичным в общественной жизни, но не могло принести сколько бы то ни было благоприятных плодов в деятельности государственной.

Каким же образом князь Лобанов-Ростовский был назначен министром иностранных дел?

Его рекомендовал на это место Великий Князь Михаил Николаевич, председатель государственного совета, который в первое время царствования Императора Николая влиял на Императора в некоторых отношениях, так как по летам он был старшим в Царском роде, был человек очень почтенный, хотя весьма ограниченный.

На Великого же Князя Михаила Николаевича повлиял государственный секретарь Александр Александрович Половцев, который в силу своих обязанностей находился в постоянных отношениях к Великому Князю. А. А. Половцев был очень дружен с Лобано-

вым-Ростовским; подружился он с ним во время своих многократных и продолжительных поездок за границу.

У кн. Лобанова-Ростовского и у А. А. Половцева были в некотором отношении одинаковые характеры; так, оба они были люди культурные, образованные, светские; оба имели склонность к различным историческим исследованиям и, до известной степени, стремились привязать свои имена к фаланге русских историографов; оба были жуиры и любили пользоваться жизнью. Александр Александрович Половцев, как человек богатый, ездя за границу, мог пускать пыль в глаза, благодаря своему состоянию, а кн. Лобанов-Ростовский – благодаря своему положению, как чрезвычайный посол русского Императора.

Разница между ними, главным образом, была та, что кн. Лобанов-Ростовский был гораздо более барин, нежели А. А. Половцев, который по натуре своей был очень похож на барина. А. А. Половцев дорожил заграничною дружбою Лобанова-Ростовского, как чрезвычайного посла и русского князя, человека в высокой степени великосветского, а Лобанов-Ростовский до известной степени дорожил дружбою А. А. Половцева, как человека чрезвычайно богатого.

Вот А. А. Половцев и убедил Великого Князя Михаила Николаевича, что наиболее подходящим лицом для назначения на пост министра иностранных дел является кн. Лобанов-Ростовский.

Собственно по дипломатической карьере, действительно, Лобанов-Ростовский был один из самых старых наших послов и с внешней стороны – он был человек блестящий.

Итак, Михаил Николаевич рекомендовал Лобанова-Ростовского Императору, а Государь, совсем не зная его и не зная, как к нему относился Император Александр III, назначил Лобанова-Ростовского, причем Лобанов-Ростовский не был сразу назначен министром иностранных дел, что его очень обидело. Когда Лобанов-Ростовский приехал в Петербург, где я видел его первый раз, то он мне даже высказал это; он сказал, что удивляется, как это его, с его положением, – он был действительный тайный советник, и долгое время был послом, – назначили управляющим министерством, а не министром. – Но в самом коротком времени, через несколько недель, – был издан указ о назначении Лобанова-Ростовского не управляющим, а министром, что, опять таки, было сделано при посредстве А. А. Половцева.

Как я уже говорил, князь Лобанов-Ростовский всю карьеру свою делал на дипломатическом поприще, но одно время он служил в министерстве внутренних дел и даже короткое время был товарищем министра внутренних дел, – не помню при ком: при Валуеве или при Тимашеве.

По поводу этого мне вспомнилось следующее: как то раз, будучи еще молодым человеком (я тогда служил на Одесской жел. дор.) я приехал в Петербург и был у моего дяди генерала Фадеева, который жил в гостинице «Франция» на Малой Морской улице. У моего дяди вечером собрались его приятели, были: Черняев, граф Воронцов-Дашков (будущий министр Двора и теперешний наместник на Кавказе), князь Лобанов-Ростовский, брат будущего министра иностранных дел. – Этот Лобанов-Ростовский постоянно жил за границей и, весьма редко приезжая в Россию, оставался здесь очень непродолжительное время.

Вот этого то Лобанова-Ростовского кто-то при мне спросил, долго ли он останется в России? Он ответил, что недолго, что он, как можно скорее, хочет уехать за границу. Тогда ему сказали:

«Что ж это вы так спешите уехать за границу? Прежде, когда вы приезжали, вы оставались довольно долго в России». Лобанов-Ростовский на это говорит:

– Как же я могу остаться в России, когда она дошла до такого положения, что даже мой брат может быть товарищем министра внутренних дел?

Князь Лобанов-Ростовский, конечно, понравился Государю и Государыне; да он и не мог не понравиться, потому что он был человек весьма приличный, образованный, в светском смысле, в высшей степени тонко, так что и юмор его был в высшей степени тонкий.

2 Апреля 1895 г. товарищем министра внутренних дел по рекомендации Победоносцева был назначен Горемыкин, который до этого назначения занимал пост товарища министра юстиции.

Горемыкин был назначен товарищем министра внутренних дел не по выбору Ивана Николаевича Дурново, так как Иван Николаевич представил других кандидатов и между прочим князя Кантакузена графа Сперанского. Но в то время Государь уже начал относиться недоверчиво к министру внутренних дел Дурново. Что послужило причиной этому, я в точности не знаю, но Иван Николаевич Дурново говорил мне тогда, что он приписывает некоторое недоверие Государя Императора влиянию его Августейшей матушки; что Августейшая матушка недовольна им, потому что, будто бы им, Дурново, перлюстрируются письма, ею получаемые, в чем она и уверяет Императора.

Иван Николаевич Дурново говорил мне, что он перлюстрацией писем не занимается, хотя утверждение это было неверно, как в отношении его, так и в отношении всех последующих министров внутренних дел. Недавно погибший министр внутренних дел Столыпин точно также негодовал, возмущался делаемыми предположениями, что в министерстве внутренних дел им перлюстрируются частные письма. Между тем, я знаю совершенно достоверно, что письма эти перлюстрировались и что Столыпин посвящал очень много времени чтению чужих писем.

Это приносило вред и мне, ибо, когда я был Председателем Совета Министров, то и мне одно время давали все эти письма, и я знаю по себе, как эти письма влияют на нервы и возбуждают различные чувства.

После отставки И. Н. Дурново Император Николай II не назначил министром внутренних дел Сипягина, как это было в мыслях его отца Императора Александра III, а назначил Горемыкина. Это случилось следующим образом:

Когда уходил Иван Николаевич Дурново, то явился вопрос, кого назначить вместо него, и Государь Император как то раз, когда я пришел к нему, спросил об этом мое мнение:

– Как вы думаете, кого бы вы мне посоветовали назначить министром внутренних дел? Тогда я в свою очередь спросил у Государя, кого он имеет в виду – потому что мне самому не хотелось бы указывать лиц, а я бы мог дать только характеристику того или другого лица, которое будет указано Государем.

Государь мне на это ответил, что ему рекомендуют двух лиц: Плеве и Сипягина. Кто ему их рекомендует, Государь не говорил, но я, конечно, догадался.

Что касается Плеве, то его рекомендовал Государю Николаю II И. Н. Дурново так же, как он его рекомендовал Императору Александру III; а что касается Сипягина, то относительно его, вероятно, Императору Николаю II было известно, что это был кандидат в министры его отца.

Относительно Плеве и Сипягина я сказал Государю следующее, что Плеве и Сипягина я обоих хорошо знаю. Плеве делал свою карьеру, как юрист, он дослужился до прокурора судебной палаты; затем при Лорис-Меликове из прокурора судебной палаты он был назначен директором департамента полиции; из директора департамента полиции он был назначен товарищем министра внутренних дел и, наконец, государственным секретарем. Я сказал, что человек он несомненно очень умный, очень опытный, хороший юрист, вообще человек очень деловой, в состоянии много работать и очень способный, но насколько на него можно положиться в том смысле – каковы его убеждения, есть ли это в данный момент его убежде-

ния, искренни ли они, глубоки ли, а не просто ли карьерные – об этом всегда судить очень трудно.

Когда Плеве был прокурором судебной палаты, он был довольно либеральных идей, вследствие этого граф Лорис-Меликов, когда он был начальником верховного управления, а потом министром внутренних дел (его тогда называли диктатором сердца Императора Александра II) – взял Плеве директором департамента полиции. В то время Плеве поклонялся политике Лорис-Меликова, сочувствовал его более или менее конституционным идеям.

Затем Лорис-Меликов сменил граф Игнатъев. Плеве был правою рукою графа Игнатъева и поклонялся графу Игнатъеву, хотя, как известно, мнения графа Игнатъева совершенно не сходились с мнениями Лорис-Меликова.

Лорис-Меликов был конституционалистом в западном смысле, а граф Игнатъев был практически славянофил, видевший спасение в земском совещательном соборе.

Затем граф Игнатъев был сменин министром внутренних дел Толстым. Толстой, в качестве министра внутренних дел, явился представителем в полном смысле слова самодержавной бюрократии и Плеве стал самым большим поклонником и сторонником его системы; проводил его мысли и чуть ли не клялся над его, Толстого, формулой, как на текст Евангелия.

Затем я сказал Его Величеству:

– А каковы в действительности мнения и убеждения Плеве, об этом, я думаю, никто не знает, да полагаю, что и сам Плеве этого не знает. Он будет держаться тех мнений, которые он считает в данный момент для него лично выгодными и выгодными для того времени, когда он находится у власти.

* Я не сказал Государю, что Плеве ренегат из-за карьеры, а я думаю, что не может быть честного человека, меняющего свою религию из житейских выгод. Я также не сказал Государю, что Плеве по натуре хам и сделался ярым адвокатом всех дворянских эгоистических тенденций не по убеждениям и не по традициям (его отец еще не был дворянином, а чуть ли не органистом у какого то польского помещика), а потому, что посредством дворянской клики у престола он делал и сделал свою карьеру. Как ренегат и не русский, он, конечно, дабы показать, какой он «истиннорусский и православный» готов был на всякие стеснительные меры по отношению ко всем подданным Его Величества не православным. Вот почему Победоносцев его презирал, так как сам Победоносцев это делал по убеждению. Все люди грешны и забавляются «благородным занятием», как выражаются итальянцы, но мало уважают тех особ, с которыми они забавляются. *

Что же касается Сипягина, то я сказал, что Сипягин гораздо менее образован, гораздо менее способный, нежели Плеве. Хотя он кончил курс в университете на юридическом факультете, но имеет довольно слабые юридические знания и даже довольно слабые вообще научные знания. Будучи предводителем дворянства, а затем вице-губернатором и губернатором, он довольно хорошо знает административную губернскую часть. Вообще это человек с здравым смыслом, но что касается знаний, таланта, опыта, то он гораздо ниже Плеве. Но зато Сипягин – это человек убеждений; убеждения его очень узкие, чисто дворянские, он придерживается принципа самодержавия, патриархального управления государством на местах; это его убеждения и убеждения твердые. Вообще Сипягин своих убеждений не меняет; человек он прекрасной души, по натуре весьма гуманный, твердый и представляет собою в истинном смысле слова образец русского благородного дворянина.

Сделав характеристику этих обоих лиц, я расстался с Его Величеством и через некоторое время уехал в Виши (Я имел неосторожность передать мой разговор с Его Величеством И. Н. Дурново, который, конечно, его передал Плеве, как я узнал впоследствии.).

Когда месяца через полтора, два я вернулся обратно из Виши – министр внутренних дел еще не был назначен, а Иван Николаевич Дурново, бывший министр внутренних дел, был назначен председателем комитета министров.

Вступив в управление министерством финансов, я сразу почувствовал крайнее неудобство отсутствия министра внутренних дел. Замещал министра внутренних дел временно его товарищ Горемыкин, который ничего на себя брать не хотел, потому что каждый день мог быть назначен другой министр внутренних дел, вследствие чего Горемыкин вел одни текущие дела.

При первом же моем докладе Государю Императору я спросил, кого же Его Величество полагает назначить, причем указал на то, что я застал целый ряд бумаг и дел не решенных и недвигающихся вследствие отсутствия министра внутренних дел.

На это мне Император Николай II сказал:

– Я после нашего разговора, который я имел с вами о Плеве и Сипягине, спросил еще и мнение К. П. Победоносцева. Он, – говорит, – сказал мне свое мнение, но я так и не решился кого-либо назначить, все ожидал вашего приезда.

Тогда я спросил Государя:

– Какое же мнение Константина Петровича, если Ваше Величество соизволите мне это сказать?

– Да он очень просто мне сказал; когда я указал на этих кандидатов, то Константин Петрович сказал, что Плеве подлец, а Сипягин – дурак.

Поэтому Государь и считал, что как того, так и другого назначить нельзя.

Тогда я спросил Государя:

– Что же, Ваше Величество, сам он кого-нибудь рекомендовал? Государь улыбнулся и говорить:

– Да, он мне рекомендовал... между прочим, он и о вас говорил.

Очевидно, Государь не хотел передать то, что он сказал обо мне, но я сразу догадался и говорю:

– Ваше Величество, хотя я не знаю, что говорил Победоносцев, но почти уверен, что могу догадаться, что он про меня сказал. Государь спросил:

– А как вы думаете, что?

– Да, наверно, – говорю, – он сказал так: когда вы его спросили, кто же может быть министром внутренних дел, он ответил Вашему Величеству: есть один только человек, который может быть министром, это вот Витте, да и тот... и тут он сказал какое-нибудь слово, какое-нибудь бранное слово, что-нибудь вроде известной фразы Собакевича в «Мертвых душах»: «один там только и есть порядочный человек – прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». – Государь рассмеялся.

– Я, – говорит, – ему сказал, что если бы даже я решил Вас назначить, то это мне не облегчило бы мою задачу, потому что мне пришлось бы искать заместителя вам.

Затем Государь сказал мне, что, когда он спросил Победоносцева, кого же в конце концов он рекомендует назначить, Победоносцев ответил, что, по его мнению, надо назначить того, кто и теперь уже состоит товарищем министра внутренних дел, – т. е. Горемыкина.

А что Вы думаете по поводу назначения Горемыкина? – спросил меня Государь.

Я ответил Государю, что Горемыкина я сравнительно очень мало знаю, ничего о нем определенного сказать не могу, но что вообще Горемыкин производит на меня впечатление человека порядочного, причем добавил, что, по всей вероятности, Константин Петрович, между прочим, рекомендует Горемыкина потому, что Горемыкин правовед и Константин Петрович тоже правовед, а известно, что правоведы также, как и лицеисты, держатся друг за друга, все равно, как евреи в своем кагале.

И если, – сказал я – у Вашего Величества никого больше не имеется в виду, то может быть вы решитесь назначить Горемыкина?

Государь ответил:

– Да, я назначу Горемыкина.

Когда я уходил от Государя из его кабинета, туда вошел Танеев, и когда я с ним ехал обратно из Царского в Петербург, Танеев мне сказал:

– Как я рад, что вы наконец вернулись из за границы. Государь все время не решался – кого назначить министром внутренних дел, а вот сегодня приказал представить мне ему указ о назначении на этот пост Горемыкина.

С вокзала я прямо поехал в министерство внутренних дел, к Горемыкину и сказал ему, что мне известно, что Его Величеству угодно было решить назначить его министром внутренних дел. Горемыкин этой вестью был очень доволен и начал говорить со мною о следующем:

Со времени соединения министерства внутренних дел с 3-м отделением министр внутренних дел сделался по своей должности и шефом жандармов и таким образом министры внутренних дел, кроме полагающегося им довольствия: содержания, казенной квартиры, отопления и проч., стали получать и по смете жандармского управления 50 тыс. руб. в год на особые расходы. Под этими особыми расходами подразумевались расходы негласные, которые министр внутренних дел, как начальник полиции, иногда должен был производить и о которых трудно было кому либо давать отчеты, кроме, конечно, отчета Государю Императору.

Но постепенно эти 50 000 руб. министры внутренних дел просто начали тратить на свои личные нужды, а также на представительство, что, конечно, было некорректно.

Так вот Горемыкин, ни с того, ни с сего, сказал мне, что он рад получить самостоятельное место; рад, что состоялось определенное назначение, и что он теперь уже не временно управляющей министерством, не калиф на час. Первое, что он теперь сделает, это распорядиться, чтобы те 50 000 руб., которые получали министры внутренних дел, чтобы их ему не давали, а чтобы их сам департамент полиции тратил на секретные нужды.

Но это благое пожелание так и осталось «благим пожеланием». В конце концов, Горемыкин продолжал получать эти 50 000 руб. и тратить их на свои нужды, что делали все его преемники. Разница между ними и покойным председателем совета министров и министром внутренних дел Столыпиным состояла лишь в том, что они брали только эти 50 000, а когда министром внутренних дел сделался Столыпин, то уже дело не ограничивалось 50 000, а, насколько мне известно, со слов министра финансов и нынешнего председателя совета министров – Столыпин и его ближайший помощник по делам полиции Курлов тратили на свои нужды, или на свое представительство уже не 50 000, а сотни тысяч. Это было одним из последствий так называемого конституционного порядка, который водворял П. А. Столыпин.

Горемыкин, до назначения министром внутренних дел, был довольно либерального направления, но, как только он сделался министром внутренних дел, под влиянием свыше, боясь себя скомпрометировать, начал вести довольно реакционную политику

(I Вариант. * Горемыкин в течение своего управления министерством бездействовал и не знал, куда ему идти, направо или налево. Он взял себе в товарищи князя Алексея Дмитриевича Оболенского, человека очень не глупого, хорошо образованного, убедительно говорящего, честного, но крайне легкомысленного и впечатлительного.

Он и мне принес много бед своею неуравновешенностью. Когда он говорит, он говорит по убеждению и убедительно, но убеждения его меняются также часто, как чистоплотные люди меняют белье. Затем у него крайне беспокойный характер, всегда он всюду во все партии суется, чтобы знать, что делается и давать «советы». Он пользовался большим почетом

у молодых дам высшего общества – его так и звали «дамский оракул». Хотя, повторяю, он, в сущности, хороший, честный человек, но опасный советчик. Оболенский тащил Горемыкина налево, а другие его сотрудники – направо. Конечно, Горемыкин никому не угодил, а председатель комитета министров Дурново, который жил головою Плеве (тогда уже государственного секретаря, добивавшегося стать министром внутренних дел), конечно, страшно интриговал против Горемыкина. *).

В марте месяце 1896 г. был назначен дворцовым комендантом генерал Гессе.

Когда Император Александр III вступил на престол, то при нем, весьма недолгое время, начальником дворцовой охраны был его личный друг граф Воронцов-Дашков (нынешний Кавказский наместник), который затем в скором времени был сделан министром двора и оставался министром двора в течение всего царствования Императора Александра III.

Начальником конвоя в это время был генерал-адъютант Черевин.

Как граф Воронцов-Дашков, так и генерал-адъютант Черевин были люди с известным «я».

Молодой Император, так сказать, вырос на их глазах, так как оба они были близки к Императору Александру III не только, когда он сделался Императором, но и еще тогда, когда он был наследником-цесаревичем.

Поэтому Черевин несколько стеснялся Императора Николая II, а в особенности Черевин не мог нравиться молодой Императрице, – особе весьма чистой и воспитанной на немецко-английский манер, – своею некоторою распушенностью и резкостью выражений. Происходило это оттого, что Черевин имел один недостаток: он весьма часто, можно сказать, почти ежедневно был не в вполне нормальном состоянии. Совершенно естественно, что все эти аллюры Черевина не могли, конечно, нравиться Императрице...

Вследствие этого, Черевин со времени вступления на престол Императора Николая II, хотя и оставался начальником охраны и лицом по положению близким к Императору Николаю, но никакой интимности между ним и новою Императорскою четой уже не было. Черевин не видал ежедневно, – как это было прежде, – Императора и Императрицу; прежде он постоянно был приглашаем к интимному столу, – обеду, завтраку, – это все теперь переменилось. Вообще, что касается личной жизни, то Черевин был очень отдален от двора.

Когда Государь переехал в Зимний Дворец, а он поселился с Зимнем Дворце после медовых месяцев, которые Государь провел со своею молодой женой в Царском, – то Черевин даже не получил помещения ни в Зимнем, ни в Аничковом дворцах, а жил на частной квартире.

Только отношения вдовствующей Императрицы к Черевину не переменились; она осталась в высокой степени к нему расположенной и весьма любила и уважала Черевина.

Приближенным Черевина был генерал Гессе.

Генерал Гессе раньше служил в Преображенском полку, потом состоял при Черевине еще в чине полковника (Гессе при Императоре Александре III я помню тоже в чине полковника).

Молодой Император знал Гессе, так как он сам служил одно время в Преображенском полку и командовал батальоном; затем, когда Император Николай II был еще Цесаревичем, Гессе учил его ружейным приемам. Наконец, Гессе был Приближенным Черевина, а потому знал все, что касается дворцовой охраны.

Естественно поэтому, что после смерти Черевина, вместо него, был назначен Гессе.

Черевин умер от воспаления легких. Для него воспаление легких было смертельною болезнью, потому что у лиц, – подобно Черевину, – пропитанных алкоголем, воспаление легких обыкновенно кончается смертью.

Гессе был человек не дурной, довольно корректный, но во всех отношениях самый обыкновенный человек, и потому его нельзя сравнить с Черевиним, так как Черевин был человек замечательного здравого ума и крайне забавный; он представлял собою типичную личность.

Гессе сделал военную карьеру между прочим и потому, что он был женат на дочери Козлянинова, бывшего командующего войсками в Киеве, сестра же его жены была фрейлиной при Елизавете Феодоровне. Таким образом, на карьеру Гессе имела влияние именно его женитьба на дочери генерал-адъютанта, бывшего командующего войсками Киевского военного округа Козлянинова, который в свое время имел очень большое значение в военном мире.

Сами Гессе еврейского происхождения, в них есть значительная доля еврейской крови. В наружности генерала Гессе это не было заметно, но в наружности его брата, который был в Киеве губернатором (также вследствие влияния Козлянинова), еврейский тип резко проглядывал, что не мешало, как Киевскому губернатору Гессе, так и генералу Гессе быть людьми весьма порядочными.

Супруга генерала Гессе также была дама весьма порядочная, но очень «себе на уме». В сущности она имела громадное влияние на мужа и вообще на устройство домашних и мелких дворцовых дел, на устройство своего личного положения, хотя она и была происхождения чисто русского и крови чисто русской.

Многие думают, что если кто-нибудь имеет предками евреев, то непременно имеет и недостатки этой нации, но это не вполне верно. Так, например, в Гессе его еврейское происхождение ничем не обнаружилось, тогда как в его жене, которая была чисто русская, недостатки, которыми страдают многие евреи, были весьма заметны.

Характерно, что, когда вместо Черевина был назначен Гессе, то в высочайшем указе было сказано, что Государь ни в какой охране не нуждается, поэтому и начальник дворцовой охраны совсем не нужен, вследствие чего он, Гессе, назначается дворцовым комендантом.

Вот каковы были мысли, если не по существу, то в смысле постановки дела перед обществом, в 1896 году; если подумаешь о настоящем положении дела, о том значении охраны, о том, как она была выдвинута покойным Столыпиным со всеми этими историями Азефов, Дубровиных, подонков с Сенной площади, союза русского народа; вспомнишь о Багрове, Казанцеве и о всевозможных политических охранниках, под различными наименованиями и видами, то можно сказать, что те предвидения, которые в то время были гласно высказаны относительно необходимости упразднения дворцовой охраны и замены ее дворцовым комендантом, не вполне оправдались.

Глава вторая

Переговоры с Ли-Хун-Чаном и заключение договора с Китаем

В конце царствования Имп. Александра III отношения между Японией и Китаем крайне обострились, а затем вспыхнула война между Японией и Китаем. У нас тогда войска на Дальнем Востоке во Владивостоке было очень мало. Ту часть войска, которая была во Владивостоке, мы направили к Гирину на тот случай, чтобы эти самые военные действия между Японией и Китаем не подвинулись на север и не коснулись в том или другом направлении русских владений и интересов, – вот все, что мы сделали.

В это время Император Александр умер. Война эта кончилась полною победою японцев. Вначале царствования Императора Николая II, как известно, японцы взяли весь Ляодунский полуостров и при заключении мира с Китаем выговорили себе различные выгоды и, главным образом – приобретение всего Ляодунского полуострова.

При таком положении дел князь Лобанов-Ростовский сделался министром иностранных дел. В то время строился великий Сибирский железнодорожный путь, который доходил уже почти до Забайкалья... Являлся вопрос: как направить дальше железную дорогу – по нашим владениям, делая большой круг по Амуру, или в том, или в другом направлении воспользоваться китайской территорией, т. е. северною частью Манджурии.

Но вопрос этот не был решен и никогда даже не было предположения, чтобы мы могли достигнуть согласия Китая на проведение дороги по северной Манджурии.

Но так как все сооружение великого Сибирского пути, т. е. соединение Владивостока с Европейской Россией, еще по завету Императора Александра III-го, было поручено мне, то из государственных деятелей единственно кто занимался этим вопросом – был я. Так как я более всех остальных, так сказать, играл роль в этом деле, то и дело это я наиболее изучил и знал.

В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы вообще: что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды.

Только что назначенный министром иностранных дел князь Лобанов-Ростовский тоже не имел никакого понятия о делах Дальнего Востока. Если бы его в то время спросить: что такое Манджурия? Где Мукден? где Гирин? – то его знания оказались бы знаниями гимназиста второго класса. Впрочем, это надо сказать не про одного Лобанова-Ростовского, а про большинство государственных деятелей.

Князь Лобанов-Ростовский, как я уже прежде говорил, был человек очень образованный, он знал все, что касается Запада, Дальний же Восток его никогда не интересовал и он ничего о нем не знал.

Не успел он получить пост министра, как война между Японией и Китаем кончилась известным Симоносекским соглашением.

Соглашение это представлялось мне в высокой степени неблагоприятным для России, ибо Япония получала территорию на Китайском материке, и благодаря этому приблизилась к нам в том смысле, что наши приморские владения, Приморский край прежде отделялся от Японии морем, а теперь Япония переходила уже на материк и завязывала интересы на материке, на том самом материке, где были и наши весьма существенные интересы, а потому являлся вопрос: как же поступить?

В то время вопросами Дальнего Востока занимался исключительно я. Государь Император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток. Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами. Поэтому мне в то время пришлось всесторонне обдумать: как же надлежит поступить по поводу заключенного договора между Японией и Китаем, по которому к Японии переходил весь Ляодунский полуостров. Я пришел тогда к заключению, которого держался все время, а именно, что России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим – сильный, но неподвижный Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а, следовательно, и будущего благоденствия Российской Империи; поэтому мне стало ясно, что невозможно допустить, чтобы Япония внедрилась около самого Пекина и приобрела столь важную область, как Ляодунский полуостров, который в известном отношении представлял собою доминирующую позицию. Вследствие этого я поднял вопрос о том, что необходимо воспрепятствовать осуществлению сказанного договора между Японией и Китаем.

Благодаря этому, Его Величеству благоугодно было назначить совещание, которое имело место на временной квартире (Это была квартира товарища министра иностранных дел), занимаемой тогда недавно назначенным министром иностранных дел князем Лобановым-Ростовским.

Совещание это происходило под председательством генерал-адмирала Великого Князя Алексея Александровича и состояло из следующих лиц: военного министра генерал-адъютанта Ванновского, начальника Главного Штаба генерал-адъютанта Обручева, управляющего морским министерством Николая Матвеевича Чихачева, меня и министра иностранных дел.

В этом совещании я высказал и проводил тот принцип, что весь интерес России на многие и многие годы заключается в том, чтобы Китай оставался тем, чем он есть, а для этого необходимо всеми силами поддерживать принцип цельности и неприкосновенности Китайской Империи.

Этот принцип я проводил в совещании весьма решительно и твердо. Меня поддерживал лишь Ванновский; Обручев относился довольно равнодушно к этому вопросу, так как он всегда увлекался возможными столкновениями на Западе и исключительно предавался этой идее. Остальные же члены совещания никакого определенного мнения не выражали.

Председатель этот вопрос не баллотировал, а поставил другой вопрос: каким образом поступить для осуществления моего желания?

Тогда я сказал, что Японии необходимо поставить ультиматум, что мы не можем допустить нарушения принципа целости и неприкосновенности Китайской Империи, а потому не можем согласиться на тот договор, который состоялся между Японией и Китаем; конечно, согласие Китая на этот договор было вынужденным, так как Китай является стороной победившей. Затем я сказал, что Японии, как стороне победившей, надо предоставить вознаградить свои расходы посредством более или менее значительной контрибуции со стороны Китая. Если же Япония на это не согласится, то нам ничего другого не остается делать, как начать активные действия; что теперь еще не время судить о том, какие активные действия предпринимать, но я того убеждения, что можно дойти и до бомбардировки некоторых японских портов.

Таким образом в этом совещании было ясно сформулировано и мое убеждение и какие средства я предлагаю для достижения этого моего мнения.

Но ничем определенным заседание не кончилось, так как мне никто определенно не возражал, но в то же время многие члены этого совещания не сказали, что они согласны с моим мнением. Князь Лобанов-Ростовский все время молчал.

Об этом совещании Великим Князем было доложено Императору. Тогда Государь созвал совещание у себя, но уже не в полном составе тех же лиц; на этом совещании присутствовали только я, генерал Ванновский, князь Лобанов-Ростовский и Великий Князь Алексей Александрович.

В присутствии Его Величества я опять повторил мои мнения; другие или совсем не возражали, или же возражали весьма слабо, в конце концов Государь согласился принять мое предложение и князю Лобанову-Ростовскому поручено было привести его в исполнение. Нужно отдать справедливость князю Лобанову-Ростовскому, он это исполнил ловко: немедленно вошел в соглашение с Германией и Францией, которые изъявили согласие поддержать требование России; затем, без промедления Россией был поставлен Японии ультиматум. Япония была вынуждена принять его и взамен Ляодунского полуострова потребовала значительную денежную контрибуцию.

Мы, т. е. Россия, в вопросы о размерах контрибуции и другие вопросы не вмешивались, выставив только один принцип, а именно, что мы не можем допустить какого бы то ни было нарушения целостности территории Китайской Империи.

Таким образом состоялся Симонсекский договор, в котором территориальное приобретение было заменено контрибуцией.

Одновременно я вошел в сношения с Китаем и предложил услуги России по заключению займа. Конечно, такой большой заем не мог быть совершен Китаем только на основании кредита Китая, а потому Россия дала свою гарантию, т. е. что заем должен быть гарантирован таможенными пошлинами, затем вообще достоянием Китая, а в случае неисправности Китая, Россия дала этому займу гарантию.

Кроме того, я же в сущности и совершал для Китая этот заем между Парижскими банкирами на бирже; в этом займе принимали участие банк de Paris et Pays bas, Crèdit Lyonnais, банкирский дом Готенгер; по этому делу представители этих домов, а именно Нестли и Готенгер приезжали сюда, причем они просили меня, чтобы взамен той услуги, которую они мне делают по заключению займа, я помог им по расширению банковской деятельности в Китае со стороны французского рынка.

Вследствие этого, по моей инициативе и по просьбе этих французских банкиров, мною был основан русско-китайский банк, в котором главное участие приняли французы. Сперва значительным акционером этого банка была и наша государственная казна, а в последнее время она в этом деле не принимает почти никакого участия. После несчастной русско-японской войны мы значительно потеряли наш престиж в Китае, и этот русско-китайский банк, мною основанный, в котором принимали участие, как французские банкиры и Россия, так и Китайская Империя, которая сделала довольно значительный вклад, – после того, как я ушел из министерства финансов и после того, как произошла несчастная русско-японская война, – потерял в значительной степени под собою почву, и в настоящее время соединен с Северным банком; таким образом, образовался новый банк, который называется русско-азиатским банком.

После того, как мы оказали такую значительную помощь Китаю, в Китай ездил князь Ухтомский, очень приближенный в то время к Государю, для того, чтобы с одной стороны ближе познакомиться с Китаем, а с другой стороны, познакомиться с тамошними государственными деятелями.

Когда наступило время коронавания Его Величества, то все страны, – как это принято в таких случаях, – послали в Россию своих представителей; представители эти были большей частью или же лица царствующих домов, или же высшие государственные сановники. От Китая был послан Ли-Хун-Чан, – это самый выдающийся деятель, занимавший в то время наивысший пост в Китае, так что отправление Ли-Хун-Чана на коронацию должно было обозначать особую благодарность Китая нашему молодому Императору за оказанную им Китаю услугу в том смысле, что благодаря нашему Государю была спасена целостность китайской территории, а потом благодарность за оказанную нами помощь в денежных делах Китая.

Между тем, в то время наш великий Сибирский путь уже подходил к Забайкалью и являлась необходимость решить вопрос: как же вести его дальше. Весьма естественно, у меня родилась мысль вести железную дорогу далее напрямик во Владивосток, перерезывая Монголию и северную часть Маньчжурии. Этим достигалось значительное ускорение в его сооружении. При этом великий Сибирский путь являлся действительно транзитным, мировым путем, соединяющим Японию и весь Дальний Восток с Россией и с Европой.

Весь вопрос заключался в том, чтобы достигнуть этой цели путем миролюбивым, основанным на взаимнокоммерческих выгодах. Этою мыслью я увлекался и посвятил в нее князя Ухтомского и имел случай докладывать об этом и Его Величеству.

Между тем, в это время доктор Бадмаев¹ ездил к себе на родину к бурятам; он непременно желал вести дорогу прямо через Кяхту в Пекин, считая, что дорога, идущая на Владивосток, представляется второстепенной.

Я, конечно, этой мысли никак не мог сочувствовать, так как, во первых, я считал необходимым соединение нас с Владивостоком; во вторых, я считал, и весьма основательно, что такая дорога в Пекин несомненно поднимет против нас всю Европу.

Между тем, самое проведение великой Сибирской дороги, – по мысли Императора Александра III, – вовсе не являлось делом военно-политическим, а только экономическим, касающимся внутренней политики, а именно: помощью этой железной дороги Император Александр III желал достигнуть кратчайшего соединения одной из наших окраин – Приморской Области с Россией. Иначе говоря, вся великая Сибирская дорога имела в глазах Императора Александра III, а также и в глазах Императора Николая II только экономическое значение; значение в смысле оборонительном, а никак не наступательном; в особенности она не должна была служить орудием для каких бы то ни было новых захватов.

Доктор Бадмаев, когда ездил в Монголию и Пекин, то вел себя там так неудобно и двусмысленно, что князь Ухтомский, а затем и я прекратили с ним всякие сношения, усмотрев в нем умного, но плутоватого афериста.

Когда Ли-Хун-Чан уже выехал из Китая (а это был его первый выезд из Китайской Империи) и должен был скоро подъехать к Суэцкому каналу, то я сказал Государю, что было бы очень удобно, если бы Ли-Хун-Чана встретил в Суэцком канале князь Ухтомский, который еще ранее был лично знаком с Ли-Хун-Чаном и установил с ним хорошие отношения.

¹ Я познакомился с Бадмаевым через Ухтомского, к которому он подлез во время одного из его путешествий в Китай. Бадмаев принадлежит к типичнейшим азиатцам; человек он несомненно весьма умный; в отношении своего лечения – он обладает большою долей шарлатанства. В некоторых случаях своим лечением он приносит пользу, но его лечение всегда связано с различными интригами и политикою. Это вскоре было замечено, как князем Ухтомским, так и мною; мы ясно видели, что Бадмаев занимался вопросами Дальнего Востока, а поэтому он был совсем отдален, как от князя Ухтомского, так и от меня. Иногда же Бадмаев старается эти свои занятия сделать источником всевозможных личных денежных афер. Сначала Ухтомский ввел Бадмаева и к Цесаревичу Николаю и в первое время своего царствования Император даже принимал Бадмаева, и вообще относился к нему благосклонно. Уже много лет, как Ухтомский, так и я, Бадмаева к себе не допускали, но еще недавно я слышал, что Бадмаев как-то сумел пролезть, как к Курлову, который ныне вследствие убийства Столыпина, потерял место, так и к теперешнему дворцовому коменданту Дедюлину. Недавно еще в Медицинском Совете рассматривалось дело об учреждении какого-то общества лечения бурятской медициной, во главе с Дедюлиным, Курловым, Бадмаевым. Из этого я вижу, что Бадмаев теперь снова пролез в сферы высшей полиции.

Считал же это я не только удобным, но и необходимым потому, что до моего сведения дошло, что и другие страны, а именно: Англия, Германия и Австрия также старались как-нибудь заманить к себе Ли-Хун-Чана; они хотели, чтобы Ли-Хун-Чан приехал в Петербург через Европу. Я, напротив, желал, чтобы Ли-Хун-Чан никуда не ездил раньше, чем он придет к нам, так как для меня было ясно, что если он раньше поедет в Европу, то он будет находиться под влиянием всевозможных интриг деятелей европейских государств.

Его Величество одобрил мои соображения и поручил встретить Ли-Хун-Чана князю Ухтомскому, который виделся со мною и подробно условился на счет встречи. Но Государь пожелал, чтобы это было сделано незаметно, и потому князь Ухтомский поехал в Европу и, сев на один из пароходов (кажется даже чуть ли не в Марселе) поехал навстречу к Ли-Хун-Чану и встретил его на выезде из Суэцкого канала. Затем, несмотря на то, что Ли-Хун-Чан получил всевозможные приглашения ехать в различные европейские порты, – он сел на наш пароход Русского общества пароходства и торговли, мною для этой встречи приготовленный, и прямо со всею своею свитою и князем Ухтомским приехал в Одессу.

Так как Одесса был первый русский город, в который вступил Ли-Хун-Чан, то мне хотелось, чтобы он был там принят с надлежащим почетом. Я докладывал об этом Государю, сказав, что было бы очень хорошо, если бы Ли-Хун-Чана в соответствии с его саном встретил почетный караул от наших войск и что именно в таком виде Ли-Хун-Чан в первый раз должен был бы увидеть наши войска.

Государь одобрил эту мысль и написал об этом военному министру Ванновскому.

Но вот тут я встретил чувство бюрократической ревности, как со стороны генерал-адъютанта Ванновского, так и со стороны князя Лобанова-Ростовского.

Генерал-адъютант Ванновский, получив мое уведомление, ответил мне письмом, в котором сообщал мне, что он хотя и сделал это распоряжение, но желал бы знать: с каких пор я сделался докладчиком Его Величеству по военным вопросам, по военному министерству, так как дело военных караулов относится к компетенции военного министра, а не министра финансов.

Что касается князя Лобанова-Ростовского, то он желал, чтобы Ли-Хун-Чан в Одессе ожидал коронации, или же, чтобы он, прямо проехав в Москву, ожидал там коронацию, но чтобы он ни в коем случае не приезжал в Петербург, так как приезжать в Петербург до коронации ему совершенно не за чем.

Между тем, несмотря на приглашения других европейских стран посетить раньше коронации Европу, – Ли-Хун-Чан приехал прямо в Россию через Одессу и приехал он именно потому, что мы желая этого, послали ему навстречу князя Ухтомского: кроме того, если вести какие-либо переговоры, то к ним надлежало приступить до коронации, так как во время коронации вести переговоры было бы очень трудно, в виду того, что каждый день в это время был наполнен различными торжествами.

В виду всего этого, я должен был опять обратиться к Государю и просить его, чтобы Ли-Хун-Чан приехал прямо в Петербург.

Несмотря на то, что князь Лобанов-Ростовский был противоположного об этом мнения, Государь разрешил Ли-Хун-Чану приехать прямо в Петербург. По моему распоряжению был сформирован особый экстренный поезд, с которым Ли-Хун-Чан приехал в Петербург.

Государь Император поручил мне вести переговоры с Ли-Хун-Чаном, а поэтому князь Лобанов-Ростовский с ним никаких переговоров не вел, да он и не мог их вести с Ли-Хун-Чаном, так как в то время князь Лобанов-Ростовский решительно ничего не знал, да и не интересовался тем, что касалось нашей политики и наших вопросов на Дальнем Востоке.

Сначала Ли-Хун-Чан сделал мне официальный визит в доме министерства финансов, потом я ему отдал этот визит, а затем мы с ним несколько раз виделись и вели политические беседы относительно улаживания взаимных отношений между Россией и Китаем.

При этом, с первого же раза мне сказали, что при ведении переговоров с китайскими сановниками прежде всего никогда не надо спешить, так как это считается у них дурным тоном, надо все делать крайне медленно и обставлять все различными китайскими церемониями.

И вот, когда вошел ко мне Ли-Хун-Чан в гостиную, я вышел к нему навстречу в вицмундире; мы с ним очень поздравствовались, очень низко друг другу поклонились; потом я его провел во вторую гостиную и приказал дать чай. Я и Ли-Хун-Чан сидели, а все лица его свиты, так же, как и мои чиновники, стояли. Затем я предложил Ли-Хун-Чану – не желает ли он закурить? В это время Ли-Хун-Чан начал издавать звук, подобный ржанию жеребца; немедленно из соседней комнаты прибежали два китайца, из которых один принес кальян, а другой табак; потом началась церемония курения, которая заключалась в том, что Ли-Хун-Чан сидел совершенно спокойно, только втягивая и выпуская из своего рта дым, а зажигание кальяна, держание трубки, вынимание этой трубки изо рта и затем вставления ее в рот – все это делалось окружающими китайцами с большим благоговением.

Подобного рода церемониями Ли-Хун-Чан явно желал произвести на меня сильное впечатление. Я к этому относился, конечно, очень спокойно и делал вид, как будто я на все это не обращаю никакого внимания.

Конечно, во время первого визита я ни слова не говорил о деле. Мы только друг друга десятки раз спрашивали: – он о том, как здоровье Государя Императора, как здоровье Государыни Императрицы, как здоровье каждого из детей; а я спрашивал, как здоровье богдыхана и вообще всех ближайших родных богдыхана. Так что в первый раз, в первое наше свидание разговоры наши только этим и ограничились.

Затем, в следующее наше свидание Ли-Хун-Чан ознакомился ближе со мною и видя, что на меня собственно все эти церемонии не особенно действуют, начал говорить со мною нараспашку и уже более этих церемоний не делал. В особенности же мы с ним сблизились после, в Москве, где уже виделись друг с другом совсем попросту.

По поводу Ли-Хун-Чана я должен сказать, что мне, в моей государственной деятельности, приходилось видеть массу государственных деятелей, имена некоторых из них вечно останутся в истории, и в числе их Ли-Хун-Чана я ставлю на высокий пьедестал: это был, действительно, выдающийся государственный деятель, но, конечно, это был китаец с отсутствием всякого европейского образования, но с громадным китайским образованием, – а главное, с выдающимся здравым умом и здравым смыслом.

Недаром поэтому он имел такое громадное значение в истории Китая и в управлении Китаем; в сущности Ли-Хун-Чан и управлял Китайской Империей.

Вот я и начал говорить с Ли-Хун-Чаном о том, что мы оказали такую громадную пользу Китаю, что благодаря нам Китай остался цел, что мы провозгласили принцип целостности Китая и что, провозгласив этот принцип, мы будем вечно его держаться. Но для того, чтобы мы могли поддерживать провозглашенный нами принцип, необходимо прежде всего – поставить нас в такое положение, чтобы, в случае чего, мы действительно могли оказать им помощь. Мы же этой помощи оказать не можем, пока не будем иметь железной дороги, потому что вся наша военная сила находится и всегда будет находиться в Европейской России; следовательно, необходимо с одной стороны, чтобы мы могли, в случае надобности, подавать войска из Европейской России, и, с другой стороны, – чтобы мы могли подавать войска также и из Владивостока. А что теперь, – говорил я, – хоть мы во время войны Китая с Японией двинули некоторые части наших войск из Владивостока по направлению к Гирину,

но по неимению путей сообщения, войска эти шли так медленно, что не дошли до Гирина даже тогда, когда война между Китаем и Японией уже окончилась.

Наконец, для того, чтобы комплектовать войска в Приамурской области, нам нужно оттуда возить новобранцев и туда их перевозить.

Таким образом, для того, чтобы мы могли поддерживать целостность Китая, нам прежде всего необходима железная дорога, и железная дорога, проходящая по кратчайшему направлению во Владивосток; для этого она должна пройти через северную часть Монголии и Маньчжурии; наконец, дорога эта нужна и в экономическом отношении, так как она подымет производительность и наших русских владений, где она пройдет, и также производительность тех китайских владений, через которые она будет идти. Наконец, дорога эта, вероятно, будет встречена без всякой злобы – что и оказалось в действительности, – со стороны Японии, так как путь этот будет, в сущности говоря, соединять Японию со всею Западной Европой, а между тем Япония, как известно, еще ранее и уже давно приобщилась к европейской культуре, по крайней мере к внешней, во всей ее технической части, и, следовательно, дорога эта может быть встречена Японией только благожелательно.

Ли-Хун-Чан, конечно, ставил различные препятствия. Но из разговоров с ним я понял, что он на это согласится, если увидит, что этого желает наш Император. Поэтому я сказал Государю, что было бы очень желательно, чтобы он увидел Ли-Хун-Чана.

Государь принял Ли-Хун-Чана, но принял его почти частным образом, так как в то время об этом приеме совсем не говорилось в официальных органах; весь прием этот прошел незаметно.

Я отлично помню, что перед коронацией был по какому-то поводу выход Государя; ему приносили поздравления в Царскосельском дворце (это было ранее выезда Государя в Москву). Когда приносят поздравления, то все лица, участвующая в этом поздравлении, идут к Государю по очереди, гуськом. И вот, когда я подошел к Императору и когда Государь подал мне руку, то у него засветилось лицо и он мне почти шопотом сказал:

– «Ли-Хун-Чан у меня был и я ему сказал».

Затем я видел Ли-Хун-Чана и мы с ним обо всем условились и установили следующие начала секретного соглашения с Китаем:

1) что Китайская империя разрешает нам провести железную дорогу по своей территории по прямому пути из Читы к Владивостоку; но устройство этой дороги должно быть поручено частному обществу; Ли-Хун-Чан ни в каком случае не согласился на мое предложение, чтобы дорогу эту строила казна, или чтобы эта дорога принадлежала казне и государству. Вследствие этого пришлось образовать общество Восточно-Китайской железной дороги, которое, конечно, было и до настоящего времени состоит в полном распоряжении правительства, но так как оно числится, как частное общество и, так как все частные общества находятся в ведении министерства финансов, то служащее там не суть чиновники государственной службы, а или же они состоят на равном положении со служащими частных железнодорожных обществ, или же находятся в командировке в частном обществе восточно-китайской железной дороги, подобно тому, как инженеры путей сообщения, находящиеся в ведении министерства путей сообщения, служат в частных железнодорожных обществах Европейской России.

2) Затем, что мы будем иметь под эту дорогу полосу отчуждения, необходимую для железнодорожного движения. В этой полосе отчуждения мы будем хозяевами в том смысле, что, так как эта земля принадлежит нам, то мы можем там распоряжаться, иметь свою полицию, иметь свою охрану, т. е. то, что и образовало так называемую охранную стражу восточно-китайской железной дороги. Но количество земли, отчуждаемое под железную

дорогу, будет столько, сколько это необходимо для эксплуатации железной дороги, и вот в этой полосе Россия, т. е. вернее, восточно-китайская железная дорога является хозяином. Окончательное направление железной дороги будет определено по изысканию, но во всяком случае, железная дорога будет проходить более или менее по прямому пути из Читы во Владивосток. Китай не несет никакого риска по сооружению и по эксплуатации этой дороги.

С другой стороны, мы обязуемся защищать Китайскую территорию от всяких агрессивных действий со стороны Японии. Таким образом, мы вступаем в оборонительный союз с Китаем по отношению Японии.

Вот сущность тех начал, относительно которых мы договорились с Ли-Хун-Чаном.

Между тем наступило время выезда в Москву на коронацию. Ли-Хун-Чан уехал в Москву со всею своею свитой и чиновниками, которые были к нему приставлены.

Я доложил Государю Императору о результатах моих переговоров с Ли-Хун-Чаном и Государь уполномочил меня переговорить с князем Лобановым-Ростовским, министром иностранных дел.

Я пошел к князю Лобанову-Ростовскому и рассказал ему о том, что вот мне было дано полномочие, – о чем, по-видимому, он знал, – сказал ему, что я пришел с Ли-Хун-Чаном к соглашению по всем пунктам, но к соглашению только словесному; что теперь весь вопрос заключается в том, чтобы это соглашение оформить.

Вот тут меня очень удивил князь Лобанов-Ростовский своими природными способностями. Он сказал мне:

– Вы можете рассказать мне подробно и последовательно – на чем же вы остановились?

Я подробно и систематически передал ему наше соглашение по пунктам.

Князь Лобанов-Ростовский, выслушав меня, взял перо и написал по всем пунктам все соглашение. Когда я его прочел, то был удивлен точностью и последовательностью изложения. Князь Лобанов-Ростовский изложил то, что я сказал, в самой последовательной и превосходной форме. Так что, когда он мне передал написанное, сказав: прочтите, так ли написано и не сделаете ли каких-либо поправок? – то я сказал, что не имею сделать решительно никаких поправок, потому что вы изложили все это так превосходно, точно вы сами вели переговоры с Ли-Хун-Чаном. Затем я прибавил, что если бы мне самому пришлось написать, то я употребил бы на это гораздо более времени и, может быть, все-таки, написал бы не так складно, как он.

Тогда князь Лобанов-Ростовский сказал мне, что завтра он будет у Государя, представить ему этот проект и затем, если Государь одобрит, то сообщить его мне.

На другой день я получил от князя Лобанова-Ростовского проект, но, к моему великому удивлению, тот пункт, в котором раньше было написано, что мы с Китаем делаем оборонительный союз против Японии, что в случае нападения Японии на Китай или же на наши приморские владения, мы должны защищать Китай, а Китай, в свою очередь – нас, вот этот пункт обобщен; уже не было указано прямо «на Японию», а было сказано таким образом, что в случае нападения с чьей-либо стороны на Китай или на нашу Приамурскую область – Китай обязан защищать нас, а мы обязаны защищать Китай.

Такая редакция этого пункта меня привела в испуг, ибо громадная разница: заключать ли с Китаем оборонительное соглашение по отношению одной Японии, или же по отношению всех держав, потому что Китай имеет отношение и к Англии, так как Англия находится в соседстве с Китаем и между ними постоянно возникают различные недоразумения, вечные вопросы (например, недоразумения относительно Тибета, которые делятся и до настоящего времени); затем, с Францией, нашей союзницей, потому что она имеет владение Тонкин в Индокитае. Затем другие европейские страны имеют некоторые колонии, имеют различные концессии и проч. Вследствие того, брать на себя оборону Китая от всех держав, кто бы из

держав не напал на Китай, – это вещь не только невозможная, но, кроме того, в случае, если бы это соглашение состоялось и если бы о нем узнала какая-нибудь держава, то это возбудило бы против нас многие европейские державы.

Поэтому я немедленно отправился к Государю и доложил ему, что вот князь Лобанов-Ростовский после того, как я ему изложил все, к чему я пришел с Ли-Хун-Чаном, написал соглашение, что соглашение это он дал мне прочесть и я его одобрил, но что теперь в этом соглашении изменен пункт и изменен крайне опасно.

Государь это понял и говорит:

– Поезжайте к Лобанову-Ростовскому, скажите ему это и уговорите его, чтобы он написал так, как было написано прежде.

Я сказал Его Величеству, что мне это ужасно трудно исполнить, потому что князь Лобанов-Ростовский по летам мне годится в отцы и по своему положению, в смысле старшинства чинов, он гораздо старше меня. Кроме того, я вел все эти переговоры и теперь мне исправлять то, что сделал князь Лобанов-Ростовский – это значит несомненно крайне обидеть его и возбудить против себя; что я его, собственно говоря, конечно, не имею основания ни в чем бояться, но что все-таки это неловко по отношению личности князя Лобанова-Ростовского и было бы гораздо лучше, если бы Вашему Величеству было угодно самому сказать князю Лобанову-Ростовскому об этом.

Государь говорит:

– Я сам ему это скажу.

Вскоре после этого мы все уехали в Москву на коронацию.

В Москву я приехал ранее приезда Его Величества, а еще ранее меня приехал туда Ли-Хун-Чан. Все мое время было занято этими официальными торжествами, связанными с коронацией, а также Ли-Хун-Чаном, ибо я считал делом величайшей государственной важности привести начатые мною разговоры к концу, дабы, с одной стороны, Россия имела прямой великий Сибирский путь до Владивостока, без значительного уклонения и заворота к северу по Амуру, а с другой стороны, дабы установить крепкие, незыблемые отношения с таким великим колоссом, каким является Китай, колоссом, находящимся в соседстве с Россией.

Когда Его Величество приехал и был совершен торжественный въезд в Москву, и по принятому обычаю, Его Величество с Августейшей семьей поместился в Нескучном дворце, то я сейчас же имел доклад у Государя Императора.

Как только я вошел к Государю для доклада, Его Величество изволил сказать мне:

– Я говорил с князем Лобановым-Ростовским и высказал ему мое мнение о неудобстве для нас – принять на себя оборону Китая от нападения не только со стороны Японии, но и других стран. Князь с этим совершенно согласился, и поэтому этот пункт проектированного соглашения будет изменен им, Лобановым; так что соглашение будет проредактировано именно в той форме, в какой это было вами установлено.

Государь сказал мне это в столь положительной форме, что я считал это несомненным. После разговора с Государем я несколько раз встречался с князем Лобановым-Ростовским, но ни я, ни он, мы друг с другом по этому предмету не заговаривали.

Затем я еще вел с Ли-Хун-Чаном переговоры о том, чтобы одновременно с тем договором высокой политической важности, о котором я уже рассказывал ранее и по которому нам давалось право проведения железной дороги на Владивосток, установить между Китаем и Россией оборонительный дружеский союз.

И так как по этому соглашению Китай давал концессию на сооружение дороги частному обществу, то я и решил, чтобы эта концессия была дана Русско-китайскому банку, который уже в то время был основан и функционировал. Поэтому пришлось установить форму,

по которой, с одной стороны, китайское государство в лице Ли-Хун-Чана давало концессию на сооружение восточно-китайской дороги и давало концессию именно русско-китайскому банку, а с другой стороны – одновременно русско-китайский банк особым актом передавал это право обществу Восточно-китайской железной дороги.

Сделано это было так потому, что до составления и утверждения концессии восточно-китайской дороги китайским богдыханом – нельзя было образовать общества восточно-китайской дороги, а поэтому и Ли-Хун-Чан не мог дать концессию по сооружению дороги несуществующему обществу восточно-китайской дороги. Общество же восточно-китайской жел. дороги тогда только могло быть образовано, когда концессия получала полную силу, а концессия еще не была составлена и не могла быть составлена с Ли-Хун-Чаном так скоро, потому что тут уже являлись вопросы детальные, которые требуют более или менее подробной разработки. Но мне хотелось иметь в руках два документа: во первых секретный договор с Китаем, по которому Китай взял бы на себя обязательство дать возможность русскому обществу построить восточно-китайскую дорогу через Монголию и Сибирь, а во вторых соглашение китайского правительства с каким-нибудь из русских обществ по сооружению этой дороги. Самым подходящим в данном случае был, естественно, русско-китайский банк; но, чтобы русско-китайский банк не мог воспользоваться этим весьма ценным правом, я одновременно приготовил и соглашение с русско-китайским банком, по которому русско-китайский банк передавал все это дело в руки общества восточно-китайской дороги, которое имело быть сформировано русским правительством.

Итак, прежде всего предстояло заключить с китайским уполномоченным, главным сановником Китайской Империи Ли-Хун-Чаном общее секретное соглашение. Был назначен день, когда уполномоченные с русской стороны, а таковыми были князь Лобанов-Ростовский и я, и уполномоченный с китайской стороны, а именно Ли-Хун-Чан, который получил полномочия соответственной телеграммой из Пекина, – должны были съехаться у министра иностранных дел и, по принятому в этом случае этикету и с принятыми в этих случаях формальностями, подписать договор. Такие договоры пишутся обыкновенно на особой бумаге, особо тщательно, красиво и подписываются соответствующими уполномоченными; при каждой подписи прикладывается печать этого уполномоченного.

И вот в определенный день мы съехались в Москве, в доме, который был нанят на время коронации для министра иностранных дел – князя Лобанова-Ростовского. С одной стороны были русские уполномоченные с состоящими при них чинами, а с другой стороны, Ли-Хун-Чан со всею своею свитой.

Когда мы собрались и сели около стола, то князь Лобанов-Ростовский обратился к нам и говорит, что соглашение особой важности, которое мы имеем подписать, известно уполномоченным, т. е. ему, мне и Ли-Хун-Чану, поэтому его не стоит читать; оно уже было показано сотрудникам Ли-Хун-Чана, сотрудники, вероятно, познакомили с ним Ли-Хун-Чана; что соглашение это переписано все точно, что секретари его проверили и нам теперь следует только подписать. Но что, впрочем, сотрудникам Ли-Хун-Чана может быть угодно его еще раз прочесть.

Таким образом, один соответствующей экземпляр был дан в руки сотрудникам Ли-Хун-Чана для прочтения (в этих случаях обыкновенно подписываются два экземпляра: один пишется для нас, а другой для Китая) – я с своей стороны взял экземпляр, который был переписан для нас, чтобы его просмотреть, а именно, чтобы удостовериться, что тот пункт, который касается нашего обязательства относительно защиты Китая от внезапного нападения, написан именно так, как он был написан в первоначальной редакции, т. е., что мы обязуемся охранять Китай только от нападений Японии.

Вдруг, к моему ужасу, я вижу, что пункт этот написан не так, как он был написан в первоначальной редакции, а именно так, как он затем был исправлен князем Лобановым-Ростовским, что и вызвало с моей стороны просьбу к Его Величеству, чтобы редакция пункта была принята в первоначальном виде. Как я уже говорил ранее, Государь, уже приехавший в Москву, сказал мне, что он об этом говорил князю Лобанову-Ростовскому и что князь не встретил никакого затруднения к тому, чтобы вернуться к первоначальной редакции.

Это вынудило меня подойти к князю Лобанову-Ростовскому, отозвать его в сторону и сказать ему тихонько на ухо:

– Князь, ведь такой-то пункт не изменен так, как хотел этого Государь.

Я думал, что это было сделано князем Лобановым-Ростовским преднамеренно, – вдруг, к моему удивлению, он себя ударил по лбу и сказал:

– Ах, Боже мой, я и забыл сказать секретарям, чтобы они переписали этот пункт в первоначальной редакции. Но нисколько этим не смутился, посмотрел на часы, было уже 12 с четвертью; тогда князь Лобанов-Ростовский хлопнул несколько раз в ладоши, вошли люди, он и говорит:

– Подавайте завтракать. После подписания договора предполагалось, что будет завтрак у Лобанова-Ростовского.

Затем, обращаясь к Ли-Хун-Чану и к присутствующими, князь Лобанов-Ростовский сказал:

– Теперь уже прошло 12 часов, пойдемте завтракать, потому что иначе кушанье испортится, а после завтрака мы и подпишем.

Мы все пошли завтракать, кроме двух секретарей, которые в это время, пока мы завтракали, снова переписали договор в том виде, в каком он был написан князем Лобановым-Ростовским по моему указанию в Петербурге в первоначальной редакции; так что после завтрака на столе лежали уже не те договоры, которые лежали ранее, а договоры с одним измененным пунктом. Вот этот договор в новой, а в действительности первоначальной редакции, и был подписан с одной стороны Ли-Хун-Чаном, а с другой – мною и князем Лобановым-Ростовским.

Договор был актом чрезвычайной важности и, если бы мы следовали этому договору, то России, конечно, не пришлось бы пережить позорную японскую войну и мы стояли бы твердою ногой на Дальнем Востоке.

Но, как это я буду иметь случай рассказывать далее, – мы сами – не то коварно, не то легкомысленно – нарушили этот договор и пришли на Дальнем Востоке к тому положению, в котором находимся и ныне.

После подписания договора он был ратифицирован, как китайским богдыханом, так и русским Императором. Договор этот должен был служить базисом всех наших отношений с Китаем и всего нашего положения на Дальнем Востоке.

Ли-Хун-Чан после подписания договора оставался в Москве до выезда Его Величества. Мне случалось часто видеться с Ли-Хун-Чаном: или он приезжал ко мне, или я приезжал к нему. Ли-Хун-Чан жил на частной квартире, которая была нанята для него и предоставлена ему, как чрезвычайному уполномоченному китайского богдыхана.

Ли-Хун-Чан привык ко мне, и поэтому больше уж не занимался в моем присутствии различными китайскими церемониями. При нем было несколько телохранителей, но эти телохранители в Китае понимаются иначе, нежели у нас. У нас телохранителями называются часовые или агенты, которые охраняют жизнь и здоровье человека от стороннего покушения; в Китае же телохранителями называются те лица, которые занимаются буквально только телом того лица, которое они охраняют; поэтому они постоянно находятся около него: утром они делают ему туалет, вечером раздевают, в течение дня делают ему массаж, трут различными благовонными мазями, одним словом, исключительно занимаются его телом.

И многие из таких занятий Ли-Хун-Чан предоставлял делать своим телохранителям даже в моем присутствии.

Однажды, когда я был у Ли-Хун-Чана, вдруг доложили, что приехал с визитом Эмир Бухарский. Ли-Хун-Чан сейчас же привел себя в полный порядок, сел важно на кресло и, когда Эмир Бухарский со всею свитою вошел в гостинную, в которой он сидел, то Ли-Хун-Чан встал, сделал к нему несколько шагов и с ним поздоровался.

Так как я обоих хорошо знал, то не удалился, а сидел вместе с ними. Эмир Бухарский был видимо шокирован важностью Ли-Хун-Чана, а поэтому первым делом дал ему понять, что он представляет собою царственную особу и отдает визит самому Ли-Хун-Чану только из уважения к его владыке-богдыхану; он все время расспрашивал Ли-Хун-Чана о здоровье богдыхана, о здоровье его матери и совсем не интересовался здоровьем и вообще личностью самого Ли-Хун-Чана, что для китайцев, при их церемониях, конечно, являлось крайне обидным.

С своей стороны Ли-Хун-Чан все время допрашивал Эмира Бухарского о том, какой он религии, объясняя ему, что вот китайцы держатся религиозных начал, установленных еще Конфуцием, и все пытался узнать, какой же религии держится сам Эмир Бухарский и его подданные.

Эмир Бухарский объяснял Ли-Хун-Чану, что он мусульманин и держится начал религии, установленной Магометом, объяснял сущность этой религии.

После этих объяснений Эмир Бухарский встал и Ли-Хун-Чан, по собственной ли инициативе, или ему было подсказано, пошел провожать Эмира Бухарского до самой коляски, в которой тот приехал, причем Ли-Хун-Чан шел уже, показывая вид довольно униженный сравнительно с особой Эмира Бухарского.

Я подумал: вот как на него подействовал Эмир Бухарский своим указанием на то, что он, Эмир Бухарский, Царственная Особа.

Затем, когда Эмир Бухарский сел в экипаж и экипаж должен был уже тронуться, то Ли-Хун-Чан вдруг что-то закричал. Экипаж остановился. Русский офицер, ехавший в экипаже с Эмиром Бухарским в качестве переводчика, спросил: «Что вам угодно?»

Ли-Хун-Чан говорит:

– Передайте, пожалуйста, Эмиру, я ему забыл это сказать, теперь я припомнил, что этот самый Магомет, который основал его религию, он ведь также был в Китае и там он оказался каторжником, его из Китая выгнали и вот, вероятно, он попал к ним и там основал их религию.

Это было так неожиданно, что по-видимому Эмир Бухарский был озадачен такой выходкой, для меня же стало ясно, что это была месть Ли-Хун-Чана по отношению Эмира Бухарского за его царственную важность.

Затем, Ли-Хун-Чан, очень довольный, вернулся к себе в гостинную; так как было уже поздно, я оставил Ли-Хун-Чана и отправился к себе домой.

Если обратиться к официальным сообщениям газет того времени, то можно видеть, что о приезде всех царственных особ, особ высокопоставленных и их уполномоченных, о приеме и прощании с ними Государя, когда они после коронации оставили Россию, – обо всем этом были сообщения в «Правительственном Вестнике». Вообще о всяком шаге этих высокопоставленных лиц и Его Величества в то время были правительственные сообщения. Менее всего было сведений о Ли-Хун-Чане; ни одного слова не было о его приеме в Петербурге, так же, как и о его приеме в Москве, ни о его приеме после коронации, когда Ли-Хун-Чан приехал уже из Москвы.

Ни одного слова не было проронено об этом секретном, чрезвычайно важном соглашении, которое тогда было заключено Россией с Китаем.

Нечто, только часть этого соглашения, могло сделаться известным Европе и то только в том смысле, что Китай дал концессию Русско-китайскому банку на сооружение Восточно-китайской железной дороги, служащей продолжением великого Сибирского пути; это неизбежно должно было сделаться известным, потому что во исполнение договора, заключенного в Москве, русские уполномоченные и уполномоченный со стороны Китая должны были составить концессии на сооружение восточно-китайской дороги. Все указания по этому предмету, т. е. в каком смысле должна быть составлена концессия, чего мы в этой концессии должны добиваться – были мною даны моему товарищу по министерству финансов Петру Михайловичу Романову, в высокой степени почтенному и знающему государственному деятелю, который несколько месяцев тому назад умер в Царском Селе, уже будучи членом государственного совета и председателем бюджетной комиссии государственного совета (по выбору). А со стороны Китая для составления проекта концессии был уполномочен китайский посол в Петербурге, который вместе с тем был и послом в Берлине; часть года – обыкновенно всю зиму и весну он проживал в Петербурге, а лето и осень – в Берлине. И вот, так как пришлось составлять и заключать эту концессию летом, то П. М. Романов отправился в Берлин и, согласно моим указаниям, составил с этим китайским послом проект концессии, который затем был утвержден как русским правительством, так и правительством китайского богдыхана.

Я не мог сделать эту работу, потому что после коронации я должен был поехать на Нижегородскую выставку, а затем на Волгу, так как в приволжских губерниях была в то время введена питейная монополия; пока я был министром финансов, я, по мере введения питейной монополии в различных губерниях, всегда посещал эти губернии для того, чтобы видеть, как идет эта реформа и давать соответствующие указания.

Глава третья

Коронация. Ходынка. Договор с Японией относительно Кореи. Нижегородская выставка. Поездка государя в западную Европу

Я не стану говорить о всех празднествах, который были в Москве по случаю коронации и который традиционно повторяются при всяком таком высокаторжественном, особо исключительном событии, – все это делается почти по установленному церемониалу; останюсь несколько еще на событии весьма печальном, весьма грустном, которое тогда произошло и которое, конечно, в церемониал не входило, я говорю о так называемой «Ходынке».

Обыкновенно после коронования делается громадное гулянье для народа, причем народу этому выдаются от Государя различные подарки, большую часть и даже почти исключительно – сдобные, т. е. народ кормится, угощается от имени Государя Императора. Затем, на этой громадной площади, находящейся вне Москвы, но сейчас же около самого города, для народа делаются всевозможные увеселения; обыкновенно и Государь приезжает посмотреть, как веселится и угощается его народ.

В тот день, когда все должны были приехать туда, должен был приехать к полудню и Государь, между прочим, выслушать концерт, в котором по программе предполагалось участие громаднейшего оркестра, под управлением известного дирижера Сафонова; оркестр этот должен был сыграть особую кантату, которая была сочинена по случаю коронации; с утра же началось угощение народа. – Так вот, едуци туда, садясь в экипаж, я вдруг узнаю, что на Ходынском поле, где должно происходить народное гулянье, утром произошла катастрофа, произошла страшная давка народа, причем было убито и искалечено около двух тысяч человек.

В таком настроении я поехал на Ходынское поле, в таком настроении приехали, конечно, и все остальные лица, которые должны были присутствовать на этом торжестве. Меня мучил прежде всего вопрос: как же поступят со всеми искалеченными людьми, как поступят со всеми этими трупами убитых людей, успеют ли поразвозить по больницам тех, которые еще не умерли, а трупы свезти в какое-нибудь такое место, где бы они не находились на виду у всего остального, веселящегося народа, Государя, всех его иностранных гостей и всей тысячной свиты. Затем у меня являлся вопрос: не последует ли приказ Государя, чтобы это веселое торжество, по случаю происшедшего несчастья, обратить в торжество печальное и вместо слушания песен и концертов выслушать на поле торжественное богослуженье?

Когда я приехал на место, то уже ничего особенного не заметил, как будто никакой особой катастрофы и не произошло, потому что с утра успели все убрать и никаких видимых следов катастрофы не было; ничто не бросалось в глаза, а где могли быть какие-нибудь признаки катастрофы – все это было замаскировано и сглажено.

Но, конечно, все приезжающие (для этого случая была устроена громадная беседка для приезжающих) чувствовали и понимали, что произошло большое несчастье и находились под этим настроением.

Подъехал и экипаж Ли-Хун-Чана с его свитой. Когда Ли-Хун-Чан вошел в беседку и я подошел к нему, он обратился ко мне через переводчика (так как Ли-Хун-Чан, кроме китайского языка, никакого другого не знал, то поэтому всегда приходилось вести с ним беседы через переводчика) со следующим вопросом:

– Правда ли, что произошла такая большая катастрофа и что есть около двух тысяч убитых и искалеченных?

Так как, по-видимому, Ли-Хун-Чан знал уже все подробности, то я ему нехотя ответил, что да, действительно, такое несчастье произошло.

На это Ли-Хун-Чан задал мне такой вопрос:

– Скажите, пожалуйста, неужели об этом несчастье все будет подробно доложено Государю?

Я сказал, что не подлежит никакому сомнению, что это будет доложено, и я даже убежден, что это было доложено немедленно после того, когда эта катастрофа случилась.

Тогда Ли-Хун-Чан помахал головою и сказал мне:

– Ну, у вас государственные деятели неопытные; вот, когда я был генерал-губернатором Печилийской области, то у меня была чума и поумирали десятки тысяч людей, а я всегда писал богдыхану, что у нас все благополучно, и когда меня спрашивали: нет ли у вас каких-нибудь болезней? я отвечал: никаких болезней нет, что все население находится в самом нормальном порядке.

Кончив эту фразу, Ли-Хун-Чан как бы поставил точку а затем обратился ко мне с вопросом:

– Ну, скажите, пожалуйста, для чего я буду огорчать богдыхана сообщением, что у меня умирают люди? Если бы я был сановником Вашего Государя, я, конечно, все от него скрыл бы. Для чего его, бедного, огорчать?

* После этого замечания я подумал: ну, все таки мы ушли далее Китая. *

Вскоре приехали Великие Князья и Государь Император и, к моему удивлению, празднества не были отменены, а продолжались по программе: так массою музыкантов был исполнен концерт под управлением известного дирижера Сафонова; вообще все имело место, как будто бы никакой катастрофы и не было. Только на лице Государя можно было заметить некоторую грусть и болезненное выражение лица. Мне представляется, что если бы Государь был тогда предоставлен собственному влечению, то, по всей вероятности, он отменил бы эти празднества и вместо них совершил бы на поле торжественное богослужение. Но, по-видимому, Государю дали дурные советы и не нужно было быть особенно прозорливым, чтобы понять, что советы эти исходили от Московского генерал-губернатора, Великого Князя Сергея Александровича, женатого на сестре Императрицы. Вел. Князь Сергей Александрович в это время и, можно сказать, до самой своей смерти, был один из самых близких и влиятельных лиц при Государе Императоре.

Несмотря на то, что решено было случившуюся ужасную катастрофу как бы не признавать, с нею не считаться, тем не менее, весьма естественно, катастрофа эта вызвала совершенно особое настроена во всей Москве, и, по обыкновению, породила наверху борьбу придворных партий и целую массу интриг.

На вопрос о том, каким образом могла произойти такая катастрофа и кто за нее ответственен, сейчас же получили ответ: что катастрофа произошла от полной нераспорядительности, а между тем никого ответственного.

В то время оберполицеймейстером в Москве был полковник Власовский; этот Власовский ранее был полицеймейстером в одном из прибалтийских городов, кажется, в Риге, и был рекомендован Великому Князю, как человек весьма энергичный и ничем не стесняющийся, а следовательно, такой человек, который может водворить в Москве должный порядок. До Власовского оберполицеймейстером Москвы был генерал Козлов, человек, правда, весьма порядочный, но по натуре своей – не «полицейский» человек.

Власовский же (как я с ним познакомился), действительно, принадлежит к числу таких людей, которых достаточно видеть и поговорить с ними минут 10, чтобы усмотреть, что он представляет собою такого рода тип, который на русском языке называется «хамом». Все свое свободное время этот человек проводил в ресторанах и в кутежах. По натуре Власовский человек хитрый и пронырливый, вообще же он имеет вид хама-держиморды; он внед-

рил и укрепил в московской полиции начала общего взяточничества; с наружной же стороны, действительно, он как будто бы держал в Москве порядок. Кроме того, он был очень удобный человек, потому что весь двор Великого Князя Сергея Александровича, конечно, обращался с ним не как с господином, а как с хамом и он исполнял всевозможные поручения этой великокняжеской дворни.

И вот, этот обер-полицеймейстер заявил, что, в сущности говоря, на Ходынском поле всем распоряжалось и все это народное гулянье и угощение устраивало министерство двора, а что полиция собственно никакого там на самом поле касательства не имела, что все это было делом министерства двора, а вот все, что касалось местности около поля и до поля – это все касалось его, касалось полиции; там же никаких историй, никаких катастроф не было, там все было в порядке. Произошла же эта катастрофа, при которой столько людей было убито и побито, от того, что на все эти угощения Государя народ набросился и начал друг друга давить и таким образом было задавлено две тысячи людей, в числе их множество женщин и детей.

С другой стороны, министерство двора, а именно уполномоченные от министерства двора заявили, что, действительно, они распоряжались раздачею всех гостинцев народу и вообще всеми увеселениями, но не брали на себя установления полицейского порядка на самом поле, что дело это лежало на обязанности московской полиции и что если произошло нарушение порядка, то в этом не они виноваты, а виновата исключительно полиция.

Затем, московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович начал, конечно, поддерживать свою полицию. И если бы собственно московским генерал-губернатором был не Великий Князь, а кто-нибудь другой, то, разумеется, первым ответственным лицом за Ходынскую катастрофу был бы московский генерал-губернатор, а затем и министр двора граф Воронцов-Дашков.

Граф Воронцов-Дашков был министром двора еще при покойном Императоре Александре III и, по своему положению, имел в глазах молодого Императора особый авторитет; он также защищал всех своих чинов, утверждая, что они здесь не при чем, что вся вина лежит на московском управлении и, прежде всего, на генерал-губернаторе.

Так вот на этой почве разногласия и пошла, как говорится, писать губерния. Наверху высшие сановники начали делиться на партии; одна партия – за графа Воронцова-Дашкова, за министра двора, который, как известно, пользовался особым благоволением матери Императора, вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, которая в то время имела еще очень большое влияние на Государя. Поэтому одна партия утверждала, что здесь министерство двора не при чем, что виновата исключительно в катастрофе московская полиция, а другие почли более для себя выгодным пристать к партии Великого Князя Сергея Александровича и потому утверждали, что Великий Князь и его полиция тут не причем, а вся вина падает исключительно на чинов министерства двора.

В то время, впрочем, многие сановники находились в недоумении, на какую сторону стать: на сторону ли московского генерал-губернатора, или на сторону министра двора, так как они еще себе не отдали ясного отчета, кто будет иметь более влияния на Императора: вдовствующая ли Императрица-мать, или Великий Князь Сергей Александрович, женатый на сестре молодой Императрицы.

В конце концов расследование было поручено министру юстиции того времени Николаю Валериановичу Муравьеву. Этот министр юстиции сделал расследование, которое составляет отдельный маленький том, ныне секретный, имеющийся, между прочим, и в моем архиве. Муравьев всю эту историю, всю катастрофу, как она произошла, описывает с полной точностью. Но вот насчет виновности – он эти вопросы обходит, или же его объяснения являются крайне субъективными, так как сам Н. В. Муравьев сделался министром

юстиции по протекции Великого Князя Сергея Александровича; ранее он был прокурором московской судебной палаты и близким человеком к Сергею Александровичу.

Назначение Н. В. Муравьева производить расследование понималось в Москве, как преобладающее влияние Великого Князя Сергея Александровича. Но влияние это, по-видимому, продолжалось недолго, потому что явилось другое влияние – преобладающее, – влияние министра двора; влияние это понималось, как влияние Императрицы Марии Феодоровны. В виду этого, было поручено произвести новое расследование бывшему министру юстиции, весьма почтенному и достойнейшему человеку, который был на коронации обер-церемониймейстером (Назначенным специально для коронации.), а именно – графу Палену.

Расследования графа Палена я не читал; его заключения мне официально неизвестны, но я несколько раз слышал от графа, что он нашел, что была виновата, главным образом, московская полиция и вообще управление Москвою, а не министр двора, т. е. иначе говоря, граф Пален винил московского генерал-губернатора.

Причем, когда он еще был в Москве и следствие еще не кончилось, немедленно после катастрофы граф Пален имел неосторожность сказать во дворце, что вся беда заключается в том, что Великим Князьям поручаются ответственные должности и что там, где Великие Князья занимают ответственную должность, всегда происходит или какая-нибудь беда или крайний беспорядок. Вследствие этого, против графа Палена пошли все Великие Князья.

Мне известно, что граф Пален представил по поводу своего расследования подробный доклад Государю и мне известно, что на этом докладе Государь написал резолюцию (хотя мне эту резолюцию передавал граф Пален, но я ее не помню). Мне известно, что доклад этот с резолюцией Государя, которая графа Палена опечалила, находится у него в архиве, в его деревне около Митавы

(Вариант. * Его Величество соизволил написать самую лестную резолюцию на доклад графа Палена, но через несколько дней приехал из Москвы Великий Князь Сергей Александрович и дело было совершенно перерешено *.).

В конце концов, во всей этой истории, при которой погибло и пострадало около двух тысяч русских людей, оказался виновен один только человек, а именно обер-полицеймейстер Власовский, который и был уволен со службы.

Таким образом, все это дело было заглушено, но, конечно, оно надолго останется в летописях русской истории.

После этого граф Пален некоторое время был как будто бы в тени, но Государь к нему не изменил своего настроения и потом, через некоторое время, начал к нему относиться так же благоволительно, как он относился к нему прежде, как относится и теперь.

Но никогда с тех пор графу Палену никакого деятельного поручения даваемо не было, впрочем, это можно объяснить и тем, что граф Пален – человек весьма пожилых лет.

Что касается Н. В. Муравьева, то он сделал очень счастливую для себя карьеру, благодаря все той же протекции Великого Князя Сергея Александровича, о чем я, вероятно, буду иметь случай говорить впоследствии.

В день Ходынской катастрофы, 18 мая, по церемониалу был назначен бал у французского посла графа (впоследствии маркиза) Монтебелло; французский посол по жене был весьма богатый человек, как по этой причине, так и по своим личным качествам, а в особенности по качествам своей жены, он был очень любим в высшем обществе.

Бал должен был быть весьма роскошным и, конечно, на балу должен был присутствовать Государь Император с Императрицею. В течение дня мы не знали, будет ли отменен, по случаю происшедшей катастрофы, этот бал или нет, оказалось, что бал не отменен. Тогда предполагали, что хотя бал будет, но, вероятно, Их Величества не приедут.

В назначенный час я приехал на этот бал, а вместе со мною приехал Дмитрий Сергеевич Сипягин, главноуправляющий комиссией прошений, будущий министр внутренних дел и Великий Князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. Как только мы встретились, естественно заговорили об этой катастрофе, причем Великий Князь нам сказал, что многие советовали Государю просить посла отменить этот бал и во всяком случае не приезжать на этот бал, но что Государь с этим мнением совершенно несогласен, по его мнению, эта катастрофа есть величайшее несчастье, но несчастье, которое не должно омрачать праздник коронации; ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать.

При этих словах мне естественно пришла в голову аналогия между этим рассуждением и рассуждением, которое я слышал утром от великого государственного человека в Китае – Ли-Хун-Чана.

Через некоторое время приехал Государь и Императрица; открылся бал, причем первый контраданс Государь танцевал с графиней Монтебелло, а Государыня с графом Монтебелло. Впрочем, Государь вскоре с этого бала удалился.

Государь был скучен и видимо катастрофа произвела на него сильное впечатление. И если бы он был предоставлен, как во многих других случаях, самому себе, т. е. если бы он слушал свое сердце, то в отношении этой катастрофы и всех этих празднеств, я уверен, он поступил бы иначе.

Там же в Москве был подписан и договор с Японией. Все переговоры по этому договору вел князь Лобанов-Ростовский, я тоже принимал участие, но участие второстепенное. Я считаю этот договор весьма удачным. По этому договору Россия и Япония разделили между собою влияние на Корею, причем доминирующее влияние было на стороне России.

Представители Японии охотно на этот договор согласились. Мы могли иметь по этому договору в Корее военных инструкторов и несколько сотен человек наших солдат, так что в военном и финансовом отношении, в смысле управления государственными финансами, России были предоставлены значительные, можно сказать, доминирующие права; так, по этому договору, мы должны были назначить и советника по финансовым делам при корейском императоре, что равносильно назначению министра финансов. Но влияние на Корею было обоюдное, как со стороны России, так и со стороны Японии; Япония также могла иметь там промышленные общества и вершить торговлю; никаких особых денежных преимуществ, которые не были бы предоставлены Японии, одинаково не допускалось и России и проч. Вообще, как я уже сказал, этот договор я считаю удачным.

Таким образом, казалось, в Москве прочно установилось разделение влияний на Корею со стороны России и со стороны Японии, – но уже на Корею самостоятельную, так как до японо-китайской войны, Корея считалась как бы автономной областью Китая и находилась под полным влиянием Китая.

По японо-китайскому договору после войны Корея была объявлена страной самостоятельной. Вот этот договор в Москве определил и размежевал наше влияние на Корею и влияние на Корею Японии.

С другой стороны, секретным договором с Китаем, который был составлен, – о чем я ранее уже говорил – мы получали право проведения железной дороги через Монголию и Манджурию до Владивостока. Таким образом, в наши руки передавалась дорога величайшего политического и коммерческого значения, причем в то время мы усиленно подчеркивали, – и я подчеркивал это с полным убеждением, что дорога эта не должна служить, ни при каких обстоятельствах, орудием каких бы то ни было захватов; она должна была быть орудием сближения восточных и европейских наций, сближения, как материального, так

и морального, и должна была служить орудием морального влияния постолько, поскольку новая культура – христианская, сильнее и могущественнее культуры желтых наций, родившихся в идолопоклонстве.

Мне тогда же Ли-Хун-Чан, с которым я очень подружился, несколько раз повторял, что он, как друг России, советует ни в каком случае не идти России на юг от линии, которая должна соединить Сибирский великий путь с Владивостоком, так как, если бы мы пошли на юг, то это могло бы возбудить такие политические волнения и неожиданность среди китайцев, в этой массе, совсем не знакомой с европейцами, смотрящей на каждого белого, в известной степени, как на недоброжелателя, что подобный шаг мог бы иметь самые неожиданные печальные последствия, как для России, так и для Китая. Все эти убеждения Ли-Хун-Чана лично для меня были напрасны, ибо я, как верный носитель идей Императора Александра III, которого сын, в известном манифесте прозвал «Миротворцем», был самым искренним, и остаюсь им и до настоящего времени, адептом идеи мира и считаю, что только тогда христианское учение приобретет силу и расцвет, когда человечество исполнит первейший завет Христова учения, завет, заключающийся в том, что ни один человек не имеет нравственного права, или вернее – божеского права убивать существ себе подобных.

Я упоминаю об этом настоятельном совете Ли-Хун-Чана для того, чтобы показать, насколько Ли-Хун-Чан был из ряда вон выходящий государственный деятель Китая, – который считается, с нашей европейской точки зрения, человеком совсем необразованным и некультурным, но с точки зрения Китая, китайской цивилизации – это был человек в высокой степени образованный, в высокой степени культурный.

В то время Государь Император носил в себе прекрасные семена всего лучшего, что может быть в человеке, как в смысле духа человеческого, так и в смысле сердца, а потому и мне было совершенно бесполезно передавать Государю совет Ли-Хун-Чана, так как я был убежден, что и Государь Император смотрел на договор с Китаем, как на договор, преследующий исключительно мирные цели. Договор же этот был секретный не потому, что им давались права России построить железную дорогу через Монголию и Манджурию, так как права эти непосредственно вытекали из той нравственной помощи, которую оказала Россия Китаю после несчастной войны Китая с Японией, – секретность этого договора истекала из того, что этот договор был в то же время и договором союзно-оборонительным против возможного противника Японии, дабы не могло повториться то, что имело место, когда Япония разгромила Китай.

Во время коронации, независимо от тех широких общих льгот, которые манифестом Его Величества были предоставлены всему населению, конечно, к Его Величеству обращались тысячи и тысячи лиц с своими частными просьбами и ходатайствами.

Его Величество, будучи весьма добрым, сердечным человеком, широко удовлетворял все эти просьбы; конечно, и известный князь Мещерский, редактор «Гражданина», не упустил случая постараться завязать свои отношения с Государем, но Государь не обратил никакого внимания на эти, если можно так выразиться, «княжеские заигрыванья».

Затем, после подписания договора с Японией о торговле и мореплавании – мною, князем Лобановым-Ростовским и японским послом миссии – 17-го мая я уехал в Нижний Новгород открывать Нижегородскую ярмарку.

Выставка эта была сделана по моему почину и, хотя она была устроена очень хорошо, но имела средственный успех, – может быть потому, что был выбран неудобный момент после коронации. Я открыл выставку 28-го мая; она еще почти не была окончена.

Комиссаром выставки мною был назначен агент министерства финансов в Берлине Тимирязев, который представляет собою тип чиновника, вершащего все дела лишь на

бумаге, а поэтому в таком живом деле он всюду и опоздал. – Выбрал же я Тимирязева потому, что ранее при моих предшественниках он занимался выставками.

Вследствие такого положения Нижегородской выставки, уже перед окончанием устройства выставки, я просил поработать директора департамента Владимира Ивановича Ковалевского, человека живого, очень энергичного, весьма способного и талантливого, человека, о котором нельзя сказать ничего, кроме хорошего и который себе крайне повредил, если не погубил себя, своими неудачными увлечениями женским полом. Ковалевский энергично начал действовать и выставка уже через несколько дней была совершенно готова.

Все это время до 21-го июня Государь продолжал оставаться в Москве и ее окрестностях.

Вскоре по открытии выставки в Нижнем Новгороде приехал туда Ли-Хун-Чан. Он пробыл на выставке несколько дней, так сказать, у меня в гостях; я говорю у меня, т. е. в гостях у министра финансов.

Ли-Хун-Чан очень всему удивлялся, в особенности он удивлялся всему тому, что касалось отдела машин и техники. Затем он уехал из России в Европу и посетил некоторые европейские страны. Он служил предметом большого удивления иностранцев, которые будучи совсем чужды азиатской, и в особенности китайской культуры, находили Ли-Хун-Чана и его свиту людьми полудикими.

Как я уже говорил, в исполнение договора, заключенного с Ли-Хун-Чаном, была составлена конвенция моим товарищем Романовым и китайским послом в Петербурге и Берлине; конвенция эта была затем ратифицирована.

В Европе в то время говорили, будто бы Ли-Хун-Чан получил от русского правительства взятку; это неверно. Тогда в Петербурге Ли-Хун-Чан никакой взятки не получил. Об этом не было со стороны Ли-Хун-Чана никакой речи.

17-го июля приехали в Нижний Новгород на выставку Их Величества и с ними Великий Князь генерал-адмирал Алексей Александрович.

Приблизительно в эти же дни последовало увольнение управляющего морским министерством Чихачева и назначение вместо него Тыртова, о чем я говорил ранее, поэтому Его Величество был особенно милостив к своему дяде генерал-адмиралу Алексею Александровичу; в характера Государя: если Он причинял своим близким какое-нибудь огорчение, то старался и старается загладить это ласками.

Его Величество пробыл в Нижнем Новгороде 18-е и 19-е, 20-го Он уехал из Нижнего; остановился Он в доме губернатора, который представляет собою генерал-губернаторский дворец.

В течение своего пребывания Государь несколько раз на выставке подробно все осматривал, но мне почему то представлялось, что Их Величества были ко мне несколько холодны. Я не знал, в чем заключается причина, хотя был уже настолько опытный сановник, что понимал, что это, вероятно, есть результат каких-нибудь наветов на меня во время Нижегородской выставки. Но с чьей стороны – я догадаться не мог; думал, что может быть со стороны князя Лобанова-Ростовского, так как ему не была приятна моя выдающаяся роль по заключению договора с Ли-Хун-Чаном. Но это только мое предположение так как я вообще считал и считаю до настоящего времени князя Лобанова человеком весьма порядочным и довольно далеким от всяких дворцовых интриг.

Из Нижнего Его Величество выехал в Петергоф 20-го июля.

13-го августа Его Величество изволил отправиться из Петергофа в Вену сделать визит престарелому Императору Францу-Иосифу. В Вене Его Величество был два дня; затем из Вены прибыл в Киев.

Дорогою, недалеко от Киева, бедный князь Лобанов-Ростовский умер от разрыва сердца во время одной из остановок поезда на станции. Смерть эта очень огорчила Государя и Государыню и была в известном смысле роковою, ибо, я уверен, что несмотря на некоторую легкомысленность князя Лобанова-Ростовского, он был все-таки настолько опытный и культурный человек, что не допустил бы многих событий в нашей политике, которые так плачевно окончились и результаты коих мы переживаем теперь.

Его Величество прибыл в Киев 19, а уже 22-го выехал в Германию сделать визит Императору Вильгельму.

24-го Его Величество прибыл в Бреславль, там был смотр войскам. Затем из Бреславля Государь Император через Киль поехал в Копенгаген сделать визит королю Датскому, своему Деду.

Уже 3-го сентября Их Величества покинули Копенгаген и 12-го сентября прибыли в Англию сделать визит королеве Виктории, бабушке молодой Императрицы.

Вследствие смерти князя Лобанова-Ростовского, Государя Императора сопровождал товарищ министра иностранных дел почтеннейший Шишкин, о котором я говорил ранее.

23-го сентября Его Величество прибыл в Шербург сделать визит президенту французской республики.

Их Величества всюду были встречаемы с особым энтузиазмом, так как они представляли молодую обворожительную пару, которая уже вследствие своей молодости и всех чистых качеств, присущих неиспорченной молодости, само собою разумеется, не могла не производить чарующего впечатления, тем более, что Император Николай II обладает особым даром очаровывания.

Я не знаю таких людей, которые будучи первый раз представлены Государю, не были бы им очарованы; он очаровывает, как своею сердечною манерою, обхождением, так и в особенности и своею удивительною воспитанностью, ибо мне, в жизни не приходилось встречать по манере человека более воспитанного, нежели наш Император.

При таких качествах нашего Императора, разумеется, прибытие молодой Императорской четы во Францию очаровало всех французов.

Во-первых, это был первый визит русского Императора после визита Его деда Императора Александра II Наполеону, когда великий Император подвергся возмутительному выстрелу со стороны поляка Березовского.

Во-вторых, этим визитом Император подчеркивал свое твердое решение следовать по стопам своего Отца, создателя франко-русского соглашения.

В третьих, – это качество французов увлекаться всем тем, что им приятно и что величественно.

Наконец, французы республиканцы имеют то свойство, что они особливо восхищаются Царствующими Особами, а такая Царствующая чета, как русский самодержавный Государь, держащий в своей державной руке одну пятую часть пространства всего мира, конечно, не могла не возбуждать во Франции чувства не только восхищения, но и своего рода экстаза.

Поэтому, та неделя, которую провел Государь в Париже и Версале, в окрестностях Парижа, была названа русскою неделю.

Государь и Его Августейшая супруга были всюду встречаемы с величайшим восторгом.

17-го октября Его Величество из Франции прибыл в Дармштадт, родину Императрицы, к ее брату великому герцогу Дармштадтскому, а 19 октября Его Величество был уже в Царском Селе.

Я приехал в Петербург, конечно, ранее, а именно в первых числах сентября.

Глава четвертая Винная монополия

2-го июня 1896 г. было опубликовано преобразование департамента неокладных сборов в главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, так как со времени введения мною винной монополии главное по важности занятие этого департамента заключается в деле питейном. Это было чрезвычайно важное преобразование, ибо к тому времени уже значительно подвинулось введение питейной монополии в различных губерниях. Во главе этого дела был поставлен директор департамента неокладных сборов – прекрасный, почтеннейший и выдающийся человек – Марков, который всю свою карьеру сделал в акцизном ведомстве, будучи приглашен на службу еще устройтелем акцизного ведомства, бывшим директором департамента неокладных сборов известным Гротом. По воспитанию Марков был военный; он перешел на акцизную службу из военных.

Преобразование это знаменовало то, что питейная монополия, введенная по инициативе Императора Александра III, получила уже прочные устои и постепенно будет введена во всей России.

Когда я в августе 1903 г. ушел из министерства финансов, то питейная монополия была уже введена почти во всей России, за исключением только некоторых отдаленных окраин ее. Но вообще дело это еще не было вполне закончено.

При введении этой монополии в Петербургской губернии и, в частности в г. Петербурге, я встретил некоторое препятствие, которое мне легко удалось побороть, в виду того авторитета, влияния и расположения, которым я пользовался еще в то время у молодого Императора.

При введении монополии, конечно, весьма значительно страдали интересы водочных заводов, вообще частных распивочных заведений, в том числе трактиров и гостиниц второго-третьего разбора. В Петербурге же от введения винной монополии, конечно, интересы эти должны были значительно пострадать, вследствие чего ватага заинтересованных лиц нашла себе пути к Великому Князю, весьма благороднейшему, почтеннейшему, но далекому от всяких житейских дел, ныне покойному Владимиру Александровичу, дяде Императора.

Великого Князя уверили, что в тот день, когда я введу монополию в Петербурге – произойдут в городе волнения, которые могут иметь кровавые последствия, а так как Великий Князь Владимир Александрович был главноуправляющим войсками, то в этом смысле это до него касалось.

Великий Князь передал об этом Государю Императору и Его Величество за несколько дней до того, как монополия должна была быть введена и все приготовления к ней уже были окончены – высказал некоторое колебание относительно того, вводить ли монополию в Петербурге, или нет?

Но простое объяснение с Государем – Его Величество успокоило и я ввел эту монополию в Петербурге, причем, как я и был уверен, никаких волнений не было, все обошлось совершенно спокойно.

Должен сказать, что в течение всего моего управления, питейная монополия, по завету покойного Императора Александра III, имела главным образом в виду возможное уменьшение пьянства. Я говорю «возможное» – поскольку это уменьшение может быть достигнуто путем механическим, полицейским и путем регламентации; так как не подлежит никакому сомнению, что общее отрезвление народа, прочное его отрезвление – возможно и мыслимо только посредством широкого распространения культуры, образования и материального достатка.

К сожалению, когда началась японская война и министром финансов сделался Владимир Николаевич Коковцев, то он, с одной стороны, находясь в трудном положении, в виду громадных военных расходов, а с другой стороны, вследствие боязливого характера, – боясь, чтобы как-нибудь не случилось, что не хватит денег, несколько изменил то направление питейной монополии, которое было дано Императором Александром III, по его приказанию, мною, а по моему приказанию Марковым и всеми чинами акцизного ведомства.

Владимир Николаевич обратил внимание на монополию, главным образом, с точки зрения фиска, дабы извлечь из этой реформы наибольший доход, а потому не только не были предприняты дальнейшие меры, так сказать, к механическому, полицейскому воздействию на уменьшение пьянства, но наоборот, питейный доход стал служить одним из мерил достоинства акцизных чиновников; не уменьшение пьянства ставилось и ставится акцизным чиновникам в особую заслугу, а увеличение питейного дохода.

Кроме того, была серьезно повышена и цена на вино, и повышение это делалось неоднократно.

Известно, что цена на уменьшение потребления вина может иметь большое влияние; влияние это может быть достигаемо или назначением такой цены на вино, благодаря которой вино не было бы по средствам большинству населения, – к этому приему прибегают довольно редко; он неудобен в том смысле, что порождает корчемство и вызывает злоупотребления, или же того же самого результата посредством изменения цены – можно достигать назначением умеренной цены на вино, цены, соответствующей достатку самого бедного класса населения.

Ни то, ни другое не было предпринято, а была назначена, – и до сих пор существует такая цена на вино, которая доступна почти всему населению, но которая разорительна для него.

Эта мера значительно увеличила питейный доход, но, конечно, имела и имеет влияние на пьянство.

С другой стороны, с тою же целью, увеличение питейного дохода за последние годы было чрезвычайно увеличено и число винных лавок, – чуть ли не удвоено.

Эти два фактора имели влияние на увеличение пьянства.

Такое направление питейной монополии во время войны не может быть поставлено в вину кому бы то ни было; всякий министр финансов делал бы то же самое, что сделал и Владимир Николаевич Коковцев. Но, по моему мнению, когда война прекратилась и когда финансы опять пришли в хорошее состояние, – первый долг министра финансов вспомнить, что питейная монополия была введена для уменьшения пьянства, и направить дело в том смысле, в каком оно должно быть направлено по завету Императора Александра III.

Я каждый год старался ездить именно по тем губерниям, в которых вводилась эта новая реформа, и при всех моих объездах, внушал акцизному ведомству, что реформа эта вводится не с целью увеличения дохода, а с целью уменьшения народного пьянства и что действия чинов акцизного ведомства будут цениться совсем не в зависимости от того, какой доход от этой реформы получается. и исключительно с точки зрения благоустройства, порядка и уменьшения народного пьянства.

Когда в Россию приезжал президент Французской республики Фор, то после его отъезда остался один из инспекторов французского финансового ведомства, который сопровождал Фора и который должен был сопровождать и меня в предстоящей моей поездке по губерниям, где вводилась питейная монополия, а именно в губерниях Смоленской и Могилевской.

Я забыл фамилию этого весьма почтенного француза. Вот я с ним и совершал эти объезды, причем, так как мне очень много приходилось ездить в коляске, то он при этих объездах всегда ездил со мной вместе, в моем экипаже.

Когда я совершил этот объезд, то я спросил этого француза, как я уже говорил весьма почтенного деятеля, носящего древнюю дворянскую фамилию (он, между прочим, был родственник графа Монтебелло), что он думает по поводу питейной монополии?

Его послал со мною Фор, предполагая, что ту же самую реформу можно ввести и во Франции.

Француз на это дал мне весьма умный ответ: он находит, что эта реформа с точки зрения государственной превосходная и что она должна дать самые благие результаты. Реформа эта могла бы дать столь же благие результаты во Франции, но, для того, чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условие, – чтобы та страна, в которой она вводится, имела Монарха неограниченного, и мало того, что неограниченного, но и с большим характером.

Действительно, если бы Император Александр III не обладал этим свойством, то и реформу я никогда бы не был в состоянии, ввести. При парламентарном режиме, вообще, а при республиканском в особенности, введение такой реформы почти немыслимо, так как она затрагивает столько интересов высших лиц и вообще лиц с достатком, что по нынешнему времени никакой парламент такой реформы не пропустит.

Когда в последние годы мне приходилось подолгу жить во Франции, я часто вспоминал эти слова, потому что действительно и ныне во Франции при выборе депутатов в Палаты, можно сказать, первенствующую роль играют лица, содержащие кабаки во всех его видах.

Глава пятая Золотая валюта

Еще в царствование Императора Александра III была в основе предрешена денежная реформа, которую я имел честь совершить, которая спасла, укрепила русские финансы и на которой зиждется и основывается не смотря на несчастную японскую войну и все ужасные происшедшие от нее последствия – настоящее финансовое благосостояние России.

Но я должен сказать, что у меня, когда я сделался министром финансов, не было сомнений в том, что денежное обращение основанное на металле, есть благо; но так как я ранее этим вопросом глубоко не занимался, то поэтому у меня являлись не то, чтобы некоторые колебания, а непоследовательные шаги и в этом нет ничего удивительного.

Россия жила на денежной системе, основанной на кредитных билетах, с Севастопольской войны в течение нескольких десятков лет; все жившие в то время (в конце 80-х годов) поколения не знали и не вывели металлического обращения; ни в университетах, ни в высших школах правильной теории денежного обращения не читалось, по крайней мере не читались основы металлического денежного обращения и не читались по той простой причине, что этого обращения не было в действительности, и потому оно имело скорее как бы теоретический, а не практический характер. По этому предмету не было на русском языке сколько-нибудь порядочных книг и учебников, за исключением нескольких, а именно, то, что выходило из под пера Николая Христиановича Бунге, когда он был профессором Киевского университета, а также и профессора Дерптского университета Вагнера, который потом покинул этот университет, сделался профессором Берлинского университета и до сих пор здравствует.

Я очень хорошо помню разговор, который я имел с Бунте перед одним из первых заседаний Комитета Финансов, в котором я начал проводить денежную реформу.

Когда мы шли в это заседание, Бунге мне сказал следующее:

– Сергей Юльевич, вам будет очень трудно проводить эту реформу, потому что в Финансовом Комитете нет ни одного человека, который бы это дело знал. Все члены Финансового Комитета теоретически этого дела не изучали и на практике его не видали.

Мною была сделана ошибка, которая отчасти, может быть, помешала мне ориентироваться сразу в этом вопросе, ошибка эта заключалась в том, что я, будучи министром финансов, взял себе в товарищи профессора Киевского университета Антоновича. Я сделал это потому, что Антонович написал по этому предмету докторскую диссертацию, а именно, о денежном обращении.

Это была одна из тех книг, которую я читал ранее, нежели специально занялся этим предметом, будучи министром финансов.

Мне казалось, – да так было и в действительности, – что Антонович весьма твердо высказывался за необходимость металлического обращения, но я не принял во внимание характера, с одной стороны, крайне неустойчивого, а с другой стороны, грубого и некультурного. Он, по своей натуре, гораздо больше думал о своей мелкой пользе, нежели о том, будет ли совершена денежная реформа или нет.

Когда Антонович увидел, что не только Петербург, но и вся Россия против этой реформы, то он, конечно, начал вилять, а затем и сам стал высказываться против этой реформы.

Антонович был недурной человек, порядочный русский профессор, но замечательно хитрый хохол; очень маленький по своему характеру и мировоззрению. В деталях, конечно, он меня сбивал.

Так напр., он принял значительное участие в преобразовании Государственного Банка, и, если бы его не было, то новый устав Государственного Банка был бы иной; он бы в большей степени отразил ту основную мысль, что банк нужно преобразовать именно потому, что государство решило совершить денежную реформу, основанную на металле. Антонович ввел туда различные параграфы, которые я пропустил, расширяющее деятельность Государственного Банка в смысле выдачи различных долгосрочных ссуд, основанных не на верных и краткосрочных обеспечениях.

Действительно эта часть нового устава Государственного Банка не находилась в полной гармонии с идеей преобразования денежного обращения в России и впоследствии мне иногда это ставили в вину, ибо, когда устав этот вошел в силу, мне же самому пришлось принимать меры, чтобы банк не совершал тех или иных операций долгосрочных и недостаточно обеспеченных, который тем не менее разрешались по его уставу, мною проведенному.

Я должен сказать следующее: в то время вопрос о денежной реформе осложнялся еще следующими обстоятельствами.

Многие из финансистов теоретиков и практиков, для которых преимущество металлического обращения над бумажным не составляло никакого вопроса, а являлось аксиомой, тем не менее колебались, когда дело шло о том, следует ли ввести денежное обращение, основанное только на одном золоте, или же может быть введено денежное обращение, основанное на серебре, или же на совместном обращении денег из двух металлов – как золота, так и серебра. Словом, между лицами, которые стояли вообще за необходимость денежного обращения, основанного на металле; не было единогласия в вопрос о том, должно ли обращение основываться на одном металле – золоте или серебре, или на двух металлах совместно, как на золоте, так и на серебре.

Впоследствии, когда я почти совсем овладел этим предметом с точки зрения понимания его, когда я уже почти проломал стену и ввел денежное обращение, основанное исключительно на золоте, мне приходилось по этому вопросу говорить и спорить с такими крупными финансистами, – крупными не столько в смысле практики, сколько в смысле ума, как напр., знаменитый Альфонс Ротшильд, Леон Сэ, бывший министр финансов в начале французской республики, сын знаменитого экономиста Сэ.

Альфонс Ротшильд и Леон Сэ были за денежное обращение, основанное на серебре; того же мнения было и другое большое лицо, но очень слабый финансист, это бывший президент французской республики и мой близкий знакомый человек, относящийся ко мне крайне доброжелательно, так же, как и я к нему, – почтеннейший старец Лубэ, который еще недавно спорил со мною по этому предмету, хотя в настоящее время уже трудно спорить по этому предмету, но все-таки он еще пытался оправдывать свои идеи.

В то время и президент французского министерства известный экономист *Мелин*, который проводил во Франции протекционизм, также был против меня, как защитника денежного обращения, основанного на золоте.

У него был известный журналист экономист, который резко проводил эту идею, а именно Тъери. Все это довольно понятно, с одной стороны потому, что в то время, когда я начал вводить денежное обращение в России, то серебро еще не было окончательно обесценено и была надежда, что оно может получить опять устойчивую цену, в особенности, конечно, если Россия введет денежное обращение, основанное на серебре. А с другой стороны, вообще французы были за денежное обращение, основанное, если не на одном серебре, то по крайней мере на двух металлах, но никак не на одном золоте. Это потому, что

Франция есть страна, которая имеет в обращении наибольшее количество серебра, а именно, она имеет, кажется, до трех миллиардов франков. Таким образом для французов это был вопрос в некотором роде карманный.

Император Александр III в вопросах денежного обращения, по крайней мере в тех предварительных мерах, которые я принял, меня вполне поддерживал.

Я должен сказать, что, конечно, вопроса этого он не понимал, так как вообще вопрос этот специальный, и в то время в России за исключением нескольких человек никто его не понимал; поддерживал же меня Император Александр III потому, что он мне доверял и верил в то, что то, что я хочу сделать и к чему я относился с такою страстью – не может быть вредно России.

Когда я увидел, что Антонович в этом вопрос интригует – я с ним расстался, тем более, что он вследствие той манеры, которой он придерживался в отношении служащих, вследствие крайней грубости и некультурности сумел вооружить против себя всех чиновников министерства финансов, как высших, так и низших.

Еще ранее прибытия Его Величества в Царское Село после посещения Франции я из банковских сфер узнал, что во время пребывания Государя Императора в Париже, президент тогдашнего министерства Мелин интриговал против моего твердого решения во что бы то ни стало ввести в России золотую валюту.

Я тогда же писал Его Величеству о дошедших до меня слухах, но Его Величество ответил мне, что мои сведения суть ничто иное, как сплетни.

Но через несколько дней после этого, когда я был у Его Величества, Государь Император вынул из своего стола две записки и передал их мне, сказав:

– Вот я вам отдаю записки, которые мне были поданы, по поводу предполагаемого вами введения золотой валюты в России, я их не читал, можете оставить их у себя.

Приехав домой, я начал рассматривать эти записки. Одна из записок – была записка председателя совета министров Мелина, в которой этот государственный деятель позволил себе вмешиваться в чрезвычайно важное дело, касающееся России, и вмешиваться с точки зрения эгоистической, не личной, а эгоистической французской. – К этой записке были приложены приложения, составленные известным, но заблуждающимся экономистом Тьери, сторонником серебряной валюты.

В этих записках авторы считали нужным предостеречь Государя Императора, что введение мною металлического обращения, основанного на золотой валюте, будет пагубно для России, и проводили мысль о введении валюты, основанной, если не исключительно на серебре, то, на биметаллизм, т. е. основанной как на серебре, так и на золоте, подобно тому, как это существует во Франции.

Я почел со стороны председателя совета министров французской республики такое действие в высшей степени некорректным, так как это вопрос чисто внутренний России и ни русский Император, ни русское правительство не нуждалось в этом отношении в советах Мелина.

Некорректен этот поступок и потому, что председатель министерства выбрал приезд Государя в Париж, чтобы возбудить этот вопрос, причем, по-видимому, Его Величество сказал, чтобы Мелин прислал ему свои соображения в Петербург.

И вот эти записки, которые Его Величество передал мне, сказав, что их не читал и не намерен читать, были переданы Его Величеству французским послом в Петербурге, графом Монтебелло, за несколько дней до того, когда Его Величество передал мне их. Граф Монтебелло имел по этому предмету особое поручение от своего правительства, или вернее от президента министерства.

Одной из самых крупнейших реформ, которую мне пришлось сделать во время нахождения моего у власти, была денежная реформа, окончательно упрочившая кредит России и поставившая Россию в финансовом отношении наряду с другими великими европейскими державами.

Благодаря этой реформе, мы выдержали несчастную японскую войну, смуты, разыгравшиеся после войны, и все то тревожное положение, в каком донныне находится Россия.

Если бы не было сделано этой реформы с самого начала войны, последовал бы общий финансовый и экономический крах и все те успехи в экономическом отношении, которые достигнуты в последние десятки лет, пошли бы насмарку.

К этой реформе готовили наши финансы мои предшественники, как Бунге, так и Вышнеградский, но приготовления, сделанные ими, были сравнительно незначительны; в их время не был еще установлен окончательный план денежной реформы, даже в общих чертах, не говоря уже о всех деталях.

Все это было совершено мною и приведено в исполнение совершенно против течения; я имел за собою доверие Его Величества и благодаря его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которые, несомненно, будут служить украшением царствования Императора Николая II.

Против этой реформы была почти вся мыслящая Россия: во 1-х, по невежеству в этом деле, во 2-х, по привычке, и в 3-х, по личному, хотя и мнимому интересу некоторых классов населения.

По невежеству, потому что этот теоретический вопрос был в то время чужд даже большинству русских экономистов и финансистов.

Действительно, так как мы в России со времен Крымской кампании находились в режиме бумажно-денежного обращения, то самое понятие о теории и практике металлического обращения у нас в обществе, в прессе и между образованными людьми, совсем утрачено. Все привыкли к бумажно-денежному обращению, как люди привыкают к некоторым хроническим болезням, хотя понемногу и ведущими к полному расстройству организма.

Так как все лица, заинтересованные в экспорте наших продуктов и, преимущественно, сельские хозяева, считали, что им выгодно денежно-бумажное обращение, так как с понижением цены нашей денежной валюты, они как бы более получают за свои продукты, именно знаками этой расстроенной денежной валюты.

Так например, в те времена наш рубль еще считался равным четырем франкам, в действительности же он упал так, что он равнялся около 2½ франкам. Следовательно, на то количество франков, которое получал каждый землевладелец, продавая за границу, скажем, пуд пшеницы, – чем рубль стоял ниже, тем он более получал рублей и копеек, а потому и считал, что ему выгодно, чтобы курс понижался.

Это мнение, конечно; ошибочно, потому что в зависимости от понижения рубля этот же самый землевладелец, получая, например, за хлеб больше рублей, за то и платил большее количество рублей за большинство того, что он потребляет и чем он пользуется. Но это последнее обстоятельство землевладелец не принимал в расчет, так как не будучи финансистом и экономистом, он не мог соображать зависимость одной цены от другой.

Таким образом, мне приходилось идти против общего течения в России, как бы желавшего не нарушать то положение, которое существовало. Конечно, были такие люди, которые понимали, что металлическое обращение лучше, нежели бумажно-денежное обращение, но и они были все-таки против меня, боясь моей энергичности и решительности, – которые и вели к успешности. Я же с своей стороны отлично понимал, что если я не проведу это дело быстро, то оно, по той или по другой причине, совсем не удастся.

Вообще из последующего моего государственного опыта, я пришел к заключению, что в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются.

Так как уже в то время знали мой нрав, то многие лица боялись этого нрава, т. е. в том смысле, чтобы я эту реформу, задуманную мною, не совершил быстро и решительно, предпочитая медленность и систематичность.

Кроме того, против этой реформы внутри России были те лица, которые вообще, по тем или другим причинам, желали меня, если не свергнуть, то обесцветить.

Наконец, против этой реформы в том виде, в каком я ее проводил, т. е. реформы, основанной исключительно на золоте, иначе говоря, – реформы денежного обращения, основанной на монометаллизме, – были многие из весьма компетентных и достойных финансистов, которые еще не утратили веру в серебро, как металл, могущий служить основанием для денежной единицы. Хотя в то время серебро уже значительно упало в своей цене, но многие из финансистов полагали, или, вернее говоря, хотели верить, что это есть временное явление, что серебро может повыситься в цене и что оно во всяком случае не будет далее падать.

Я же был того убеждения, которое и оправдалось, что цена на серебро будет все более и более падать, и что может наступить время, когда серебро совсем потеряет титул благородного металла.

Наконец, при проведении денежной реформы, я столкнулся еще с следующим препятствием:

В апреле месяце 1896 г., когда рассматривалось в департаментах государственного совета мое представление, имевшее положить начало денежного преобразования и введения металлического обращения, я встретил в государственном совете неожиданное противодействие.

Противодействие это, конечно, не заключалось в том, чтобы прямо сказать «нет», но в том, чтобы замедлить это дело и поставить такие препятствия, при которых дело это было бы провалено.

Такое препятствие в государственном совете я встретил опять-таки главным образом потому, что большинство членов государственного совета совсем не были знакомы с вопросом, а между тем среди членов государственного совета явились двое, которые имели репутацию людей, знающих дело, и которые явились моими противниками.

Один из них – это почтеннейший Борис Павлович Мансуров, – он делал возражения, главным образом, по недоверию к тому, что мне удастся провести реформу, а с другой стороны – по своему характеру, крайне критическому.

Другим моим оппонентом был член государственного совета Верховский, бывали директором кредитной канцелярии при Бунге, а потому имевший некоторый авторитет в глазах членов государственного совета. – Верховский делал возражения исключительно с личной точки зрения: он почему то считал себя призванным быть министром финансов и никак не мог помириться с мыслью, что на кресле министра финансов сидит не он, а я.

В результате заседаний департаментов государственного совета был поставлен целый ряд вопросов, которые я должен был осветить и представить по ним подробные фактические объяснения, но которых я (никогда) и не представил, так как отлично понял, что мне эту реформу через государственный совет не провести, а потому я и решил провести ее помимо государственного совета.

Все вопросы обсуждались в финансовом комитете, члены которого, большею частью, шли за мною, что впрочем довольно естественно, так как вообще назначение членов в финансовый комитет, а равно и председателя – в значительной степени зависит от министра

финансов. Наконец, обыкновенно, членами финансового комитета назначаются лица, которым финансовые вопросы вообще не вполне чужды.

Когда я почувствовал, что необходимо с вопросом о введении золотой валюты покончить и, зная, что государственный совет опять меня затормозит, я испросил у Его Величества, чтобы Государь Император собрал финансовый комитет под своим председательством и пригласил к присутствованию в финансовом комитете председателя государственного совета, Великого Князя Михаила Николаевича и тех членов одного, которых он почтет нужным пригласить.

Его Величество исполнил мое ходатайство и собрал 2-го января 1897 года финансовый комитет в усиленном составе, под своим председательством. На этом заседании и была, в сущности, решена участь финансовой реформы, т. е. решено было ввести в Российской Империи металлическое обращение, основанное на золоте, которое во всех отношениях укрепило Россию.

Из изложенного краткого очерка видно, что, в сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это – доверие Императора, а потому, я вновь повторяю, что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно Императору Николаю II.

В настоящее время, после японской войны, все, или по крайней мере, за редкими исключениями, понимают все благое значение этой реформы. К сожалению, понимание это должно было быть достигнуто новыми испытаниями России, а именно японской войной и смутами.

Говоря о денежной реформе, часто делают следующее замечание: почему Витте, делая эту великую реформу, основал ее на девальвации, и почему он не установил более мелкую единицу, чем один рубль? Если бы была установлена более мелкая единица, то было бы дешевле жить.

Я основал реформу на девальвации, т. е. на том основании, что цена рубля против его номинальной ценности была понижена, для того, чтобы не производить общей пертурбации в России. Я совершил реформу так, что население России совсем и не заметило ее, как будто бы ничего собственно не изменилось. И, когда последовал 3-го января 1897 года указ, то все осталось так, как было, цены предметов не изменились, а потому никаких пертурбации и не произошло; всякие пертурбации и в будущем были предотвращены и тому положению вещей, которое существовало 3-го января, был дан прочный устой; под это положение был подведен фундамент, который предотвратил всякие возможные колебания цен от непрочности валюты.

Между тем, в числе доводов, которые мне представили в прессе и в государственном совете, были и те, что необходимо стремиться к тому, чтобы восстановить номинальную цену рубля, т. е. рубля, равного четырем франкам, а не $2\frac{2}{3}$ франка, как это я сделал. Понятно, сказать в то время, чтобы сделать рубль равным четырем франкам, это значило бы, не только сделать полную пертурбацию в России, но и поставить задачу, которая, можно сказать, фактически не имела никакой вероятности для исполнения; это значило бы просто провалить то дело, за которое я взялся со всею энергией, которой я всегда отличался и отличаюсь, а в особенности, которой я был полон, когда был молод.

Другое возражение заключалось в том, что следовало бы, делая реформу, вместо единицы рубля ввести какую-нибудь более мелкую единицу, причем указывалось, что там, где есть более мелкая единица, например, в Германии марка, во Франции – франк, что там жизнь дешевле.

В известной мере относительно дешевизны жизни это замечание правильно. Что касается всяких оптовых сделок, мировой международной торговли, то предположения, что при

более мелкой единице, можно покупать дешевле – неверно, но что касается обыкновенной жизни, в особенности городской, то, действительно, при более низкой валюте в некоторых отношениях жизнь дешевле, хотя этот вопрос – дешевизны – имеет скорее значение личное. Тут замешаны интересы личные и известных классов населения, но не общегосударственные, не затрагиваются общегосударственные интересы всей страны.

Я, тем не менее, действительно, думал сделать более мелкую единицу и хотел ввести единицу «русь», – как я ее назвал, – которая представляет собою цену значительно менее рубля. Таким образом я рубль хотел заменить «русью»; даже образцы такой золотой монеты уже были отчеканены. Но когда я увидел, что против моей реформы, которую я решился во что бы то ни стало провести, я встречаю столько возражений, то я эту мысль откинул.

Когда я совершил реформу, то весь простой класс населения, весь народ совсем не заметил и не подозревал, что я сделал реформу, а между тем, если бы я вздумал рубль заменить «русью» и, соответственно «русии», ввел 100 новых копеек, причем каждая копейка была бы гораздо меньше в цене, чем теперешняя копейка (100 которых составляет теперешний рубль), то эта мера коснулась бы всего населения и произошла бы полная пертурбация в ценах, чем могло быть обеспокоено все крестьянство, все, так сказать, темное население и, конечно, тогда, после введения реформы, которая прошла у меня совершенно гладко и незаметно, – явились бы тысячи и тысячи жалоб и недоразумений.

Таким образом, перемены рубля на «русь» и жалобы, вытекающие из этой меры, были бы поставлены главным доводом неудачности моей реформы. Все сказали бы: Вот затеял дело вопреки всевозможных предостережений и произвел полную смуту в умах всей России.

Я полагаю, что вероятно и Мелину было известно, что государственный совет идет против меня, а потому думал, что, если он подаст записку Государю, то окончательно повлияет на Государя.

С своей стороны опасаясь, чтобы Его Величество не внял тем возражениям, которые шли против меня в то время со всех концов России, т. е. не против меня, а против моей идеи немедленно ввести денежную реформу, я решил совершить ее быстро, неотлагательно.

Глава шестая

Проект захвата Босфора.

Новая политика на окраинах

В конце 1896 г., как только Государь Император вернулся из-за границы, в Петербург появился наш посол в Константинополе Нелидов и начались различные слухи о том, что предполагается принять какие-нибудь меры относительно Турции. Уже тогда Оттоманская империя находилась в достаточном разложении, которое затем кончилось свержением султана Гамида и установлением в Турции конституционного образа правления, которое ни к какому твердому и устойчивому порядку в Оттоманской империи не приводит. В настоящее время Турция находится в критическом положении. Впрочем, процесс разложения Турции идет уже издавна и продолжается уже десятки лет. В то время процесс этот проявлялся различными острыми явлениями, которые большею частью выражались избиением армян в той или другой местности Турецкой империи.

В конце 1896 года, незадолго до возвращения Государя из-за границы, в Константинополе был погром армян, а ранее этого избиение армян в Малой Азии.

Поэтому, появление Нелидова в Петербурге, которому может быть предшествовали различные переговоры, или разговоры в Париже, возбудило слухи в министерстве иностранных дел и вообще в правительственных сферах о том, что надлежит принять какие-нибудь меры относительно Турецкой империи.

Действительно, 12-го ноября 1896 года, т. е. приблизительно менее, чем через месяц после возвращения государя из-за границы, слухи эти вынудили меня подать Его Императорскому Величеству записку, в которой я излагал мои взгляды относительно Турецкой империи, взгляды, клонящиеся к мерам миролюбивым и советуящие не прибегать ни к каким мерам, требующим силы.

На этой записке Его Величеству благоугодно было написать, что мы об этом поговорим при следующем докладе. Но об этом со мною Его Величество не говорил. Между тем 21 ноября я получил весьма секретную записку Нелидова, в которой Константинопольский посол в туманных выражениях, присущих истинным дипломатам, всю жизнь занимающимся изображением на бумаге туманных картин, излагал о тревожном положении Турецкой империи, в частности Константинополя и султана, а в сущности предлагал создать такие инциденты, которые бы дали нам право и возможность завладеть верхним Босфором.

Одновременно с получением этой записки, я получил приглашение от временно-управляющего министерством иностранных дел Шишкина явиться в заседание, которое и состоялось под председательством Его Величества 23-го ноября. В этом заседании присутствовали: военный министр Ванновский, я, управляющей морским министерством Тыртов, начальник главного штаба генерал Обручев, управляющий министерством иностранных дел Шишкин и Российский посол в Константинополе.

Нелидов в этом заседании развивал ту мысль, что в ближайшем времени произойдут в Турецкой империи катастрофы и в предупреждение того положения, в котором может очутиться Россия, следует захватить Верхний Босфор, вызвав, если окажется нужным, такие события, которые давали бы нам право и возможность это совершить.

Военный министр и начальник главного штаба очень поддерживали мнение нашего посла, чего я и ожидал, так как, что касается Ванновского, то он всегда руководствовался в этих случаях соображениями своего начальника штаба – Обручева, а у Обручева захват Босфора, – а если окажется возможным, то и Константинополя, – был всегда его идефиксом.

Я помню, что еще несколько недель до смерти министра иностранных дел Гирса я как-то у него был и говорил с ним о международном положении. Гирс сказал мне тогда, что вообще беда с военными, которые непременно хотят создавать события, вызывающие войну, и заслуга Императора Александра III именно и заключается в том, что при нем все эти затеи падают.

Когда я спросил: а из этих затей какие он считает наиболее опасными? – Гирс мне сказал:

– Я бы вам советовал взять из министерства иностранных дел дело о том, как генерал Обручев хочет захватить Босфор, передвигая туда войска на плотках. – Эта мысль в военном министерстве весьма укоренилась и после нашей последней Восточной войны, в конце царствования Александра II и в начала царствования Александра III на Босфор ездили и инкогнито и прямо официально несколько наших офицеров генерального штаба, во главе их был генерал, – тогда еще полковник – Куропаткин, который делал всякие рекогносцировочные соображения о том, как и при каких условиях можно захватить Босфор и там укрепиться.

Управляющий министерством иностранных дел Шишкин во время совещаний большей частью молчал или говорил отдельные фразы, ничего определенного не выражающие.

Управляющий морским министерством Тыртов, по-видимому, не особенно сочувствовал соображениям Ванновского и Обручева, но не имел смелости им твердо возражать, а только указывал на некоторые условия, которые необходимо выполнить с точки зрения морской, для того, чтобы это предприятие могло удалиться.

Таким образом единственно кто возражал и возражал весьма настоятельно, резко и решительно против этой затеи – был я. Я указывал, что эта затея приведет, в конце концов, к европейской войне и поколеблет то прекрасное политическое и финансовое положение, в которое поставил Российскую Империю Император Александр III.

Его Императорское Величество, как председатель и как русский неограниченный Царь, никаких мнений не выражал, только задавал различные вопросы. Но, зная моего Государя, я видел, что его симпатии в данном случае не находятся на моей стороне.

После неоднократного обмена возражений между мною, с одной стороны, и Нелидовым, Обручевым и Ванновским – с другой, Его Императорскому Величеству угодно было в заключение сказать, что он разделяет мнение нашего посла.

Таким образом, вопрос по существу был кончен и, в сущности, было решено вызвать такие события в Константинополе, которые бы дали нам право и возможность высадиться в Босфоре и занять Верхний Босфор; тогда войти в сношение с султаном и в случае, если он станет на нашу сторону, то обещать ему наше покровительство. Следовало немедленно начать приготовления по этому предмету десанта из Одессы и Севастополя. Когда же окажется, по соображениям посла, что наступил момент – десант этот двинуть, – он должен дать депешу нашему финансовому агенту в Лондоне – Татищеву, в такой редакции, что ему поручается купить такое-то количество хлеба. Татищеву должна быть дана инструкция, – что и было тогда же сделано, – чтобы он немедленно эту телеграмму передал управляющему государственным банком, которым в то время был Плеске (впоследствии в 1903 году Плеске заменил меня в качестве министра финансов), а Плеске должен был передать эту телеграмму морскому и военному министрам.

Нелидов поехал в Константинополь, горя желанием осуществить свою заветную идею – захвата Константинополя, во всяком случае Босфора, а сигнал его к отправлению десанта считался настолько близким, что я сделал распоряжение, чтобы Плеске ночью постоянно имел дежурного чиновника, дабы в случае, если получится телеграмма из Лондона о покупке хлеба, чтобы она ему немедленно была передана, дабы ни в какой степени не замедлилось отправление судов из Одессы и Севастополя с войсками.

Управляющий министерством иностранных дел Шишкин составил журнал этого совещания, причем в журнал совещания все соображения, приведенные к этому заключению, были изложены, как единогласные.

Получив проект журнала, я написал Шишкину письмо, что никак не могу подписать этого журнала, так как нахожу, что там предполагаются такие меры, которые приведут Россию к большим бедствиям, а потому прошу его испросить разрешения Государя: или поместить мое особое мнение в журнале, или же, хотя бы кратко сказать, что я со всеми этими соображениями и заключениями совсем не согласен, так как я не желаю принять перед историей ответственность за эту затею.

Шишкин был поставлен в затруднение, но, тем не менее, написал о моем письме Государю Императору. Государь Император был так милостив, что разрешил изменить журнал и написать там о том, что я со всеми этими соображениями не согласен.

Это было высказано в самом начал журнале в такой форме, что «по мнению статс-секретаря Витте занятие Верхнего Босфора без соглашения с великими державами по настоящему времени и при настоящих условиях крайне рискованно, а потому может иметь гибельное последствие.»

Журнал этот был утвержден Его Императорским Величеством 27-го ноября 1896 года, причем Его Императорское Величество на журнале, кроме того, сделал заметку, вполне укрепляющую решение большинства членов совещания, а следовательно, и вполне не разделяющую моих возражений.

Я, конечно, ожидал, что все это дело кончится большими бедствиями, а потому не мог тогда же не высказать моих сомнений и тревог двум лицам, которые были весьма близки к Его Величеству, и к словам которых Его Величество не мог высказывать никакого раздражения, а именно, дядя Его Величества Великому Князю Владимиру Александровичу и обер-прокурору Святейшего Синода, бывшему преподавателю Государя Императора, Константину Петровичу Победоносцеву. Они мне на мои сомнения и на мои тревоги ничего не высказали.

Но Победоносцев, прочитав копию журнала, которую я ему дал, ознакомившись с моим особым мнением, 28-го ноября написал мне: «Спешу возвратить и поблагодарить за присылку. *Iacta est alea* Помилуй нас Бог!»

Тем не менее, под влиянием этих лиц, или же под влиянием той силы, которая руководит всем миром, и которую мы называем Богом, Его Императорское Величество изменил свое решение и, как только Нелидов доехал до Константинополя, он получил указания, которые воспрепятствовали ему совершить ту затею, которую он задумал.

Но Государь Император был несколько дней после заседания, по-видимому, мною недоволен. Как раз 27-го или 28-го ноября в Царскосельском дворце было заседание Сибирского Комитета. В этом заседании рассматривался проект концессии, данной китайским правительством на сооружение Восточно-Китайской дороги мною и Ли-Хун-Чаном.

В виду моего представления, Его Величеству благоугодно было сказать несколько весьма сочувственных слов по поводу смерти князя Лобанова-Ростовского.

Я этим словам глубоко сочувствовал, не только потому, что они исходили от моего Государя, но из памяти к князю Лобанову-Ростовскому, при котором, конечно, такой записки, какая была подана Нелидовым и какую мы рассматривали по поводу занятия Босфора, Нелидов подать не решился бы.

Но, говоря о князе Лобанове-Ростовском, Его Императорскому Величеству благоугодно было приписать всю заслугу получения этой концессии на Восточно-Китайскую дорогу исключительно одному князю Лобанову-Ростовскому и это было сделано в такой форме, что всем присутствующим в комитете, которые все-таки по слухам отлично знали,

что все это дело было сделано мною, стало ясно, что Его Императорское Величество чем-то мною недоволен.

Если действительно Государь Император был мною недоволен по поводу этого инцидента, то, вероятно, главным образом недоволен резкостью моих действий и мнений, в чем я признаю себя весьма виновным перед Государем Императором; но, к сожалению, я не мог себя переделать – я был всегда таков, остаюсь таковым и ныне. Но, тем не менее, это не повлияло на отношение ко мне Государя в области финансовой, так это уже видно из того, что не далее, чем через 1½ месяца, – о чем я уже рассказывал ранее, – Государь Император встал исключительно на мою сторону в вопрос о введении денежной реформы в России и благодаря только этому, денежная реформа была спасена и осуществлена.

Вся эта история с предположением о захвате Босфора была, как я говорил, в конце 1896 года.

В том же 1896 году в декабре месяце произошли следующие, довольно важные события, а именно: 6 декабря был уволен от должности по прошению главноначальствующий на Кавказе генерал от кавалерии Шереметев по болезни; увольнение это произошло действительно по болезни.

Шереметев был кавказцем и его на Кавказе очень любили; он отлично знал Кавказ; Шереметев представлял собою человека слабого, очень милого, культурного и человека – без всякого темперамента; тем не менее на Кавказе его очень любили и уважали точно также, как его не могли не уважать все лица, его знавшие.

Вместо Шереметева 12 декабря был назначен князь Григорий Голицын, член Государственного Совета, тот Голицын, которого мы в обществе называли «Гри-Гри». Это был очень порядочный, воспитанный, весьма честный человек, но, как говорится, «с зайчиком». И этот «зайчик», который так свойственен русским деятелям известного закала, который так рельефно выражается ныне у крайне правых и националистов, в нем еще осложнялся тем, что мать кн. Голицына была полька; он был воспитан своею матерью, а потому у него известного рода сумасбродство было соединено с мягкостью обращения, умением мягко стлать, – что свойственно натуре поляка. В конце концов кн. Голицын был человек весьма воспитанный, образованный, но крайне ограниченный, особенно для государственного деятеля.

Двойственность его характера делала то, что он не мог приобрести друзей в обществе и в толпе людей непосредственного характера, людей, которые действуют, как им Бог на душу положил – без различных политических уверток.

Я помню кн. Голицына, когда он недалеко от Тифлиса (в Белом Ключе) командовал грузинским полком, – в то время я еще был мальчиком.

Хотя кн. Голицын был весьма корректным полковым командиром, но он не пробыл долго на Кавказе, потому что не мог внушить к себе в общества кавказских прямодушных людей симпатии. Он был чересчур в своих действиях и мнениях тонок и дипломатичен для людей такого непосредственного характера, а поэтому и не оставил по себе в Тифлисе и вообще на Кавказе симпатичную память.

Кажется, чтобы избавить Кавказ от кн. Голицына, он и получил место командира финляндского полка в Петербурге. Всю свою последующую карьеру он делал в Петербурге. Последняя должность, которую он занимал – был пост атамана Оренбургского казачьего округа, оттуда он был сделан членом военного совета, а потом и членом Государственного Совета. Ему очень протежировал Великий Князь Михаил Николаевич по причине – мне неизвестной. Кн. Голицын всю свою карьеру (в том числе и назначение его на Кавказ) совершил по протекции сказанного Великого Князя. В то время Великий Князь Михаил Николаевич не мог не иметь влияния на Государя Императора, потому что он сам был довольно дол-

гое время наместником кавказским и, конечно, именно благодаря влиянию Великого Князя, кн. Голицын получил после уволенного по болезни Шереметева – место главноуправляющего на Кавказе.

Как я уже говорил, кн. Голицын не мог быть симпатичен Кавказу; кроме того, кн. Голицын, как человек довольно тонкий (не по корпуленции, а по духу) чувствовал уже в воздухе нечто такое, что привлекало симпатии Его Величества на сторону национальных идей, но, конечно, национальных идей в их возвышенном смысле, идей, которые разделяют все русские люди, но не «истинно» русские люди, а простое «русские» люди, – а не тех национальных стремлений характера более или мене физиологического, которым заражены теперешние, так называемые «националисты», которых, между прочим, так поощрял покойный Столыпин.

Поэтому кн. Голицын, управляя Кавказом такими приемами и такими принципами, которые до того времени были чужды Кавказу, весьма сильно возбудил кавказское туземное население против России и в значительной степени способствовал тому проявлению сепаратических идей, которые одно время захватили умы кавказцев в годы общей смуты в России, т. е. в 1904, 1905 и 1906 гг.

Управление кн. Голицыным Кавказом ничем не ознаменовалось, кроме того, что он возбудил весь Кавказ и против себя и косвенно – против русского правительства. В конце концов, на него было сделано покушение, он был ранен и затем покинул Кавказ. Но это произошло после нескольких лет его управления, когда он уже в значительной степени дезорганизовал тот особого рода дух, которым держался Кавказ.

Все его предшественники, начиная со знаменитого светлейшего князя Воронцова – наместника кавказского, назначенного еще Императором Николаем I, держались того принципа, что туземцы, в особенности христианского вероисповедания и те, которые добровольно предались скипетру России – должны пользоваться полным равноправием. Поэтому Кавказ был завоеван, как оружием русских, т. е. лиц, пришедших из России, так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении 60-ти летней войны Кавказа мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы и не только в низших рядах милиции, но и на самых высших постах. Они дали в русских войсках целую плеяду героев, героев, достигших самых высших чинов и знаков отличий. Таких имен можно насчитать десятками и десятками, как напр., князя Орбелиани, князя Бебутовы, князь Амелаквари, князь Чевчевадзе, князь Аргутинские и проч. и проч. Поэтому, все правители Кавказа всегда относились к этим туземцам с полным благорасположением и старались ни в чем не нарушать их прав.

Многие из народностей Кавказа представляют собой людей чрезвычайно непосредственных, задушевных, которые за сердечное к ним отношение отвечают полною сердечностью.

Только такую политикою, какой придерживались правители Кавказа (до кн. Голицына) мы завоевали весь этот край и прочно спаяли его с Российской Империей.

Князь Голицын был первый правитель, который начал проводить на Кавказ узконациональную точку зрения «гостинного ряда». Если бы при этом кн. Голицын отличался каким-нибудь талантом, был бы способен на какую бы то ни было преобразовательную деятельность, то неприятное для кавказцев направление его деятельности было бы уравновешено другими достоинствами его управления: его твердостью, авторитетностью, в особенности авторитетностью в военном деле; если бы кн. Голицын представлял собою такую характерную личность, какою был, наприм., генерал Гурко, проводивший в Царстве Польском также чисто русские начала, пред которым, тем не менее, поляки преклонялись. Но в том то и дело, что кн. Голицын ничего на своем активе не имел, он не имел ни военного таланта, ни особой военной доблести (я этим не хочу сказать, что кн. Голицын не был храбрым), ни административного таланта, ни административной опытности; наконец, он не обладал и прямо-

тою характера, и не мог ею обладать по тому смешению крови, которое в нем находилось. В конце концов кн. Голицын был черным вороном на Кавказе. и покинул Кавказ всеми нелюбимый, в том числе и русскими.

Если я так, может быть «жестоко» выражаюсь о кн. Голицын, то потому, что я сам кавказец, я родился на Кавказе, мне этот край близок; я помню все традиции Кавказа, и поэтому я не могу относиться равнодушно к тому, что делал кн. Голицын на Кавказе, как не могут к этому относиться равнодушно вообще все кавказцы всех национальностей, а в том числе и русской.

В конце 1896 года варшавский генерал-губернатор, заменивший генерал-фельдмаршала Гурко, граф Шувалов заболел, с ним случился удар, а потому он оставил пост варшавского генерал-губернатора.

Он был очень недолго в Царстве Польском и ничем – ни хорошим, ни дурным себя не проявил. Но, как человек, он пользовался вообще большими симпатиями; в Царстве Польском он пользовался симпатиями в особенности среди офицеров, с которыми он любил часто проводить время и пиршествовать.

Вместо него генерал-губернатором был назначен светлейший князь Имеретинский, член Государственного Совета, прекрасный, милый человек.

Хотя он – князь Имеретинский, но родился не на Кавказе, а поэтому и был совсем чужд Кавказу.

После того, как граф Тотлебен заменил Великого Князя Николая Николаевича, как главнокомандующий войсками в Турции, кн. Имеретинский был у гр. Тотлебена начальником штаба при взятии Плевны и был хорошим военным начальником.

Вообще кн. Имеретинский был очень острого ума, способный, талантливый и культурный человек.

Я был очень рад назначению кн. Имеретинского, так как очень с ним сблизился, будучи министром финансов, ибо кн. Имеретинский был членом Государственного Совета по департаменту экономии, т. е. именно по тому департаменту, с которым министр финансов имеет постоянные отношения.

Ранее, чем сделаться членом Государственного Совета, после турецкой войны, кн. Имеретинский был сделан начальником военно-судного управления. По моему мнению, он установил весьма правильные отношения в Царстве Польском к полякам и при его управлении было полное вероятие, что установятся взаимное согласие и доверие между русскими и благоразумными поляками. Он шел по этому пути, несмотря на многие, творимые ему в Петербурге, препятствия.

Князь Имеретинский был женат на очень богатой и почтенной женщине, которая его обожала, а именно на графине Мордвиновой.

Графиня Мордвинова была очень богата, а потому и князь Имеретинский располагал достаточными средствами для того, чтобы жить весьма широко в Царстве Польском.

У кн. Имеретинского был один серьезный недостаток, – это его пристрастие к женскому полу; недостаток этот отчасти и был причиной и его внезапной кончины, которая была оплакиваема многими, в том числе его прекрасней супругой и его многочисленными друзьями.

В то время, когда главноначальствующим на Кавказе было назначено лицо, которое начало проводить там, так называемую, ультра-национальную политику, или как, по моему мнению, ее правильнее назвать: «национальную политику гостинного ряда», – в Царство Польское, наоборот, было назначено лицо, которое на флаге своем имело лозунг политики культурной и примирительной.

В это же время произошло увольнение финляндского генерал-губернатора графа Гейдена, который представлял собою человека весьма почтенного (он был ранее начальником главного штаба при военном министре графе Милютине). Проводя в Финляндии русскую точку зрения, граф Гейден, тем не менее делал это с большим тактом, не нарушая финляндской конституции, или во всяком случает тех порядков, которые получили право гражданства в царствование наших Императоров, начиная с Александра Благословенного.

Увольнение графа Гейдена последовало отчасти по его нездоровью, но, главным образом, потому, что в Петербурге начали проявляться тенденции русифицирования Финляндии и притом такими приемами, которые, по мнению графа Гейдена, не соответствовали ни положению дела, ни достоинству великой Российской Империи.

Глава седьмая

Назначение гр. Муравьева министром иностранных дел. Отставка Воронцова-Дашкова

Назначение графа Муравьева, 1-го января 1897 г. управляющим министерством иностранных дел, а затем 13-го апреля того же года министром иностранных дел, перед прибытием в Петербург австрийского императора Франца-Иосифа, – было роковым. Оно привело к самым ужасным последствиям, которые перевернули историю России, навлекли на нее громадные бедствия.

Граф Муравьев был назначен на пост министра иностранных дел с поста посланника в Копенгагене; он и был назначен министром иностранных дел именно потому, что он занимал пост посланника в Копенгагене. Посланник в Копенгагене естественно становился приближенным к Императорской фамилии, которая как во времена Императора Александра III, так и впоследствии посещала Копенгаген, вследствие близких родственных отношений с Датским королевским домом, и естественно сталкивалась с русским посланником; причем русские посланники в Копенгагене имели весьма узкое поприще для проявления своих дипломатических способностей, но имели и имеют очень обширное поприще для проявления своих способностей царедворцев.

Так как молодой Император никого из дипломатов не знал, то весьма естественно, что его выбор остановился на графе Муравьеве, с которым он, бывая в Дании, встречался. Наконец, графа Муравьева хорошо знала Императрица мать, которая постоянно бывала и бывает в Дании. – Этим объясняется его назначение.

В то время, как это назначение состоялось, я графа Муравьева совсем не знал, но как то раз я спросил мнение о нем бывшего посла в Берлине графа Павла Андреевича Шувалова, так как при нем одно время гр. Муравьев был советником посольства.

Гр. П. А. Шувалов отзывался о способностях гр. Муравьева крайне скептически, сказавши:

– Все, что я могу сказать вам про гр. Муравьева, это то, что он жуир.

Граф Муравьев был, как и князь Лобанов, светский человек и светский забавник, но совершенно другого типа, нежели князь Лобанов-Ростовский.

Насколько князь Лобанов-Ростовский был в обществе изящен в своих словах и рассказах и интересен для культурного общества, настолько граф Муравьев, хотя и был забавен, но забавен плоскими рассказами и манерами. Насколько князь Лобанов-Ростовский был литературно-культурный человек, настолько граф Муравьев был человек литературно мало образованный, если не сказать – во многих отношениях просто невежественный.

Кроме того, гр. Муравьев имел слабость хорошо пообедать и во время обеда порядочно выпить.

Поэтому, после обеда гр. Муравьев весьма неохотно занимался делами и вообще, обыкновенно, ими не занимался. Относительно занятий он был очень скуп и посвящал им очень мало времени.

При таких качествах, гр. Муравьев выбрал себе товарищем графа Владимира Николаевича Ламсдорфа, который был советником по министерству иностранных дел, человека в высокой степени рабочего.

Гр. Ламсдорф всю свою карьеру сделал в министерстве иностранных дел в Петербурге. Он был прекрасный человек, отличного сердца, друг своих друзей, человек в высокой степени образованный, несмотря на то, что он кончил только Пажеский корпус (следовательно, он сам себя образовал), человек очень скромный.

Гр. Ламсдорф вечно работал и вследствие этого, как только он поступил в министерство иностранных дел, он всегда был одним из ближайших сотрудников министров, сначала в качестве секретаря, а потом в качестве управляющего различными отделами министерства и, наконец, в качестве советника.

Гр. Ламсдорф начал свою карьеру еще при светлейшем князе Горчакове; затем был секретарем и ближайшим человеком к министру иностранных дел Гирсу; далее он был советником министерства и ближайшим сотрудником князя Лобанова-Ростовского.

Гр. Ламсдорф был ходячим архивом министерства иностранных дел по всем секретным делам этого министерства.

Как товарищ министра иностранных дел это был неоценимый клад, а потому, естественно, что гр. Муравьев, который весьма мало знал и понимал общемировую дипломатию, был весьма в этом малосведущ, и вообще мало образован, к тому же он не любил заниматься – взял себе в товарищи графа Ламсдорфа, – сам же граф Муравьев больше занимался жуирством, нежели делом. Тем не менее он почему то нравился, как Императору, так и молодой Императрице. Граф Муравьев хвастался тем, что его часто, даже почти всегда Император после доклада приглашает завтракать и рассказывал своим коллегам, в том числе и мне, о том, как он забавляет молодую Императрицу своими рассказами.

6-го мая того же года последовало увольнение графа Воронцова-Дашкова с поста министра Двора.

Это увольнение для всех, понимавших психологию дворцовых сфер, не было неожиданным. Граф Воронцов-Дашков знал молодого Императора с его колыбели, он был одним из самых приближенных лиц к его Августейшему отцу и был почти во все время царствования Императора Александра III министром Двора, а потому, естественно, он должен был производить на молодого Императора некоторое гнетущее влияние.

Эта психология отношений совершенно понятна, тем более, что министры Августейшего батюшки молодого Императора, вероятно, также не вполне свыклись с новым своим положением и не могли, по крайней мере сразу, стать на ту точку зрения, что тот молодой царевич, которого они знали еще мальчиком или юношей – волею Всевышнего сделался неограниченным Монархом величайшей Империи, а потому они (это касается и меня, я должен в этом признаться) часто говорили с молодым Императором не так, как они должны были бы говорить с самодержавным Государем великой Империи.

Это, конечно, более чувствительно должно было проявляться в отношениях молодого Императора к престарелому министру Двора покойного его отца, ибо министр Двора имеет постоянное отношение к Императору и не только к Императору, но и к Императрице.

Вероятно, проскакивающий иногда в речах гр. Воронцова-Дашкова несколько менторский тон шокировал молодого Императора и его Августейшую супругу. Но главное, что явилось причиной несоответствующих отношений между Государем Императором и гр. Воронцовым-Дашковым, конечно, заключалось в той несчастной истории, которая произошла во время коронавания Императора на «Ходынке». После этой катастрофы между Великим Князем Сергеем Александровичем и гр. Воронцовым-Дашковым сразу создались враждебные отношения.

Вообще гр. Воронцов-Дашков в отношении всех Великих Князей держался в высокой степени самостоятельно, к чему он был приучен покойным Императором Александром III, а потому он, если можно так выразиться, и не спускал Великому Князю Сергею Александровичу.

С другой стороны, Великий Князь Сергей Александрович был человек самолюбивый и имел значительное влияние на молодого Императора не только как дядя, но и как муж сестры Императрицы.

Вот эти отношения и послужили главным образом причиной того, что гр. Воронцов-Дашков, согласно желанию Императора, должен был покинуть пост министра Двора.

Тогда я жил на Елагином и хотя всегда я был в самых лучших отношениях с гр. Воронцовым-Дашковым, но именно в то время я имел с ним некоторое разногласие по вопросу о порядке испрошения кредитов по министерству Двора.

Сперва гр. Воронцов-Дашков в этом вопросе восстал весьма резко против моей точки зрения, а потом сразу уступил, видя, что Его Императорское Величество в этом вопросе встал на мою точку зрения.

Я помню, что в тот день, когда Государь сказал гр. Воронцову-Дашкову о том, что он его освобождает с поста министра Двора, граф приехал ко мне на Елагинский остров и был весьма расстроен; гр. Воронцов-Дашков жаловался на то, что он сам несколько недель тому назад просил Государя освободить его с поста министра двора, что Его Величество тогда на это не согласился, а что сегодня сам Государь в конце доклада сказал ему, что вот вы мне несколько раз выражали желание уйти с поста министра Двора, так я вас сегодня освобождаю.

Граф Воронцов-Дашков подробно мне все это рассказывал, так как он думал, что я говорил что-нибудь Государю относительно моих разногласий с ним по кредитам министерства и жаловался на него.

На это я сказал гр. Воронцову-Дашкову, что действительно Его Величество по этому предмету со мною говорил, но я никогда жалоб никаких на него не высказывал и что вообще я так с детства близко знаю гр. Воронцова, что почел бы для себя в высокой степени некорректным действовать против графа, которого я искренно уважаю и почитаю, не сказав ему раньше откровенно, что я намерен делать.

Вместо гр. Воронцова, министром Двора был назначен его товарищ барон Фредерикс, (который состоит министром Двора и до настоящего времени) прекраснейший, благороднейший и честнейший человек, – но и только. Впрочем, этого вообще, а в особенности по нынешним временам, очень много. Можно сказать, что барон Фредерикс, по нынешним временам, по своей честности и благородству – рыцарь. Но, конечно, ни по своим знаниям, ни по своим способностям, ни по своему уму он не может иметь решительно никакого влияния на Государя Императора и не может служить ему ни в какой степени советчиком по государственным делам и даже по непосредственному управлению министерством Двора.

По характеру Государя Императора такой министр Двора представляет собою тип человека наиболее для Императора подходящего.

Вскоре по вступлении на пост министра Двора барона Фредерикса я получил от него Высочайшее повеление, сформулированное по пунктам, которым определялся порядок испрошения кредитов по министерству Двора и именно так, как то проектировал министр Двора гр. Воронцов-Дашков, а следовательно, уже из этого видно, что я в моем разногласии с министром гр. Воронцовым-Дашковым относительно способа испрошения кредитов министерством Двора не произвел на Государя Императора никакого неблагоприятного для гр. Воронцова-Дашкова влияния.

* По закону смета министерства Двора должна была рассматриваться в государственном совете на общем основании, на практике расходы эти регулировались соглашением министра двора и финансов и затем государственный совет принимал цифру, сообщенную министром финансов.

Вскоре после назначения барона Фредерикса я вдруг от него получаю Высочайшее повеление, отменяющее законы и устанавливающее такой порядок относительно сметы министерства двора: смету эту составляет и представляет на утверждение Государя министр

двора, а затем сообщает общую цифру министру финансов, который должен внести именно эту цифру, без обсуждения в государственном совете, в государственную роспись. В заключение говорилось, что Государь повелевает, чтобы сие Высочайшее повеление не распубликовывалось, дабы не возбуждать толков, а чтобы при кодификации законов, т. е. печатании нового издания, были соответственно изменены соответствующие статьи. Таких Высочайших повелений, конечно, в России не было со времен Павла Петровича, да и Он, вероятно, не предлагал бы незаметно фальсифицировать новое издание законов. Конечно, эта выдумка не принадлежала инициативе Государя, а Его министру двора, но достаточно то, что такие повеления могли иметь место еще за десять лет до революции. *

По поводу этого маленького инцидента, которому я не придавал никакого значения с точки зрения финансов, я помню такой разговор, который я имел с Его Императорским Величеством.

Когда я сказал, что, во всяком случае, кредиты должны быть испрашиваемы по соглашению министра Двора с министерством финансов, – если не в общем порядке через государственный совет, – то Его Величеству угодно было мне заметить:

– Что же вы находите, что я трачу много денег?

На что я Его Императорскому Величеству всеподданнейше доложил, и доложил совершенно правдиво и искренно, что образ жизни Государя и его Августейшей семьи столь скромнен, что даже более скромнен, нежели личная жизнь его ближайших слуг, советчиков, в том числе и меня, – (и это совершенная правда), но что дело не в расходах, которые производятся на Его Величество и на Его Августейшую семью, а дело идет о расходах, производимых по министерству Двора во всех его разнообразных учреждениях и отделах. Вот что касается этих расходов, то я не мог бы не признать, что эти расходы производятся не в должном порядке, не с должной экономии и не при должном контроле.

Вообще, как я уже говорил, во всем, что касалось непосредственно меня, как министра финансов, я все время пользовался полнейшим доверием и полнейшей поддержкой Его Величества. Благодаря именно этому, то начало благоустройства финансов, которое положил его Августейший родитель, мне удалось укрепить и установить во всех отношениях и во всех отраслях.

Что касается моих действий и мнений, как по экономическим вопросам, так и по вопросам политическим, то тут я встречал большое соперничество в мнениях других министров, и часто Его Величеству благоугодно было со мной не соглашаться и делать вопреки моим мнениям и моим советам.

Вероятно, я во многом и ошибался, но, тем не менее, и ныне я глубоко уверен в том, что если бы Его Императорскому Величеству благоугодно было принимать во внимание мои мнения по вопросам как внутренней так и внешней политики, то, может быть, и были бы сделаны ошибки, может быть, были бы сделаны даже крупные ошибки, но, тем не менее, мы избегли бы всех тех катастроф, которые последовали начиная с 1903 года, когда я был вынужден покинуть пост министра финансов, – впрочем, – об этом я буду иметь случай говорить впоследствии.

Глава восьмая

Приезд в Петербург в 1897 году императора Франца-Иосифа, Вильгельма II и президента французской республики Феликса Фора

15-го апреля в Петербург приехал отдать визит Государю престарелый австрийский Император Франц-Иосиф. Представление ему и прием происходили в Зимнем Дворце, причем наш молодой Император относился к Францу-Иосифу в высокой степени почтительно, как к престарелому старцу, что производило на всех самое прекрасное впечатление.

Император Франц-Иосиф пробыл в Петербург только два дня и затем уехал к себе домой. Пребывание его в Петербурге ничем особенным не ознаменовалось.

16 июля прибыли в Петергоф Император и Императрица Германские. Император пробыл здесь до 30-го июля, 30-го июля он выехал за границу.

* Я видел Императора Вильгельма, когда еще он был сыном наследника Фридриха и внуком Императора Вильгельма der Grosse, два раза, при следующей обстановке. Раз в Эмсе незадолго до смерти Вильгельма I. старик Император приехал туда на несколько дней (это была последняя его поездка в Эмс) и остановился в доме Кургауза. По своему обыкновению он занимался перед большим окном, выходящим на площадь перед Кургаузом, так чтобы все могли его видеть за занятиями. С ним приехал молодой внук Вильгельм – нынешний Император. Меня удивило, что во время занятий деда он все время стоял около его кресла и почтительнейше исполнял курьерские обязанности, как то распечатание и запечатание пакетов, подача перьев, карандашей и проч.... Затем я видел Вильгельма, когда в первые годы царствования Александра III Его Величество присутствовал на маневрах около Бреста. Мы стояли с Императорским поездом на одной из маленьких станций линии, идущей из Бреста в Белосток. Государь занимал замок, находившийся около станции и принадлежавший одному помещику. Я был управляющим железною дорогою. Вдруг приезжает на станцию генерал-адъютант Черевин и спрашивает меня, сколько нужно времени, чтобы экстренно доставить прусский мундир для Его Величества из Петербурга.

Я сказал, что 48 часов.

Затем последовало экстренное распоряжение о доставлении этого мундира экстренным паровозом.

Через два дня Императорский поезд отошел в Брест, причем мне тогда же, когда потребовали мундир, Черевин сказал, что Император Вильгельм просил разрешения Царя отправить к Нему Его приветствовать своего внука Вильгельма.

Наш поезд подошел к станции за несколько минут до прибытия поезда с Вильгельмом. Когда этот последний поезд подходил, Государь снял плащ и передал его конвойному казаку. Вильгельм вышел из поезда, Государь с ним поздоровался, представил почетный караул и свиту. Вильгельм себя держал высоко почтительно, точно флигель-адъютант Императора. Когда церемония была окончена, Государь повернулся по направлению к казаку с плащом и громко сказал: «дай плащ». В этот момент Вильгельм со всех ног кинулся к казаку, выхватил у него плащ, поднес и накинул его на Государя...

Тогда эти факты меня несколько удивили, ибо такое отношение к Императорам не только со стороны членов царской фамилии, но и свиты у нас не практикуется. После же узнавши ближе характер будущего Императора, я вспомнил, что сказанные факты совсем в его натуре и что такой образ действий не есть внешнее доказательство, но находится в пол-

нейшей гармонии с его убеждениями. Он по натуре правитель народов и считает Императора сверх-человеком. Теперь его брат принц Генрих весьма часто, прощаясь с ним, целует ему руку в присутствии всех. Вильгельм этим и, вообще, когда ему в присутствии многих лиц целуют руку, нисколько не стесняется и принимает это как должное. Я с своей стороны нахожу, что было бы не лишним, если бы такие отношения к Государю были введены в нравы и нашего Царского Дома. Было бы меньше распущенности... *

Пребывание Германского Императора ознаменовалось некоторыми фактами, которые имели громадное влияние на последующие события. Германский Император остановился в Петергофе в Большом дворце. Там он все время и жил и только лишь один раз приехал в Петербург на завтрак к германскому послу, князю Радолину. После завтрака Император имел выход в общие салоны, а затем особое свидание со мною в кабинете посла.

По принятому обычаю, по прибытии Императора, был парадный официальный обед. Перед обедом, как только я приехал в Петергоф, ко мне подошел один из состоящих при Германском Императоре и сказал мне, что Германский Император желал бы до обеда со мною познакомиться и желал бы, чтобы я пришел к нему в его апартаменты.

Я пришел к Императору, когда он был еще не совсем одет; я говорил с ним в первый раз. Германский Император обратился ко мне со следующей речью: он знает о том, какой я мудрый и выдающийся государственный деятель, а потому, как совершенное исключение, он мне жалуется высший орден Черного Орла.

Этот орден Германский Император немедленно мне вручил, добавив, что таковой дается только царским особам и министрам иностранных дел, а мне, министру финансов, он жалуется его, как совершенное исключение, так как этого исключения еще никогда не делалось.

Я, конечно, был польщен этою высокою честью и милостью.

Затем в Петергофе были военные смотры, в которых я не принимал никакого участия.

Когда Германский Император посетил Петербург, я был приглашен послом Радолиным, который сказал мне, что Император очень бы просил меня придти к такому то часу, так как он хотел со мною переговорить.

После завтрака, который происходил исключительно в посольской среде, Германский Император вышел в гостинную, в которой как полагается стояли все чины посольства, а также туда вышли и все русские чины, состоявшие при нем – кажется: генерал свиты, генерал-адъютант, флигель-адъютант и т. д.

Германский Император очень удивил меня своими манерами: он вышел, вероятно, потому, что был в интимном кружке, совершенно как ферт, делая совсем неподобающие личности Императора жесты, как рукою, так и ногою. Очевидно, он делал это потому, что был в интимном кружке.

Император Германский пошел со мной в кабинет посла, где, оставшись со мной наедине, Император обратился ко мне со следующей речью: он сказал, что Америка представляет для Европы большую конкуренцию, конкуренцию всему европейскому земледелию, что Америка наживается на счет Европы, а потому он находит, что следовало бы в отношении Америки принять особливые меры т. е. относительно таможи; не почитать ее страню наиболее благоприятствуемой, т. е. не трактовать ее, как все остальные европейские страны, а держать для нее совершенно особливые пошлины, дабы Америка не могла наводнять Европу своими продуктами.

По этому предмету я заметил Его Императорскому Величеству, что я не мог бы принять его мнение, что, по моему, не только можно было бы, но и должно принять эту точку зрения вообще в отношении всех стран, не входящих в континент Европы, т. е. стран отделенных от Европы морями, а следовательно в том числе и Англии; но что принимать такую

специальную меру по отношению Америки я считал бы весьма неудобным и бесцельным, так как едва ли другие европейские страны на это согласятся.

Германский Император объяснил мне, что он не может причислить Англию к странам заморским и что он стремится установить с англичанами наилучшие отношения; что его мнение заключается в том, что следует принять эти меры только в отношении Америки, так как Англия не наводняет Европу сельскохозяйственными продуктами, между тем, как именно Америка понижает цены всех сельскохозяйственных продуктов в Европе.

На это я Его Величеству доложил, что, мне кажется, России будет чрезвычайно трудно встать на такую точку зрения уже потому, что Россия находится с Америкой, со времен освободительной войны Северо-Американских Штатов, в самых прекрасных отношениях и России нет повода вдруг изменить свои отношения к Америке. Что касается вообще общеполитического положения, то я держусь такого убеждения, что экономические отношения находятся в неразрывной связи с политическими. В конце концов, хорошие политически отношения к известным странам не могут существовать без хороших экономических отношений и обратно; что Европа в среде других стран представляет собою дряхлеющую старуху и, что если так будет продолжаться, то через несколько столетий Европа будет совершенно ослаблена и потеряет первенствующее значение в мировом концерте, а заморские страны будут приобретать все большую и большую силу и через несколько столетий жители нашей земной планеты будут рассуждать о величии Европы, так как мы теперь рассуждаем о величии римской Империи, о величии Греции, о величии некоторых малоазиатских стран и о величии Карфагена; затем я сказал, что недалеко то время, когда к Европе будут относиться только с почтением и с почтением в такой мере, в какой вообще благовоспитанные лица относятся к бывшим красавицам, уже одряхлевшим и еле двигающим ногами.

Его Величество этот взгляд очень удивил и он мне поставил вопрос:

– Что же, по вашему мнению нужно делать для того, чтобы этого избегнуть?

Я ему на это ответил:

– Вообразите себе Ваше Величество, что вся Европа представляет собою одну Империю; что Европа не тратит массу денег, средств, крови и труда на соперничество различных стран между собою, не содержит миллионы войск для войн этих стран между собою и что Европа не представляет собою того военного лагеря, каким она ныне в действительности является, так как каждая страна боится своего соседа; конечно, тогда Европа была бы и гораздо богаче, и гораздо сильнее, и гораздо культурнее; она, действительно, явилась бы хозяином всего мира, а не дряхлая бы под тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того чтобы этого достигнуть, нужно прежде всего стремиться, чтобы установить прочные союзные отношения между Россией, Германией и Францией. Раз эти страны будут находиться между собою в твердом, непоколебимом союзе, то несомненно, все остальные страны континента Европы к этому центральному союзу примкнут и таким образом образуется общий континентальный союз, который освободит Европу от тех тягостей, который она сама на себя наложила для взаимного соперничества. Тогда Европа сделается великой, снова расцветет и ее доминирующее положение над всем миром будет сильным и установится на долгие времена. Иначе Европа и вообще отдельные страны ее составляющие находятся под риском больших невзгод.

Его Величество, выслушав эту речь, сказал мне, что мой взгляд очень интересен и оригинален, затем милостиво распростился со мною.

Это было в 1897 году; прошло менее 5 лет, в это время уже появилась на свет Божий великая Японская Империя, произошла война между Англией и бурами, результатом которой создано особое государство в Африке, входящее в сферу Английской Империи. В значительной степени усилились некоторые южноамериканские республики, – вообще замор-

ские страны приобретают все большую и большую силу, как политическую, так и военную и экономическую.

Когда уехал Германский Император, то при первом моем докладе Государю Императору Его Величество передал мне маленькую записку, говоря, что записку эту ему дал Германский Император.

В этой записке было изложено то, что мне говорил Германский Император, т. е. в ней говорилось об установлении боевых пошлин против Северо-Американской республики.

Я доложил Его Величеству, что об этом со мною говорил Германский Император и что я держусь такого то мнения. Государь Император приказал мне составить на эту записку ответ в том самом духе, в котором я говорил Германскому Императору, причем Император сказал, что он мое мнение разделяет.

Я составил ответ в виде ноты без подписи и передал Государю Императору. Государь Император сказал мне, что отошлет этот ответ Германскому Императору, при своем собственноручном письме.

После отбытия Германского Императора, я как то разговаривал с генерал-адмиралом Великим Князем Алексеем Александровичем по поводу пребывания Императора Вильгельма. Великий Князь сказал мне, что вообще Германский Император человек довольно эксцентричный, и что вот, когда Император Вильгельм был в Петергофе, то раз случился следующий инцидент:

Государь Император возвращался вдвоем с Германским Императором в экипаже. Когда Государь вернулся из этой поездки, то к нему по какому то делу зашел Великий Князь, Государь сказал Великому Князю, что ему крайне неприятно, что на возвратном пути Германский Император спросил его: нужен ли России китайский порт Киао-Чао, что в этот порт русские суда никогда не заезжают и что в своих целях, в интересах Германии, он желал бы занять этот порт, чтобы он был стоянкой германских судов, но не хочет этого сделать, не имея на то согласия русского Императора.

Государь не сказал Великому Князю Алексею Александровичу, дал ли он или не дал этого согласия, но только прибавил, что Германский Император, заговорив с ним об этом, поставил его в самое неловкое положение, так как он гость и категорически отказать ему в этом было бы неловко, что вообще ему это крайне неприятно.

Его Величество, человек весьма деликатный, и эта черта деликатности и крайней воспитанности проявлялась в нем особенно в его молодости. Мне поэтому понятно, что раз он ехал с своим гостем, Германским Императором, который так некорректно обратился к нему, прося, чтобы Государь не препятствовал занятию Германией китайского порта Киао-Чао, то Государь, по характеру своему, не мог категорически отказать и Германский Император мог понять, что Русский Государь дает, так сказать, на это свое благословение.

30-го ноля, как я уже говорил, Германский Император уехал за границу, а 11 августа прибыл в Петербург с ответным визитом Государю Императору президент французской республики Феликс Фор.

Феликса Фора сопровождал министр иностранных дел Ганото, который был в то время сравнительно молодым человеком. В настоящее время Ганото известен не только как министр иностранных дел, но и как академик; он был причислен к «бессмертным» за свои выдающиеся научно-литературные труды, в особенности за книгу о герцоге Ришелье.

Президент Фор представлял собою человека довольно видного, в молодости, вероятно, красивого, и имевшего претензию на красоту и в то время, когда он был уже в пожилых годах

президентом. Фор сначала попал в Сенат, а потом уже сделался президентом. Ранее же он был оптовым торговцем, кажется, лесом.

Он представлял собою тип человека любезного, умного, галантного, но в буржуазном смысле этого слова; имел претензию нравиться женщинам и держал себя довольно высокомерно; конечно, в душе, он сожалел, что он, собственно, только президент французской республики, а не король или не Император Франции.

Я встречался с Феликсом Фором и имел случай с ним говорить не только в Петербурге, но и впоследствии в Париже. Как то, будучи в Париже, я был даже приглашен к нему в Рамбулье (в Рамбулье президенты живут, обыкновенно летом), где он мне дал торжественный обед, а затем, после обеда мы сидели с ним на балконе, а под балконом проходили группы различных обществ с местной музыкой.

Сам по себе, по своим дарованиям, Феликс Фор ничего выдающегося из себя не представлял. Жена его, которая по летам вполне соответствовала его возрасту, была простая, буржуазная француженка, весьма скромная, и, по-видимому, шокировавшая его при торжественных случаях.

Феликс Фор продолжал ловеласничать и, – что не составляет секрета, – кончил свою жизнь крайне трагически и для человека, в особенности пожилого, а тем более для президента республики, крайне неприлично: у него произошел разрыв сердца, когда он находился наедине, в комнате, с одной дамой, женою известного художника Стенэль, которая год или два тому назад имела в Париже скандальный процесс, будучи обвинена в убийстве или в соучастии в убийстве своего мужа. Она, кажется, жива, но живет в Англии. Бывая часто в Биаррице, я много о ней слышал, когда она была еще девицей; она там жила и родилась, кажется, в Байоне (7 верст от Биаррица). Дама эта была очень красивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.